

Дин Рэй Кунц

Ложная память

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617075
Ложная память: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45305-4

Аннотация

Для кого-то клятва Гиппократов – принцип жизни, а для кого-то – лишь ширма, скрывающая властные амбиции и желание использовать обратившихся за помощью людей в качестве живых игрушек. Невольными участниками такой жестокой и смертельно опасной игры становятся Дастин и Мартина Родс. Всего за два дня их жизнь превращается в ад. Промывание мозгов – вот метод воздействия, который применили к ним, внедрив ложную память, полную кровавых драм и преступлений. Но кто сделал это и с какой целью? Ответа на этот вопрос у них нет. И времени на его поиски, похоже, тоже.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	55
Глава 12	57
Глава 13	59
Глава 14	62
Глава 15	65
Глава 16	69
Глава 17	71
Глава 18	76
Глава 19	80
Глава 20	82
Глава 21	87
Глава 22	95
Глава 23	102
Глава 24	107
Глава 25	115
Глава 26	122
Глава 27	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Дин Кунц

Ложная память

*Посвящаю эту книгу Тиму Хили Хатчинсону,
чья вера в мою работу, неизменная с давних пор до нынешнего
дня, придавала мне силы в те моменты, когда я особенно нуждался в
поддержке,
и Джейн Морпет, редактору,
взаимоотношения с которой являются самыми длительными
за всю мою карьеру благодаря лишь ее исключительному терпению,
доброте и снисходительности к дуракам!*

Это вымышленная история. Сюжет в целом, равно как и отдельные описанные в романе события и действующие лица, являются порождением фантазии автора. Любое возможное совпадение с реально существующими людьми, компаниями или происшествиями является случайным.

Аутофобия – реально существующее психическое расстройство. Этим термином обычно обозначают три различных состояния: (1) боязнь пребывания в одиночестве, (2) боязнь собственного эгоцентризма и (3) боязнь самого себя. Третья форма является редчайшей из всех перечисленных расстройств.

*Призрак облетающих лепестков
Зыбко тает в цветах
И свете луны...*

ОКИО

*Кошачьи усы,
перепонки на лапах моего пса,
который так любит плавать:
в каждой мелочи виден Бог.*

КНИГА ПЕЧАЛЕЙ

*В реальном мире как и в снах,
все не таково, каким кажется.*

КНИГА ПЕЧАЛЕЙ

*Жизнь – жестокая комедия.
И в этом
Кроется ее трагизм.*

МАРТИН СТИЛУОТЕР

Глава 1

В тот январский вторник, когда ее жизнь изменилась навсегда, Мартина Родс проснулась с головной болью, усмирила изжогу двумя таблетками аспирина с грейпфрутовым соком, полностью погубила свою прическу, взяв шампунь Дастина вместо своего, сломала ноготь, сожгла тост, обнаружила муравьев, рядами шествовавших по шкафчику под раковиной на кухне, уничтожила вредителей, полив их пестицидом с такой же жестокостью, с какой Сигурни Уивер в одном из тех старых фильмов про злобных внеземных пришельцев поливала врагов пламенем из своего огнемета, затем собрала бумажными полотенцами и торжественно поместила в мусорное ведро оставшиеся после побоища крохотные трупы, напевая при этом себе под нос реквием Баха, и поговорила по телефону со своей матерью, Сабриной, которая, несмотря на то что после свадьбы прошло уже три года, продолжала с надеждой ожидать распада брака Мартины. И при всем этом в ней сохранялось оптимистичное – даже, пожалуй, восторженное – отношение к предстоящему дню, так как она унаследовала от своего покойного папаши Роберта Вудхауса, Улыбчивого Боба, сильный характер, потрясающие способности к преодолению препятствий и глубокую любовь к жизни, а вдобавок еще и синие глаза, иссиня-черные волосы и кривоватые пальцы на ногах.

Спасибо, папочка!

Убедив мать, как всегда исполненную надежды, в том, что супружеская жизнь четы Родсов остается все такой же счастливой, Марти накинула кожаную куртку и повела своего золотистого ретривера Валета на утреннюю прогулку. С каждым шагом головная боль становилась все слабее.

Солнце острило свои огненные клинки на точиле ясного неба на востоке. Однако с запада прохладный береговой бриз нес зловещие груды темных облаков.

Собака беспокойно поглядывала на небо, осторожно принюхивалась к воздуху и настораживала висячие уши на шумевшие на ветру пальмовые листья. Ну конечно же, Валет не мог не знать о приближении шторма.

Он был ласковым игривым псом, но, однако, пугался громких звуков, как если бы в прежней жизни был солдатом и его часто посещали воспоминания о полях сражений, разрываемых пушечной канонадой.

К счастью для него, дождливая погода в Южной Калифорнии редко сопровождалась громом. Обычно дождь шел, не оповещая о себе, он шипел на улицах, шептался с листвой, ну а эти звуки даже Валет находил успокаивающими.

Обычно по утрам Марти целый час ходила с собакой по узким, обсаженным деревьями улицам Короны-дель-Мар, но по вторникам и четвергам у нее были особые дела, из-за которых экскурсию приходилось ограничивать пятнадцатью минутами. Валет, похоже, держал в своей пушистой голове календарь, так как по вторникам и четвергам он никогда не слонялся без толку и справлял нужду неподалеку от дома.

Этим утром, отойдя всего лишь один квартал от дома, пес застенчиво осмотрелся на травяном газоне между тротуаром и проезжей частью, осторожно поднял правую ногу и, как обычно, пустил струйку с таким видом, будто расстраивается из-за того, что место чересчур открыто.

Еще через неполный квартал он приготовился было выполнить вторую половину своего утреннего дела, но в этот момент его напугал громкий выхлоп проезжавшего мимо грузовика с мусором. Пес забился под королевскую пальму и осторожно выглядывал сначала с одной стороны ствола, а потом с другой, уверенный, что жуткая тарактелка вот-вот появится снова.

– Уже все в порядке, – сообщила ему Марти. – Дурацкий шумный сломанный грузовик уехал. Все прекрасно. Больше стрельбы здесь не будет.

Но Валет так и не поверил ей и продолжал беспокоиться.

Марти была одарена еще и тем терпением, которое отличало Улыбчивого Боба, особенно когда ей приходилось иметь дело с Валетом, которого она любила почти так же сильно, как любила бы ребенка, если бы он у нее был. Пес обладал прекрасным характером и был очень красив – шерсть цвета яркого золота, пушистые ноги бело-золотые, а на зад и пышном хвосте мягкие белоснежные флаги.

Конечно, в те минуты, когда пес приседал, чтобы справить нужду, как сейчас, Марти никогда не смотрела на него, потому что он при этом смущался ничуть не меньше, чем монахиня, которой довелось бы попасть в бар с полуголыми официантками. Ожидая, пока Валет покончит со своими делами, Марти негромко напевала «Время в бутылке» Джима Кроса – этот мотив всегда помогал собаке успокоиться.

Не успела она начать второй куплет, как по ее спине внезапно пробежала волна холода, заставив умолкнуть. Марти не относилась к числу женщин, одаренных способностью предвидения, но, когда ледяная дрожь добралась до шеи, ее охватило ощущение надвигающейся опасности.

Обернувшись, она была почти готова увидеть приближающегося противника или стремительный автомобиль. Но нет, она была по-прежнему одна на этой тихой жилой улице.

Ничто не стремилось к ней со смертельной угрозой. Шевелилось лишь то, что было подвержено действию ветра. Трепетали деревья и кусты. По тротуару неслись несколько свежесорванных коричневых листьев. Оставшиеся с недавнего Рождества гирлянды мишуры и лампочек шелестели и раскачивались под карнизом близлежащего дома.

Чувство обеспокоенности осталось, но Марти уже почувствовала себя совершенной дурой. Заметив, что затаила дыхание, она выдохнула, а когда воздух чуть слышно засвистел на зубах, то поняла, что крепко стиснула челюсти.

Вероятно, она все еще была напугана тем сном, от которого проснулась после полуночи, тем же самым, который уже видела несколько раз на протяжении последних ночей. Человек, сделанный из мертвых прелых листьев, – вот какой была фигура из кошмара. Куда-то неистово мчащаяся...

Затем ее пристальный взгляд упал на ее собственную удлинненную тень, которая протянулась по коротко подстриженной траве газона, лежала на проезжей части и загибалась на растрескавшийся бетонный тротуар. Это было невозможно объяснить, но ее беспокойство перерастало в тревогу.

Она отступила на шаг, потом еще на один, и, конечно, ее тень перемещалась вместе с нею. Только сделав третий шаг назад, она осознала, что испугалась именно этого самого силуэта.

Смешно. Еще абсурднее, чем ее сон. И все же что-то в ее тени было не так: какое-то изломанное искажение, нечто угрожающее. Ее сердце забилося с такой силой, как кулак колотит в дверь. В свете не успевшего подняться по небосклону утреннего солнца тени зданий и деревьев тоже были искажены, но она не видела ничего, внушавшего страх в их вытянутых переплетавшихся тенях – только в своей собственной тени.

Марти понимала нелепость своего испуга, но это понимание не уменьшало ее беспокойства. Ее начинал охватывать ужас, она пребывала на грани паники.

Тень, казалось, пульсировала в такт мощным замедленным ударами ее собственного сердца. При виде этого Марти все больше переполнял страх. Она закрыла глаза и попробовала взять себя в руки. На мгновение она ощутила себя настолько легкой, что, казалось, у ветра должно было хватить силы для того, чтобы поднять ее и увлечь в глубь материка

вместе с облаками, неуклонно сжимавшими полосу холодного синего неба. Но, когда она несколько раз глубоко вздохнула, вес постепенно возвратился к ней.

Когда Марти осмелилась снова взглянуть на свою тень, то уже не увидела в ней ничего необычного. Она испустила вздох облегчения.

Но ее сердце продолжало колотиться, правда, причиной этого был уже не иррациональный ужас, а вполне объяснимое беспокойство по поводу причины этого весьма необычного эпизода. Ничего подобного ей еще не приходилось испытывать.

Валет настороженно и как бы насмешливо, вытянув шею, смотрел на нее.

Она отпустила поводок.

Ее руки были влажными от пота. Она вытерла пальцы о свои светло-голубые джинсы.

Марти наконец сообразила, что собака сделала все свои дела, и засунула правую руку в специальный пластиковый мешок, используя его как перчатку. Она была хорошей соседкой и поэтому аккуратно собрала подарок, оставленный Валетом на газоне, вывернула ярко-синий мешок наизнанку, крепко закрутила горловину и завязала ее двойным узлом.

Ретривер застенчиво наблюдал за хозяйкой.

– Если ты когда-либо вздумаешь усомниться в моей любви, малыш, – сказала ему Марти, – то вспомни, что я делаю это каждый день.

У Валета на морде была написана благодарность. Или, возможно, просто облегчение.

Исполнение этой знакомой повседневной обязанности восстановило умственное равновесие Марти. Небольшой синий мешок и его теплое содержимое помогли ей вновь зацепиться за действительность. Необъяснимый эпизод остался в душе беспокойством, интригуя, но больше не пугая ее.

Глава 2

Скит сидел высоко на крыше, и его силуэт вырисовывался на фоне мрачного неба. Его сознание было помрачено галлюцинациями и мыслями о самоубийстве. Три жирные вороны кружили футах в двадцати над его головой, будто предвкусывая, что вот-вот произойдет нечто отвратительное.

А внизу на дороге стоял Мазервелл, упершись в бедра своими кулачищами. Хотя он и отвернулся от улицы, вся его поза недвусмысленно говорила о владевшей им ярости. В этом настроении ему больше всего хотелось свернуть кому-нибудь шею.

Дасти поставил свой фургон на мостовой позади патрульного автомобиля, украшенного названием охранной компании, которая обеспечивала безопасность жителей этого дорогостоящего огороженного жилого района. Стоявший около автомобиля высокий парень в униформе умудрялся своим видом одновременно продемонстрировать и властность, и непричастность к происходящему.

Трехэтажный дом, на крыше которого Скит Колфилд размышлял о бренности своей жизни, представлял собой кошмар площадью в десять тысяч квадратных футов и стоимостью в четыре миллиона долларов. Архитектор, имевший или паршивое образование, или большое чувство юмора, свалил в одну кучу сразу несколько средиземноморских стилей – современный испанский, классический тосканский, греческое Возрождение и вдобавок разрозненные элементы еще нескольких других. Если посмотреть сверху, то все это представляло собой несколько акров небрежно набросанных одна подле другой пузатых черепичных крыш; их хаотическое изобилие подчеркивалось чересчур многочисленными дымоходами, бездарно замаскированными под колокольни с куполами. Бедняга Скит взгромоздился на высшую точку этого горного хребта, рядом с наиболее уродливой из этих колоколен.

Вероятно, охранник не имел достаточно четкого представления о том, что ему следует делать в этой ситуации, но знал, что обязан сделать хоть что-нибудь, и поэтому поинтересовался:

– Я могу чем-то помочь вам, сэр?

– Я подрядчик-маляр, – отозвался Дасти.

Возможно, Дасти показался загорелому охраннику подозрительным, а может быть, тот был косым от природы – кожу на его лице прорезало такое множество морщин, что оно стало похожим на часть недоделанного оригами.

– Подрядчик-маляр, ха! – скептически повторил он.

Дасти был одет во все белое: хлопчатобумажные брюки, пуловер, легкий пиджак из хлопчатобумажной ткани и кепку, на которой повыше козырька были синими буквами напечатаны слова «МАЛЯРНЫЕ РАБОТЫ РОДСА», что должно было придать некоторую убедительность его представлению. Он вполне мог бы поинтересоваться у недоверчивого охранника, неужели район осаждают банда профессиональных грабителей, замаскированных под оформителей интерьера, водопроводчиков и трубочистов, но вместо этого он просто ткнул пальцем в свою кепку и сказал:

– Я Дастин Родс, а тот человек наверху из моей команды.

– Команды? – Охранник нахмурился. – Вы так это называете? – То ли он был настроен саркастически, то ли просто не был способен поддерживать беседу.

– Большинство маляров называют это командой, – пояснил Дасти, не отрывая взгляда от Скита, размахивавшего руками. – Мы сначала назывались ударным отрядом, но это пугало некоторых домовладельцев, звучало чересчур агрессивно, так что теперь мы называемся просто командой, как и все остальные.

– Ха! – громко выдохнул охранник. Его косоглазие стало еще заметнее. Было совершенно невозможно определить, о чем он думает – пытается ли понять, о чем говорил Дасти, или решает, стоит дать собеседнику по зубам или не делать этого.

– Не волнуйтесь, Скит спустится вниз, – заверил Дасти.

– Кто?

– Прыгун, – пояснил Дасти и направился по проезжей части к стоявшему все на том же месте Мазервеллу.

– Как вы думаете, может быть, мне стоит позвонить в пожарную команду? – озабоченно спросил охранник, направляясь вслед за ним.

– Нет. Он не станет поджигать себя перед тем, как прыгнуть.

– Тут хорошие соседи.

– Хорошие? Черт возьми, это просто чудесно.

– Наши жители расстроятся из-за самоубийства.

– Мы подметим кишки, сложим в мешок все остальное, смоем кровь, и они вообще не узнают, что тут произошло.

Дасти испытывал одновременно и облегчение, и удивление из-за того, что никто из соседей до сих пор не примчался, чтобы понаблюдать за драматическими событиями. В этот ранний час, возможно, они все еще ели горячие сдобные булочки с икрой и попивали шампанское и апельсиновый сок из золотых кубков. К счастью, клиенты Дасти, Соренсоны, на чьей крыше Скит заигрывал со смертью, проводили отпуск в Лондоне.

– Привет, Нед, – негромко сказал Дасти.

– Ублюдок, – откликнулся Мазервелл.

– Я?

– Он, – уточнил Мазервелл, указывая на сидевшего на крыше Скита.

Нед Мазервелл, в котором было шесть футов пять дюймов¹ и 260 фунтов¹, был на полфута выше ростом и почти на сотню фунтов тяжелее, чем Дасти. Его руки не стали бы более мускулистыми, если бы вместо них пришили ноги клейсдейльского тяжеловоза. Несмотря на прохладный ветер, он был одет в футболку с короткими рукавами и даже не накинул какой-нибудь жилетки; Мазервелл, казалось, обращал на погоду не больше внимания, чем это могла бы сделать гранитная статуя Пола Баньяна².

– Проклятье, босс, мне кажется, что я звонил тебе еще вчера, – сказал Мазервелл, пощелкав пальцами по телефону, прицепленному к поясу. – Где тебя носило?

– Ты позвонил мне десять минут назад, и все это время я стоял перед светофорами и пропускал школьников на переходах.

– В этом районе действует ограничение скорости – двадцать пять миль³ в час, – торжественно сообщил охранник.

Мазервелл, с негодованием глядя на Скита Колфилда, потряс кулаком.

– Знаешь, парень, я с удовольствием прибил бы этого панка.

– Это перепуганный ребенок, – отозвался Дасти.

– Это сопляк, нажавшийся «дури», – возразил Мазервелл.

– В последнее время он не касался ее.

– Он дерьмо.

– Нед, у тебя такое прекрасное сердце...

¹ 196 см и 118 кг. (Здесь и далее прим. пер.)

² Великан-дровосек, персонаж фольклора США.

³ Миля (США) приблизительно равна 1,61 км.

– У меня, что гораздо важнее, есть мозги, и я не собираюсь пудрить их себе проблемой наркотиков и не хочу находиться рядом с людьми, стремящимися к самоуничтожению, как вон тот.

Нед, бригадир команды, участвовал в движении «Стрейт Эджер». Это почти неправдоподобное, но неуклонно развивающееся движение среди подростков и молодежи двадцати с небольшим лет (причем мужчин в нем было значительно больше, чем женщин) призвало воздерживаться от употребления наркотиков, чрезмерного пьянства и случайных половых связей. Они предпочитали головоломный рок-н-ролл, слэм-данс⁴, сдержанность в общении и чувство собственного достоинства. Какой-либо из элементов истеблишмента мог бы явиться для них вдохновляющим культурным ориентиром, но дело было в том, что участники «Стрейт Эджер» ненавидели систему и презирали обе главные политические партии. Если в клубе или на концерте они случайно обнаруживали наркомана, то выколачивали из него «дурь» и не давали себе при этом труда именовать свои поступки суровой любовью. Вероятно, эта линия поведения служила и тому, чтобы удержать их поодаль от политической жизни.

Дасти любил и Мазервелла и Скита, хотя по различным причинам. Мазервелл был острым, веселым и надежным – если, конечно, был справедлив. Скит был кротким и добрым, но, вероятно, обречен на жизнь, посвященную безрадостному самооправданию, жизнь, полную дней, прожитых без цели, и одиноких ночей.

Из этой пары Мазервелл был гораздо лучшим работником. Если бы Дасти строго следовал правилам, изложенным в учебнике для менеджеров, то он уже давно прогнал бы Скита из команды.

Конечно, руководствуясь одним только здравым смыслом, можно значительно облегчить жизнь, но порой легкий путь и верный путь не суть одно и то же.

– Судя по всему, дождь не даст нам работать, – сказал Дасти. – Тогда непонятно, зачем же ты послал его на крышу? Это во-первых.

– Я не посылал его. Я велел ему прочистить песком оконные коробки и отделку на первом этаже. И сразу же после этого я обнаружил, что он сидит там и говорит, что намерен брякнуться вниз о мостовую своей глупой головой.

– Я сниму его.

– Я уже пытался. Но чем ближе я к нему подходил, тем истеричнее он становился.

– Он, вероятно, боится тебя, – предположил Дасти.

– И он чертовски прав. Если его убью я, то это будет куда больнее, чем раскроить череп о бетон.

Охранник со щелчком открыл свой сотовый телефон.

– Может быть, я лучше вызову полицию?

– *Нет!* – Понимая, что его голос прозвучал слишком резко, Дасти глубоко вздохнул и уже спокойнее пояснил: – Жители таких районов не любят, когда начинается суета, которой можно было бы избежать.

Если приедут копы, то им, возможно, и удастся благополучно спустить Скита с крыши, но ведь после этого они передадут его в руки психиатров, а те продержат парня самое меньшее три дня. Но скорее всего, гораздо дольше. А Скит сейчас меньше всего нуждался в том, чтобы попасть в руки одного из тех передовых докторов, которые с непоколебимым энтузиазмом ринулись в объятия психоактивной фармакопеи и щедро поят всех без разбора пуншем из лекарств для коррекции поведения, а это хотя и успокоит его на непродолжительное

⁴ Групповые танцы в стиле панк-рок, в которых участники подпрыгивают, крутятся, катаются по земле и сталкиваются друг с другом.

время, но в конечном счете приведет все его синапсы в еще больший беспорядок, нежели сейчас.

– В таких местах, – повторил Дасти, – не любят спектаклей.

Окинув взглядом огромные дома, выстроившиеся вдоль улицы, королевские пальмы и величественные фикусы, ухоженные лужайки и цветники, страж принял решение:

– Я даю вам десять минут.

Мазервелл поднял над головой правую руку и погрозил Скиту кулаком.

Скит, над которым вороны продолжали свой хоровод, помахал в ответ.

– Во всяком случае, он не кажется настроившимся на самоубийство, – проворчал охранник.

– Этот маленький выродок говорит, что он счастлив, потому что рядом с ним сидит ангел смерти, – объяснил Мазервелл, – а ангел, дескать, показывает ему, каково там, на той стороне, и рассказывает, что там-де царит самый что ни есть благоговейный покой.

– Я пойду поговорю с ним, – сказал Дасти.

Мазервелл нахмурился.

– Поговори, черт бы его подрал. А еще лучше – подтолкни хорошенько.

Глава 3

Тяжелое небо, набрякшее от непролившегося дождя, опускалось все ниже к земле, ветер усиливался. Марти с собакой на поводке рысью бежала домой. Она несколько раз поглядела вниз, на следовавшую за ней тень, но вскоре штормовые облака закрыли солнце, и ее темный компаньон исчез, как будто просочился сквозь землю, вернувшись в какой-то потусторонний мир.

Минуя близлежащие дома, она окидывала их взглядом и снова и снова задавала себе один и тот же вопрос: если бы кто-нибудь выглянул в окно и заметил ее эксцентричное поведение, показалась бы она наблюдателю такой же странной, какой сама ощущала себя?

В этом живописном районе дома были в основном старыми и маленькими, хотя многие из них были любовно отделаны и обладали бóльшим обаянием и чертами характера, чем половина *людей*, с которыми была знакома Марти. Преобладала испанская архитектура, но попадались и котсуолдские коттеджи, и французские хижины, и немецкие сельские дома, и бунгало в стиле «ар деко»⁵. Все это эклектичное смешение объединялось воедино зеленой вышивкой лавров, пальм, ароматных эвкалиптов, папоротников, каскадами бугенвиллей и было очень приятным на вид.

Марти, Дасти и Валет жили в миниатюрном прекрасно отделанном двухэтажном викторианском строении с изящными декоративными карнизами. Дасти довелось расписать, иначе и не скажешь, несколько домов на различных улицах Сан-Франциско в красочной, но притом весьма замысловатой викторианской традиции: бледно-желтый фон, синие, серые и зеленые орнаменты и немного розового в единственной детали карниза и на оконных проемах и рамах.

Марти любила свой дом и считала, что в его отделке великолепно проявились талант и умение Дасти. Однако ее мать, впервые посмотрев на окрашенный дом, заявила, что он выглядит так, будто здесь живут клоуны.

Когда Марти открыла деревянные ворота в ограде с северной стороны дома и проследовала за Валетом по узенькой дорожке, вымощенной кирпичом, к заднему двору, у нее вдруг мелькнула мысль: не мог ли ее беспричинный испуг каким-то образом зародиться от угнетающего воздействия телефонного звонка матери? В конце концов источником самых больших напряжений в ее жизни был отказ Сабрины принять Дасти. А ведь этих двоих людей Марти любила больше всего на свете и очень хотела, чтобы между ними установился мир.

Дасти был ни при чем в этой ее проблеме. Единственной воюющей стороной в этой грустной войне была Сабрина. И, что самое парадоксальное, твердая решимость Дасти отказаться от участия в сражении, казалось, только укрепляла ее враждебность.

Остановившись около мусорных бачков около задней стены дома, Марти подняла крышку одного из них и добавила к его содержимому синий полиэтиленовый пакет с произведением Валета.

Возможно, ее внезапное необъяснимое беспокойство было порождено именно воздействием матери, постоянно скулившей по поводу того, что, как ей казалось, у Дасти не хватает жизненных амбиций и недостаточно того, что Сабрина считала полноценным образованием. Марти опасалась, что материнский яд в конечном счете может отравить ее брак. Она могла бы против своего желания начать смотреть на Дасти беспощадно критическим взглядом своей матери. Или, возможно, Дасти начал бы обижаться на Марти за неуважительное отношение к нему Сабрины.

⁵ Декоративный стиль, отличающийся яркими красками и геометрическими формами (20–30 гг. XX в.).

На самом деле, Дасти был самым мудрым человеком из всех, кого Марти когда-либо знала. «Двигатель», установленный между его ушами, работал точнее, чем даже у ее отца, а Улыбчивый Боб был неизмеримо более значительным человеком, чем это можно было заключить из его прозвища. Что касается амбиций... Лично ей больше нравилось иметь доброго мужа, чем честолобивого, а в Дасти было больше доброты, нежели алчности в Лас-Вегасе.

Кроме того, и карьера самой Марти не оправдывала ожиданий матери. Получив степень бакалавра (с высокими оценками по бизнесу и пониже – по маркетингу) и квалификацию «Специалист делового администрирования», она свернула с дороги, которая должна была привести ее к славному положению высокопоставленного руководителя корпорации. Вместо этого она стала внештатным разработчиком компьютерных игр. Она продала несколько незначительных удачных работ, которые сделала сама от начала до конца, а потом стала заключать контракты на разработанные другими сценарии, персонажи и фантастические миры. Она зарабатывала хорошие, а может быть, даже и большие деньги и подозревала, что в этой сфере деятельности, практически полностью занятой мужчинами, она как женщина имеет в конечном счете значительное преимущество, так как обладает свежим взглядом. Она любила свою работу и недавно подписала контракт на создание абсолютно новой игры на основе знаменитой трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин Колец». Эта работа могла бы повлечь за собой столько лицензионных платежей, что это произвело бы впечатление даже на Скруджа Мак-Дака. Однако мать, ничтоже сумняшеся, называла ее работу «карнавальная чепухой», очевидно, потому, что в представлении Сабрины компьютерные игры были связаны с галереями игровых автоматов, автоматы – с луна-парками, а луна-парки – с карнавалами. Марти предполагала, что ей еще повезло, так как матери ничего не стоило сделать еще один шаг и обозвать ее работу как создание аттракционов для наркоманов.

Поднимаясь в сопровождении Валета по черной лестнице к двери, Марти сообщила ему о своих мыслях:

– Возможно, психоаналитики станут утверждать, что именно в ту минуту моя тень оказалась олицетворением моей матери, ее негативной ауры, – Валет усмехнулся в ответ и помахал своим пышным хвостом, – и что этот легкий приступ волнения явился проявлением неосознанного беспокойства по поводу того, что с мамой... все в порядке, что она окажется в состоянии рано или поздно посеять хаос в моем сознании и отравить меня своим ядовитым отношением к нам.

Марти выудила из кармана куртки связку ключей и открыла дверь.

– Мой бог, я говорю точь-в-точь как второкурсник колледжа, прослушавший половину вводного курса психологии.

Она часто разговаривала с собакой. Пес слушал, но никогда не отвечал, и его молчаливость была одним из краеугольных камней их замечательных отношений.

– Скорее всего, – продолжала она, проходя вслед за Валетом в кухню, – во всем этом не было никакой психологической символики, и я просто-напросто намереваюсь окончательно свихнуться.

Валет фыркнул, словно соглашался с поставленным хозяйкой диагнозом безумия, и принялся с увлечением лакать воду из своей миски.

Пять дней в неделю, по утрам, после долгой прогулки или она, или Дасти задерживались около черного хода в дом еще на полчаса и ухаживали за собакой – расчесывали и чистили шерсть. По вторникам и четвергам эти процедуры следовали за дневной прогулкой. В их доме почти не было собачьей шерсти, и такой порядок Марти собиралась поддерживать и впредь.

– Ты обязан, – напомнила она Валету, – не лаять вплоть до особого уведомления. И помни – то, что нас нет дома и мы не можем поймать тебя на месте преступления, ни в коем

случае не означает, что у тебя есть право на пользование мебелью и неограниченный доступ в холодильник.

Он поднял на хозяйку глаза с немым укором, будто пытался сказать, что оскорблен ее недоверием, а потом снова принялся пить.

Марти включила свет в маленькой ванной, примыкавшей к кухне. Она намеревалась проверить состояние косметики на лице и еще раз причесать растрепанные ветром волосы.

Когда она вошла в комнатку, ее грудь снова стиснуло от внезапного испуга, а сердце, как ей показалось, что-то с силой сжало. На сей раз у нее не было уверенности в том, что смертельная опасность прячется за спиной, как это было на улице. Теперь она боялась взглянуть в зеркало.

Почувствовав резкую слабость, Марти вдруг согнулась, ее плечи ссутулились, словно на спине оказалась тяжелая груда камней. Опершись обеими руками о пустую раковину, она принялась пристально разглядывать ее. Необъяснимый страх охватил ее с такой силой, что она была физически не способна взглянуть вверх.

На изогнутом белом фарфоре раковины лежал ее собственный черный волос, конец его свешивался в открытое медное отверстие слива, и даже эта безобидная нить показалась ей зловещей. Все так же, не смея поднять глаза, она повернула кран горячей воды и смыла волос.

Пустив струю воды, она принялась вдыхать поднимавшийся пар, но это не помогло изгнать холод, вновь охвативший ее. Постепенно раковина, в которую она вцепилась пальцами с побелевшими от напряжения костяшками, стала теплеть, но руки все так же оставались холодными.

Зеркало, казалось, чего-то дожидалось. Марти больше не могла думать о нем как о простом неодушевленном предмете, как о безопасном листе стекла с серебряной подложкой. Или же, вернее, что-то, скрывавшееся в зеркале, дожидалось возможности встретиться взглядом с ее глазами. Некая сущность. Призрак.

Не поднимая головы, она взглянула направо и увидела Валета, стоявшего в двери. Обычно озадаченное выражение на морде собаки вызывало у нее смех, но сейчас для смеха требовалось сознательное усилие, а то, что должно было получиться, скорее всего прозвучало бы совсем не как смех.

Хотя она боялась зеркала, она также – и еще сильнее – была испугана своим собственным странным поведением, крайне нетипичной для нее потерей контроля над собой.

Пар оседал на ее лице. От него першило в горле, было трудно дышать. А бульканье бегущей воды начало казаться злорадными голосами, злым хихиканьем.

Марти завернула кран. В наступившей тишине отчетливо слышалось ее дыхание; оно было тревожно быстрым и неровным, и в нем безошибочно угадывалось отчаяние. Там, на улице, глубокое дыхание помогло ей очистить разум, изгнать страх, после чего искаженная тень перестала угрожать. Однако на сей раз каждый вдох, казалось, лишь усиливал ее ужас, как порывы сквозняка помогают разгореться огню.

Она сбежала бы куда-нибудь, но силы совсем покинули ее. Ее ноги были как ватные, и она боялась, что упадет и ударится обо что-нибудь головой. Раковина нужна была ей как опора, чтобы удержаться на ногах.

Она попробовала рассуждать сама с собою, надеясь с помощью простых логических умозаключений вернуть себе нормальное душевное состояние. Зеркало не могло причинить ей вреда. Оно не является существом. Просто вещь. Неодушевленный предмет. Помилуй бог, простое стекло.

Ничто из того, что она может увидеть в зеркале, не может представлять для нее угрозы. Это же не окно, за которым мог бы стоять какой-нибудь ненормальный, с сумасшедшей усмешкой заглядывающий внутрь, с глазами, горящими жадой убийства, как в дрянном

фильме ужасов. Зеркало не в состоянии показать ей ничего, кроме отражения крошечной ванной и ее самой, Марти.

Логика не действовала. В темных глубинах собственного сознания, в которые ей никогда еще не доводилось погружаться, она обнаружила уродливый лик суеверия.

Марти наконец решила, что нечто, поселившееся в зеркале, обрело сущность и силу именно из-за тех усилий, которые она прикладывала для того, чтобы убедить себя в нереальности этого ужаса. Она закрыла глаза, чтобы не бросить взгляд на этот враждебный призрак даже краешком глаза. Каждый ребенок знает, что бука под кроватью становится все сильнее и опаснее с каждым новым опровержением его существования, что лучше всего просто не думать о голодном чудище, чье зловонное дыхание пропитано кровью других детей, чудище, прячущемся под пружинным матрасом рядом с пыльными плюшевыми кроликами. *Просто не думать о нем вообще*, о его безумных желтых глазах и шершавом черном языке. *Не думать о нем*, и в конце концов оно исчезнет, придет благословенный сон, а потом наступит утро, и ты проснешься в своей уютной кровати, лежа под теплыми одеялами, а не в животе какого-то демона.

Валет, усевшийся перед Марти, принялся чесаться, и она чуть не закричала.

Когда она открыла глаза, то увидела, что собака глядит на нее с тем одновременно умоляющим и обеспокоенным выражением, благодаря которому золотистые ретриверы считаются чуть ли не совершенством среди собак.

Хотя Марти вовсе не была уверена, что сможет стоять самостоятельно, если перестанет опираться на раковину, она все же заставила себя отцепить одну руку. Дрожа всем телом, она дотянулась до Валета.

И, как будто собака была громоотводом, часть парализовавшего женщину страха мгновенно вытекла из нее, словно потрескивающий электрический ток в высоковольтных проводах. Она вновь ощутила себя прочно стоящей на земле, а крошечный ужас сменился простым опасением.

Ведь нежный, ласковый и прекрасный Валет был робким существом. Если он ничего не испугался в этой маленькой комнатке, то никакой опасности там просто не существовало. Пес лизнул ей руку.

Набравшись храбрости от собаки, Марти наконец подняла голову. Медленно. Превозмогая зловещие предчувствия. В зеркале не было никакого чудовищного лика, никакого потустороннего пейзажа, никакого призрака – только ее собственное совершенно бледное лицо и знакомая ванная комната позади.

Когда она всмотрелась в отражение своих синих глаз, ее сердце заколотилось снова, поскольку в каком-то очень существенном смысле она стала незнакомкой сама для себя. Эта трясущаяся женщина, пугающаяся собственной тени, охваченная паникой из-за того, что нужно было взглянуть в зеркало... Это была не Мартина Родс, дочь Улыбчивого Боба, которая всегда крепко держала в руках уздечку жизни, твердо сидела в седле и с воодушевлением ехала своим путем.

– Что со мной происходит? – спросила она у женщины в зеркале, но ни отражение, ни собака не могли дать ей ответа.

Зазвонил телефон. Она вошла в кухню, чтобы ответить.

Валет шел за ней следом. Он смотрел на нее с удивлением; хвост вильнул было один раз, а потом замер в неподвижности.

– К сожалению, вы ошиблись номером, – сказала Марти и положила трубку. Тут она обратила внимание на то, что собака глядит на нее совсем не так, как обычно. – Ну, а что не так с тобой?

Валет продолжал разглядывать ее; шерсть у него на загривке слегка взъерошилась.

– Клянусь, это была не соседская девочка-пуделиха, и спрашивали не тебя.

Когда она возвратилась в ванную, к зеркалу, ей по-прежнему не понравилось то, что она видела, но теперь она знала, как ей поступить.

Глава 4

Дасти прошел под ветвями финиковой пальмы, мягко шелестящими от порывов ветра, и завернул за угол дома. Здесь он обнаружил третьего участника команды, Фостера Ньютона по прозвищу Пустяк.

На поясе Пустяка болтался его неизменный радиоприемник. Пара наушников вдувала радиоразговоры ему в уши.

Он не слушал программы, в которых обсуждались политические новости или проблемы современной жизни. В любой час, днем или ночью, Пустяк знал, где на шкале настройки находятся передачи, повествующие об НЛО, похищениях людей инопланетянами, телефонных звонках покойников с того света, существах из четвертого измерения и снежном человеке.

– Привет, Пустяк.

– Привет.

Пустяк старательно оттирал пемзой оконную раму. Его пальцы, покрытые мозолистой кожей, были белыми от содранной краски.

– Ты знаешь про Скита? – спросил Дасти, проходя мимо него по вымощенной черным сланцем дорожке.

Тот кивнул.

– На крыше.

– Притворяется, будто собирается спрыгнуть.

– Может, и прыгнет.

От удивления Дасти остановился и обернулся всем телом.

– Ты и впрямь так думаешь?

Ньютон был обычно настолько молчалив, что Дасти ожидал, что в ответ на вопрос тот разве что пожмет плечами. Но Пустяк против своего обыкновения высказался:

– Скит не верит.

– Во что? – несколько оторопев, спросил Дасти.

– Ни в какие слова.

– Но ведь на самом деле он неплохой мальчишка.

Ответная реплика Пустяка могла, вероятно, равняться застольному спичу для иного человека:

– Проблема в том, что в нем мало что есть.

Благодаря своему округлому, как пирог, лицу, подбородку, похожему на сливу, толстогубому рту, вишнево-красному носу с круглым, как та же вишня, кончиком и ярко красным щекам Ньютон Фостер вполне мог бы сойти за беспутного гедониста. Но карикатурность облика сразу же отходила на второй план, стоило лишь взглянуть в его ясные серые глаза, увеличенные толстыми стеклами сильных очков. Глаза были полны печали. Это не была печаль, связанная с какой-то определенной причиной, например, в данный момент с самоубийственным порывом Скита, нет, это была вечная печаль, с которой Пустяк, казалось, воспринимал всех и вся.

– Пустота, – добавил он.

– Скит? – переспросил Дасти.

– Он пуст.

– Он найдет себя.

– Он бросил поиски.

– Это пессимизм, – отрезал Дасти, поневоле подстраиваясь под лаконичный разговорный стиль Пустяка.

– Реализм.

Пустяк поднял голову. Его внимание переключилось на дискуссию, которую передавали по радио. Дасти слышал только слабый жестяной звук невнятного шепота, чуть доносившийся из одного наушника. Пустяк стоял, склонившись над подоконником, с куском шлифовальной пемзы в руке, его глаза были наводнены еще большей печалью, которая, скорее всего, возникла под влиянием того сверхъестественного, чему он внимал, неподвижный, будто пораженный паралитическим лучом из оружия инопланетянина.

Взволнованный мрачным предсказанием Пустяка, Дасти поспешил к длинной алюминиевой раздвижной лестнице, по которой раньше поднялся на крышу Скит. После краткого размышления он решил переставить ее к фасаду дома. Скит мог слишком взволноваться из-за чересчур прямого подхода и спрыгнуть вниз прежде, чем его удалось бы уговорить спуститься по лестнице. Дасти торопливо полез вверх, ступеньки грохотали под его ногами.

Вступив с вершины лестницы на крышу, Дасти оказался над задним фасадом дома. Скит Колфилд находился над передним фасадом, его не было видно за круто вздымавшимися рядами оранжевых плиток-черепиц из обожженной глины, которые делали крышу похожей на чешуйчатый бок спящего дракона.

Этот дом располагался на холме, и в паре миль к западу от него, за перенаселенной низиной Ньюпорт-Бич и его укромной гаванью, лежал Тихий океан. Обычная синева воды, словно осадок, опустилась на океанское дно, и изменчивые волны были окрашены во множество оттенков серого, смешанного с черным: отражение неприветливых небес. На горизонте море и небо, казалось, вставали дыбом, образовав колоссальную темную волну, которая, если дойдет до дела, может помчаться на берег с такой силой, что перевалит за Скалистые горы более чем на шесть сотен миль к востоку.

Позади дома, на сорок футов ниже, чем Дасти, находился вымощенный сланцем патио, который представлял собою более серьезную опасность, чем море и приближающийся шторм. И Дасти было гораздо легче представить себе, как его кровь разбрызжется по сланцевым плиткам, чем увидеть мысленным взором залитые наводнением почти до самых вершин Скалистые горы.

Повернувшись спиной к океану и к угрожающей пустоте за краем крыши, пригнувшись и вытянув руки вперед и чуть в стороны, чтобы они служили противовесом такой опасной силе земного притяжения, Дасти принялся карабкаться вверх по крыше. С берега пока что дул просто сильный бриз, еще не превратившийся в полноценный ветер, но Дасти был благодарен за то, что он дует ему в спину и прижимает к крыше, вместо того чтобы отдирать от нее. Достигнув стыка с длинным уклоном, он, расставив для устойчивости ноги, утвердился на гребне и бросил взгляд в сторону переднего фасада дома, через ломаные грани сложной крыши.

Скит балансировал на другом коньке, проходившем параллельно этому, около двухтрубного дымохода, замаскированного под приземистую звонницу. Оштукатуренную башню поддерживали палладиевские⁶ арки, колонны из фальшивого известняка подпирали обшитый медью купол в испанском колониальном стиле, но наверху купол был урезан, причем венчавший его декоративный готический шпиль казался здесь не более уместным, чем была бы гигантская неоновая реклама пива «Будвайзер».

Скит сидел спиной к Дасти, поджав к груди колени, и глядел на ворон, которые все так же кружили над ним. Его руки были воздеты к птицам в любовном жесте, приглашавшем их сесть ему на голову и плечи, как если бы он был не маляром, а святым Франциском Ассизским в обществе его крылатых друзей.

⁶ Палладио, Андреа (1508–1580) – итальянский зодчий, один из основоположников архитектуры Возрождения.

Все так же балансируя на гребне крыши, как пингвин, Дасти поплелся к северу и добрался до места, где крыша, на которой он находился, нависала карнизом над другой крышей, снижавшейся с запада к востоку. Он сошел с конька и принялся сползать по закругленным черепицам, как можно сильнее откидываясь назад, так как теперь земля всей силой своей гравитации непреклонно тащила его вперед. Присев на корточки, он после секундного колебания перепрыгнул через водосточный желоб и оказался на три фута ниже, приземлившись на три точки на покатой поверхности; каждая из ног, обутых в тапочки на резиновой подошве, оказалась по обе стороны гребня, на противоположных скатах.

Дасти не смог хорошо сбалансировать свой вес в момент приземления, и его резко качнуло вправо. Он попытался удержать равновесие, но мгновенно осознал, что не сможет устоять. И поэтому, не дожидаясь, пока его тело выйдет из-под контроля и покатится навстречу смерти, он сам бросился ничком и растянулся на черепичном гребне, упираясь изо всей силы правой рукой и ногой в южный скат и пытаясь левой рукой и ногой зацепиться за северный. Ему вдруг пришло в голову, что он ведет себя как перепуганный неумелый ковбой, усевшийся на родео на разъяренного быка.

Так он полежал некоторое время, рассматривая оранжево-коричневую черепицу, покрытую чуть заметной патиной мертвых лишайников. Это напомнило ему картины Джексона Поллока⁷, хотя естественная картина была тоньше, привлекательнее для глаз и исполнена большего значения.

Когда начнется дождь, пленка мертвого лишайника сразу же станет скользкой, и удержаться на обожженной в печи черепице будет труднее, чем на ледяном склоне. Он должен был добраться до Скита и спуститься вместе с ним с крыши до того, как на город обрушится шторм. Наконец он пополз вперед к еще одной колоколенке, поменьше. На этой купола не было, она представляла собой миниатюрную версию мечети и была облицована изразцами с каноническим исламским изображением Райского дерева. Владельцы дома не были мусульманами и, вероятно, включили эту деталь в отделку потому, что сочли ее привлекательной на вид, хотя ею не мог любоваться никто, кроме кровельщиков, маляров и трубочистов.

Прислонясь к шестифутовой башне, Дасти поднялся на ноги. Цепляясь руками за вентиляционные отверстия, он обполз вокруг строения и добрался до следующего открытого отрезка крыши.

И снова он, балансируя на коньке, заторопился на полусогнутых ногах к другой проклятой псевдоколокольне с таким же Райским деревом. Он казался себе похожим на Квазимодо, горбуна, жившего некогда на колокольне собора Парижской Богоматери; правда, он был, пожалуй, не так уродлив, как тот бедняга, но и не так ловок.

Таким же образом он обошел следующую башню и направился к концу кровли, протянувшейся с запада на восток, над которой нависал карниз кровли, ориентированной с севера на юг, что венчала переднее крыло дома. Скит оставил короткую алюминиевую лестницу, по которой поднимался с нижней части крыши на более высокую, и Дасти воспользовался ею, встав, как обезьяна, на четвереньки, когда переползал с последней ступеньки на очередной скат.

Когда Дасти наконец покорил последнюю вершину, Скит встретил его без всякого удивления или тревоги.

— С добрым утром, Дасти.

— Привет, Малыш.

Дасти было двадцать девять лет, всего на пять лет больше, чем Скиту, тем не менее он всегда воспринимал его как ребенка.

⁷ Поллок, Джексон (1912–1956) – американский живописец, один из основоположников абстракционизма в американской живописи.

– Ты не будешь возражать, если я присяду?

– Уверен, что твое общество будет мне приятно, – с улыбкой отозвался Скит.

Дасти угнездилился рядом с ним на гребень крыши, сжав колени и плотно упершись подошвами ботинок в черепичные плитки.

Далеко на востоке, за дрожащими от ветра верхушками деревьев и множеством крыш, за автострадами и кварталами массовой застройки, за холмами Сан-Хоакин возвышались бурые иссохшие горы Санта-Аны. Сейчас, перед сезоном дождей их вековые пики обвивали густые тучи, словно грязные тюрбаны.

Внизу, на дороге, Мазервелл разворачивал большой кусок брезента, правда, его самого видно не было.

Охранник хмуро посмотрел на них, а потом демонстративно поднял руку и перевел взгляд на часы. Действительно, он дал Дасти десять минут на то, чтобы уговорить Скита спуститься.

– Извини, – сказал Скит устрашающе спокойным голосом.

– За что?

– За прыжки на работе.

– Ты мог бы оставить это занятие на свободное время, – согласился Дасти.

– Да, но мне хочется спрыгнуть, когда я счастлив, а не когда я несчастен, а на работе я чувствую себя самым счастливым.

– Что ж, я стараюсь делать так, чтобы работать было приятно.

Скит негромко рассмеялся и вытер рукавом сопливый нос.

Скит всегда был худощав, но прежде он был крепким и стройным, а теперь он был тощим, даже изможденным, но при этом казался каким-то чересчур мягким, как будто потерянный им вес приходился целиком на кости и мускулы. Он был к тому же очень бледен, хотя часто работал на солнце; призрачная бледность проглядывала сквозь его загар, который был сейчас скорее серым, чем коричневым. В дешевых тапочках из черного брезента на белой резиновой подошве, красных носках, белых штанах и драном бледно-желтом свитере с потертыми манжетами, которые свободно болтались вокруг его костистых запястий, он был похож на мальчика, потерявшегося ребенка, скитавшегося в пустыне без пищи и воды.

Скит снова вытер нос рукавом свитера и пояснил:

– Похоже, я простудился.

– А может быть, насморк – это просто побочный эффект.

Обычно глаза Скита были медно-карего цвета и сильно блестели, но сейчас они оказались настолько водянистыми, что часть цвета, казалось, вымылась из них, и взгляд стал тускло-желтоватым.

– Ты думаешь, что я подвел тебя, да?

– Нет.

– Именно так ты и думаешь. И думаешь правильно. Да я и не собираюсь спорить.

– Ты не можешь подвести, – заверил его Дасти.

– Но я все же это сделал. Мы оба знали, что так и будет.

– Ты можешь подвести только себя.

– Расслабься, братец. – Скит, успокаивая, ласково пожал колено Дасти и улыбнулся. – Я не собираюсь упрекать тебя в том, что ты слишком много ожидал от меня, и не собираюсь рвать на себе волосы из-за того, что все испортил. Я уже прошел все это.

На сорок футов ниже из дома вышел Мазервелл. Он легко нес огромный матрас от двуспальной кровати.

Отбывшие в отпуск владельцы дома оставили Дасти ключи, так как несколько внутренних стен в проходных помещениях тоже нуждались в окраске. Эта часть работы уже была закончена.

Мазервелл бросил матрас на расстеленный брезент, поглядел на Дасти и Скита и вернулся в дом.

Даже с высоты в сорок футов Дасти мог ясно разглядеть, что охранник не одобрил набег на дом, который совершил Мазервелл, чтобы устроить посадочную площадку для сидевших на крыше.

– Что ты принимал? – спросил он.

Скит пожал плечами и, вскинув лицо к кружащимся воронам, уставился на них с такой глупой улыбкой и с таким умилением, что можно было принять его за одного из тех любителей природы, которые начинают день со стакана сока, собственноручно выжатого из пары свежих апельсинов, горячей булки из отрубей без сахара, омлета из соевого протеина и девятиминутной пробежки.

– Ты наверняка помнишь, что принимал, – настаивал Дасти.

– Коктейль, – ответил Скит, – пилули и порошки.

– Возбуждающие или успокоительные?

– Наверно, и те, и другие. И много. Но я чувствую себя совсем неплохо. – Он отвел взгляд от птиц и положил правую руку на плечо Дасти. – Я больше не чувствую себя дерьмом. Я пребываю в мире, Дасти.

– И все же мне хотелось бы знать, что ты принимал.

– Зачем? Может быть, это самый вкусный из моих рецептов, а ты так и не испробуешь его. – Скит улыбнулся и нежно ущипнул Дасти за щеку. – Только не ты. Ты не такой, как я.

Мазервелл вышел из дома со вторым матрасом от другой двуспальной кровати и положил его вплотную к первому.

– Какая глупость, – сказал Скит, указав пальцем с высоты на матрасы. – Я просто прыгну с другой стороны.

– Послушай, ты же не собираешься разбить башку о дорожку Соренсона? – твердо сказал Дасти.

– Им до этого не будет дела. Они находятся в Париже.

– В Лондоне.

– Все равно.

– Им будет еще какое дело. Они мочой изойдут.

Мигая своими мутными глазами, Скит поинтересовался:

– И что, они на самом деле будут волноваться или так, для проформы?

Мазервелл внизу спорил с охранником. Дасти слышал их голоса, но не мог разобрать слов. Скит все так же держал руку на плече Дасти.

– Тебе холодно.

– Нет, – возразил Дасти, – со мной все в порядке.

– Ты дрожишь.

– Это не от холода, просто мне страшно.

– Тебе? – Скит от недоверия попытался сфокусировать косые глаза. – Страшно? И чего же ты боишься?

– Высоты.

Мазервелл и охранник направились в дом. Сверху казалось, что Мазервелл обхватил парня рукой за спину под плечами, как будто пытался приподнять его над землей и поскорее унести прочь.

– Высоты? – Скит продолжал тарашиться на него. – Да ты же всякий раз, когда нужно красить крышу, хочешь делать это сам.

– А при этом у меня все кишки сводит.

– Слушай, кончай шутить. Ты ничего не боишься.

– Нет, боюсь.

– Только не ты.

– Я.

– *Нет, не ты!* – выкрикнул Скит с неожиданной яростью.

– Именно я.

В том состоянии, в котором пребывал сейчас Скит, его настроения могли мгновенно меняться от расслабленной удовлетворенности к крайнему неудовольствию. Он отдернул руку от плеча Дасти, обхватил себя за плечи и принялся медленно раскачиваться взад-вперед на узком настиле, образованном всего-навсего одним коньковым рядом черепицы. Его голос был исполнен муки, как если бы Дасти не просто сознался в боязни высоты, а объявил бы, что его тело изъедено смертельным раком: «Не ты, не ты, не ты, не ты...»

В таком состоянии Скит мог бы с пользой проглотить несколько ложек приязненного отношения. Но если бы он решил, что с ним нянчатся, то мог стать угрюмым, неприступным, даже враждебным. В обычных условиях это просто раздражало, но на высоте в сорок футов над мощенной камнем площадкой могло оказаться очень опасным. Вообще-то он лучше реагировал на сдержанную приязнь, юмор и холодную правду.

Дасти решил прервать это бесконечное «не ты», которое уже начало превращаться в песню.

– Ты такой кретин, – сказал он.

– Это *ты* кретин.

– Ничего подобного. Кретин – ты.

– Это ты самый настоящий, натуральнейший кретин, – убежденно заявил Скит.

Дасти помотал головой.

– Нет, я – психологический прогерик.

– Кто-кто?

– Слово «психологический» означает нечто, связанное с сознанием или влияющее на него. А прогерик – это кто-то, страдающий прогерией, врожденной ненормальностью, выражающейся в том, что человек преждевременно и быстро стареет. Прогерии уже в детстве кажутся стариками.

Скит понимающе качнул головой:

– Эй, да ведь я же видел историю об этом в «Шестидесяти минутах».

– Так вот, психологический прогерик – это тот, кто даже еще ребенком мысленно стар. Психологический прогерик. Мой папаша частенько называл меня так. Иногда он сокращал это прозвище – ПП. Он говорил: «Мой маленький пи-пи». «Как сегодня поживает мой маленький пи-пи?» Или же: «Маленький пи-пи, раз ты не хочешь смотреть, как я выпью еще немного виски, то почему бы тебе не выволочь свою задницу в сад и не поиграть там немного со спичками?»

Гнев и мучительное состояние оставили Скита так же внезапно, как и овладели им. Теперь в его голосе ясно слышалось сочувствие.

– Ничего себе. Это не слишком-то похоже на ласковое обращение, правда?

– Нет. Но и на обращение к *кретину* тоже.

– А кем был твой отец? – хмуро спросил Скит.

– Доктор Тревор Пенн Родс, профессор литературы, специалист в области деконструктивизма.

– Ах, да. Доктор Декон.

Уставившись на темневшие вдали горы Санта-Ана, Дасти процитировал доктора Декона: «Язык не в состоянии описать действительность. Литература не имеет никакого однозначного смысла, никакого реального значения. Интерпретация произведения, сделанная каждым из читателей, равносильна и куда важнее, чем намерения автора. На самом деле,

ничего в жизни не имеет значения. Действительность субъективна. Ценности и правда субъективны. Сама жизнь – это иллюзорное пространство. Бла-бла-бла, давайте-ка еще выпьем».

Отдаленные горы совершенно точно выглядели реальными. Крыша под его ягодицами также ощущалась настоящей, а если бы он упал головой вперед на дорогу, то или умер бы, или же оказался покалеченным настолько, что жизнь стала бы в тягость. Это ни в чем не убедило бы несговорчивого доктора Декона, но для самого Дасти было бы вполне очевидно.

– Это из-за него ты боишься высоты? – спросил Скит. – Из-за каких-то его поступков?

– Чьих? Доктора Декона? Нет. Высота просто нервирует меня, только и всего.

Скит, производивший трогательное впечатление в своем беспокойстве, сказал:

– Ты мог бы выяснить причину. Поговорить с психиатром.

– Думаю, что мне будет лучше пойти домой и поговорить с моей собакой.

– Я много лечился...

– И это оказало на тебя чудесное воздействие, не так ли?

Скит так расхохотался, что из носу у него вытекла длинная струя.

– Извини.

Дасти вытащил из кармана пачку салфеток «Клинекс» и предложил ему одну. Скит утер нос и сказал:

– Ну, а что касается меня... у меня совсем другая история. Я всего боялся, с тех времен, которые даже и вспомнить не могу.

– Я знаю.

– Боялся, просыпаясь, боялся, когда ложился спать, и все время от постели до постели.

Но теперь я не боюсь. – Он закончил возиться с «Клинексом» и протянул пачку Дасти.

– Оставь себе, – сказал тот.

– Благодарю. Эй, но ты знаешь, почему я больше не боюсь?

– Потому что набрался по самое некуда?

Скит расхохотался так, что все его тело затряслось, и, отсмеявшись, кивнул.

– Еще и потому, что я видел Другую Сторону.

– Другую сторону чего?

– Заглавного Д, заглавного С. Меня навестил ангел смерти и показал мне, что нас ожидает.

– Ты же атеист, – напомнил ему Дасти.

– Уже нет. Я прошел через все это. Братец, что может сделать тебя счастливым, а?

– Как это у тебя легко. Проглотил пилюлю и нашел бога.

Скит усмехнулся, при этом на его изможденном лице с пугающей отчетливостью обрисовались кости, словно под кожей совсем не осталось мяса.

– Покой, так ведь. Так вот, ангел проинструктировал меня: «Прыгай» – и поэтому я прыгну.

Внезапно налетел порыв ветра. Он был холоднее, чем прежде, и хлестнул по крыше, принеся с собой соленый аромат отдаленного моря, а следом за этим порывом, как дурное знамение, подступил гнилой запах разлагающихся морских водорослей.

Продолжать переговоры на этой крутой крыше под усиливающимся ветром означало бросить вызов природе. Дасти вовсе не хотел этого делать и поэтому молился про себя, чтобы ветер поскорее стих.

Предположив, что тяга Скита к самоубийству основывалась, как тот настаивал, на его вновь обретенном бесстрашии, и в надежде на то, что хорошая доза испуга сможет заставить мальчишку пожелать вновь уцепиться за жизнь, Дасти решил рискнуть:

– Мы находимся всего лишь в сорока футах над землей, а от края крыши до тротуара не больше тридцати – тридцати двух футов. Прыгнуть отсюда было бы как раз классическим поступком кретина. Посуди сам, то, что ты собираешься сделать, скорее всего, не закончится

смертью. Ты не погибнешь, но окажешься парализован и проживешь ближайшие сорок лет беспомощным, привязанным множеством трубок к различным механизмам.

– Нет, я умру, – с почти веселой дерзостью огрызнулся Скит.

– Разве можно быть в этом уверенным?

– Не спорь со мной, Дасти.

– Я не спорю.

– Раз ты говоришь, что не споришь, значит, споришь.

– Значит, я спорил.

– Вот видишь!

Дасти глубоко вздохнул, чтобы немного успокоить нервы.

– Это настолько неопределенно. Давай спустимся отсюда. Я отвезу тебя на Фэшион-Айленд, в отель «Фор Сизонз». Мы сможем там подняться на крышу, на четырнадцатый, пятнадцатый этаж, сколько их там есть, и ты сможешь прыгнуть оттуда, чтобы быть уверенным, что все пройдет так, как надо.

– Ты этого не сделаешь.

– Будь уверен. Раз уж ты решил это сделать, то сделай так, как надо, чтобы не напортачить еще и здесь.

– Дасти, я хоть и под кайфом, но не дурак.

Мазервелл и охранник вышли из дома с огромным матрасом. С этим страшно неудобным предметом они казались похожими на Лаурела и Харди в какой-то из комедий, и это было забавно, но смех Скита прозвучал для Дасти совершенно безрадостно.

Там, внизу, эти двое сгрузили свою ношу прямо поверх пары меньших матрасов, которые уже были уложены на брезент.

Мазервелл посмотрел на Дасти и воздел к небу руки, словно хотел спросить: «Чего же ты ждешь?»

Одна из круживших в небе ворон вообразила себя военным самолетом и произвела бомбежку с точностью, которая должна была вызвать жгучую зависть у представителя любых военно-воздушных сил, оснащенных по самому последнему слову техники. Грязно-белая капля разбрызгалась на левом башмаке Скита.

Скит поглядел на несдержанную ворону и перевел взгляд на свою оскверненную тапку. Его настроение менялось так быстро и резко, что казалось, у него не могла не закружиться голова. Его жуткая улыбка исчезла, будто склон, разрушенный оползнем, и лицо перекошилось в отчаянии.

– Вот она, моя жизнь, – громко произнес он несчастным голосом и, наклонившись, ткнул пальцем в массу на носке тапки, – моя жизнь.

– Не смей людей, – прервал его Дасти. – Ты не настолько образован, чтобы мыслить метафорами. – Но на сей раз он не смог заставить Скита рассмеяться.

– Я так устал, – заявил Скит (он почти пропел эти слова на мотив «Битлз»), растирая птичье дерьмо большим и указательным пальцами. – Пора в постель.

Говоря про постель, он не имел в виду кровать. Его слова не означали также, что он собирается подремать на груде матрасов. Он хотел сказать, что намеревается устроиться на долгий сон, который он будет делить с червями под одеялом из грязи.

Скит поднялся на ноги. Хотя он казался не прочнее струйки дыма, но тем не менее стоял во весь рост и выглядел ничуть не встревоженным. Казалось, что негромко завывавший ветер ничуть не беспокоил его.

Когда же Дасти осторожно поднялся на полусогнутых ногах, береговой ветер хлестнул его с силой бури, заставив покачнуться всем корпусом. Ему пришлось несколько мгновений бороться за равновесие, прежде чем он, присев как можно ниже, наконец занял устойчивое положение.

Может быть, этот ветер представлял собой идеал деконструктивиста, и его воздействие на различных людей находилось в прямой зависимости от интерпретации каждого – простой бриз для меня, тайфун для тебя, – а может быть, Дасти из-за боязни высоты преувеличенно воспринимал силу каждого порыва. Но так как он давно отказался от странной философии своего старика, то полагал, что если Скит может стоять вертикально, не рискуя при этом улететь по какой-нибудь невероятной траектории, как летающая тарелка «фрисби», то и он вполне может устоять.

- Это все только к лучшему, Дасти, – сказал, повысив голос, Скит.
- Откуда ты можешь знать, что будет к лучшему?
- Не пытайся остановить меня.
- Ну, посмотрим... Я должен попробовать.
- Меня не уговоришь.
- Я, кажется, это понял.

Они глядели друг на друга, как два атлета, собирающиеся принять участие в странном новом спортивном состязании на наклонном корте. Скит стоял выпрямившись и напоминал баскетболиста, открывшегося в ожидании паса. Пригнувшийся Дасти был похож на борца сумо легчайшего веса, высматривающего возможность для атаки.

- Я не хочу причинять тебе вреда, – сказал Скит.
- Я тоже не хочу, чтобы ты причинил мне вред.

Если Скит действительно настроился на то, чтобы спрыгнуть с крыши дома Соренсонов, то ему невозможно было бы помешать сделать это. Крутой уклон крыши, выпуклая гладкая черепица, ветер, закон всемирного тяготения – все было на его стороне. Единственное, на что Дасти мог надеяться, так это убедиться в том, что этот несчастный балбес упадет с крыши именно там, где надо, и попадет на матрасы.

- Ты мой друг, Дасти. Мой единственный настоящий друг.
- Благодарю за вотум доверия, детка.
- Который утверждает тебя моим лучшим другом.
- За мое бездействие.
- Лучший друг парня не должен преграждать ему путь к славе.
- К славе?
- Именно это я и видел на Другой Стороне. Славу.

Единственный способ удостовериться в том, что Скит упадет с крыши точно на приготовленную ему посадочную площадку, состоял в том, чтобы в нужное мгновение схватить его и подвести или подтолкнуть в нужное место на край. А это значило спуститься по крыше на край вместе с ним.

Ветер взметнул длинные белокурые волосы Скита и принялся играть ими. Они были последним оставшимся у него привлекательным физическим качеством. Не так давно он был красивым мальчишкой, девушки липли к нему, как к магниту. Теперь его тело стало изможденным, лицо – серым и измученным, а глаза были тусклыми, словно закопченными, как жерла дымовых труб. Его густые чуть выющиеся золотистые волосы составляли такой контраст со всем его обликом, что можно было подумать, что на голове у него парик.

Скит стоял совершенно неподвижно, лишь волосы вились на ветру. Хотя он внешне казался окаменевшим, как салемская ведьма, внутренне он был собран и осторожен. Он решал про себя, как ему лучше улизнуть от Дасти и наилучшим способом исполнить свое намерение нырнуть вниз головой на камни.

Вновь пытаясь отвлечь мальчишку или по крайней мере выиграть еще немного времени, Дасти задумчиво сказал:

- Об этом я не раз задумывался... Как выглядит ангел смерти?
- Что?

– Но ведь ты же видел его, правда?

– Да, в общем-то, он нормально выглядел, – нахмурившись, проговорил Скит.

Сильный порыв ветра сорвал с головы Дасти белую кепку и унес ее куда-то, наверно, в Изумрудный город, но это нисколько не отвлекло его внимания от Скита.

– Он что, был похож на Брэда Питта?

– С какой стати он будет похож на Брэда Питта? – сварливо спросил Скит. Он искоса посмотрел в сторону, надеясь, что Дасти этого не заметит, и быстро обратил свой взгляд от края крыши на собеседника.

– Брэд Питт играл его в том кинофильме, «Познакомьтесь с Джо Блэком».

– Я не видел его.

С нарастающим отчаянием Дасти продолжал:

– Может быть, он походил на Джека Бенни?

– Что ты такое говоришь?

– Джек Бенни сыграл его когда-то в одном очень старом фильме. Помнишь? Мы смотрели его вместе.

– Я мало что помню. Это у тебя фотографическая память.

– Образная, а не фотографическая. Образная и слуховая память.

– Смотри ты! А я не могу даже вспомнить его названия. Ты помнишь даже, что ел на обед пять лет назад. А я не помню, что было вчера.

– Это просто трюк, образная память. Вещь совершенно бесполезная.

На крышу упали первые тяжелые капли дождя. Дасти не нужно было глядеть вниз, чтобы увидеть, как высохшие лишайники превращаются в тончайшую пленку слизи, потому что он обонял ее – тонкий, но отчетливый запах плесени. Еще он улавливал запах влажных глиняных черепиц.

В его сознании неотвязно мелькало одно видение, которое он тщетно пытался подавить: *вот они со Скитом скатываются со скользкой крыши, потом, совершив несколько диких переворотов в воздухе, Скит падает на матрасы, не получив ни одного ушиба, а Дасти промахивается и ломает хребет о булыжники.*

– Билли Кристал⁸, – сказал Скит.

– Что? Ты говоришь о смерти? Ангел смерти похож на Билли Кристала?

– А что, что-нибудь не так?

– Ради бога, Скит, как ты можешь доверять ангелу смерти, если он похож на этого нахального плаксивого шукаря Билли Кристала!

– Он мне понравился! – ответил Скит и бросился к краю.

⁸ Фамилия **Кристал** созвучна с жаргонным наименованием наркотика фенициклидина (Kristal joint).

Глава 5

Вдоль всего обращенного на юг берега эхом отдавались мощные глухие разрывы, как если бы огромные корабельные орудия, прикрывая высаживающиеся войска, вели обстрел берега. Огромные волны ударялись о берег, а все усиливающийся ветер нес, как пули, капли воды, вздымавшиеся над волноломами, с грохотом врывается сквозь низкие дюны, покрытые редкой травой, в глубь материка.

Марти Родс торопливо шла по аллее вдоль мыса Бальбоа. Это, собственно, был широкий пешеходный тротуар, отделявший глядящий на океан ряд домов от просторных пляжей. Она надеялась, что дождь не начнется хотя бы в ближайшие полчаса.

Узкий трехэтажный дом Сьюзен Джэггер втиснулся между двумя такими же строениями. Здание с белыми ставнями, обшитое поседевшими от морских ветров кедровыми досками, несколько напоминало те дома, которые строились на суровом северном полуострове Кейп-код, хотя из-за тесноты своего положения и не могло полностью передать особенности этого архитектурного стиля.

Этот дом, так же как и его соседи, не имел ни дворика спереди, ни высокого крыльца – лишь узенький патио с несколькими растениями в кадках. Патио находился за белым забором и был вымощен кирпичом. Ворота в заборе были не заперты и со скрипом раскачивались на петлях.

Прежде, когда Сьюзен жила в этом доме со своим мужем Эриком, они занимали первый и второй этажи, а третий, с собственной ванной и кухней, Эрик использовал под домашнюю контору. Но теперь они разошлись. Эрик выехал год назад, а Сьюзен переехала наверх, сдав нижние два этажа тихой паре пенсионеров. У жильцов, казалось, не было никаких недостатков, если не считать привычки выпивать по два мартини перед обедом, а из домашних животных они держали лишь четырех попугаев.

На третий этаж вела крутая наружная лестница. Когда Марти поднялась на маленькое крытое крылечко, со стороны Тихого океана показалась стая чаек. Птицы с взволнованными воплями понеслись над полуостровом в сторону гавани, где им предстояло пережить шторм в укрытых от непогоды гнездах.

Марти постучала в дверь, но сразу же после этого вошла, не дожидаясь ответа. Сьюзен обычно неохотно встречала посетителей, не желая сталкиваться с проявлениями внешнего мира, и поэтому почти год назад дала Марти ключ от своей квартиры.

Настроившись на предстоящее испытание, она вошла в кухню, освещенную единственной лампочкой, горевшей над мойкой. Шторы были плотно закрыты, и потому в комнате царил лиловый сумрак, сгущавшийся по углам в темно-фиолетовую мглу.

Здесь не было благоухания специй или остатков запаха готовившейся пищи. Вместо этого воздух был пропитан легкими, но терпкими ароматами дезинфекции, чистящих порошков и восковой мастики для пола.

– Это я, – сообщила Марти, но Сьюзен не ответила.

В столовой тоже было темно, падавший из приоткрытой двери луч света озарял лишь небольшой сервант, на стеклянных полках которого поблескивали старинные китайские фарфоровые статуэтки. Здесь пахло мебельной политуры.

Если бы вдруг загорелись все лампы, то, несомненно, можно было бы заметить, что квартира безупречно чиста, может быть, даже чище, чем хирургическая операционная. У Сьюзен Джэггер было много свободного времени, которое нужно было чем-то заполнить.

Судя по сложному букету запахов в гостиной, здесь недавно вымыли ковер, отполировали мебель, подвергли сухой чистке на месте обивку мягкой мебели, а в два небольших

алых керамических сосуда, стоявших на столах в противоположных концах комнаты, насыпали свежую ароматическую смесь из цветов цитрусовых.

Большие окна, из которых должен был бы открываться волнующий вид на океан, были задернуты шторами. В их складках прятались густые тени.

Еще четыре месяца назад Сьюзен была способна, по крайней мере, с задумчивой тоской взирая на мир. А ведь она уже в течение шестнадцати месяцев испытывала непреодолимый страх перед похождениями на его просторах и выходила из дому лишь в обществе тех людей, у которых могла наверняка найти эмоциональную поддержку. Ну а теперь даже просто вид обширного открытого места, не защищенного стенами и крышей, мог вызвать у нее фобическую реакцию.

Все лампы сияли, и просторная гостиная была ярко освещена. Тем не менее благодаря затемненным окнам и неестественной тишине атмосфера в ней казалась траурной.

Согнувшись и свесив голову на грудь, Сьюзен ожидала, сидя в кресле. В черной юбке и черном свитере, она выглядела как участница похорон. Судя по ее внешности, книга в мягкой обложке, которую она держала в руках, должна была оказаться Библией, хотя на самом деле это был детективный роман.

– Это сделал дворецкий? – спросила Марти, присев на край дивана.

– Нет. Монахиня, – ответила Сьюзен, не поднимая взгляда.

– Яд?

Все так же не отрывая глаз от книги в мягкой обложке, Сьюзен сообщила:

– Двоих – топором. Одного – молотком. Одного – проволоочной удавкой. Одного – ацетиленовой горелкой. И еще двоих – механическим шуруповертом.

– Ничего себе, монахиня – серийный убийца.

– Под этим одеянием можно спрятать много оружия.

– Детективные романы сильно изменились с тех пор, как мы читали их в юности, когда учились в школе.

– Не всегда к лучшему, – откликнулась Сьюзен, закрывая книгу.

Они были лучшими подругами с десяти лет, и за минувшие восемнадцать лет делили друг с дружкой куда больше, чем детективные романы, – надежды, страхи, счастье, горе, смех, слезы, сплетни, энтузиазм юности, с трудом достигнутое понимание. А в течение последних шестнадцати месяцев, начиная с необъяснимо возникшей у Сьюзен агорафобии, они делили не столько радости, сколько боль.

– Мне следовало, конечно, позвонить тебе, – сказала Сьюзен. – Прости меня, но я не смогу сегодня пойти на сеанс.

Это был ритуал, в котором Марти играла свою роль:

– Сьюзен, ну, конечно, ты сможешь. И пойдешь.

Отложив свою книжку, Сьюзен помотала головой.

– Нет, я позвоню доктору Ариману и сообщу ему, что сильно заболела. У меня начинается простуда, а может быть, грипп.

– Не похоже, чтобы у тебя был заложен нос.

Сьюзен скорчила рожу.

– Это, скорее всего, желудочный грипп.

– Где твой термометр? Давай измерим тебе температуру.

– О, Марти, ты только посмотри на меня. Я похожа на черта. Лицо опухло, волосы торчат, как солома. Я не могу выйти на улицу в таком виде.

– Не прикидывайся, Суз. Ты выглядишь ничуть не хуже, чем обычно.

– Я в полном беспорядке.

– Джулия Робертс, Сандра Баллок, Камерон Диас – все они с радостью согласились бы, чтобы им отрубили головы, лишь бы выглядеть так же хорошо, как и ты, даже если ты устанешь, как собака, или же тебя вырвет – а с тобой в этом отношении все в порядке.

– Я наркоманка.

– Ну да, конечно, ты женщина с хоботом. Мы наденем тебе на голову мешок и будем прогонять с дороги маленьких детей.

Если бы красота обладала массой и энергией, то квартира Сьюзен вполне могла бы разлететься на части. Миниатюрная зеленоглазая пепельная блондинка с изящными и четкими, как у классической скульптуры, чертами лица, с кожей, столь же безупречной, как у персика с дерева из Райского сада. Когда она проходила по улицам, все мужчины оборачивались, пренебрегая опасностью свернуть себе шею.

– На мне лопается эта юбка. Я ужасно растолстела.

– Ты просто натуральный воздушный шар, – язвительно подхватила Марти. – Аэростат. Не женщина, а дирижабль.

Хотя полудобровольное заключение, которому подвергала себя Сьюзен, не оставляло ей возможности ни для каких физических упражнений, кроме уборки и длительных занятий на тренажере в спальне, она оставалась все такой же стройной.

– Я потолстела больше чем на фунт, – настаивала Сьюзен.

– Боже мой, тебе необходима срочная операция по удалению жира! – воскликнула Марти, вскакивая с дивана. – Я возьму твой плащ. Мы позвоним из автомобиля пластическому хирургу и скажем ему, чтобы он захватил с собой самый большой из своих насосов и откачал из тебя все твоё сало.

В коротком коридоре, который вел в спальню, находился платяной шкаф, закрытый парой сдвижных зеркальных дверей. Подойдя к ним, Марти почувствовала напряжение и приостановилась, обеспокоенная, не одолеет ли ее вновь тот же самый необъяснимый страх, который она уже испытывала сегодня.

Ей нужно было сохранять контроль над собой. Сьюзен нуждалась в ней. Если она вновь впадет в лунатизм, то ее волнение усилит тревоги Сьюзен, а потом их с подружкой страхи, взаимодействуя, могут начать подхлестывать друг друга.

Когда она подошла к зеркалу выше человеческого роста, в нем не оказалось ничего, что могло бы заставить ее сердце тревожно забиться. Она заставила себя улыбнуться, но улыбка получилась деланой. Потом она встретилась глазами со своим отражением и сразу же отвела взгляд в сторону и отодвинула высокую дверь.

Снимая плащ с вешалки, Марти впервые подумала, что ее недавние странные приступы страха могли быть следствием постоянного и длительного общения со Сьюзен в течение прошлого года. Нет ничего невозможного в том, чтобы перенять немного беспричинного беспокойства, когда ты постоянно общаешься с женщиной, страдающей от настоящей психической фобии.

От стыда лицо Марти покрылось легким румянцем. Даже простая мысль о такой возможности казалась жестоким суеверием и была совершенно несправедливой по отношению к бедной Сьюзен. Психические страхи не бывают заразными.

Отвернувшись от дверцы шкафа, а затем повернувшись обратно, чтобы закрыть ее, Марти подумала о том, какой физиологический термин можно было бы использовать для того, чтобы обозначить боязнь собственной тени. Боязнь открытого пространства, одолевавшая Сьюзен, называлась агорафобией. Но тень?.. Зеркало?..

Марти уже вышла из коридора в гостиную и лишь тогда осознала, что закрыла дверцу шкафа, стоя к ней спиной, чтобы избежать необходимости снова взглянуть в зеркало. Пораженная тем, что ее поступками управляла такая неосознанная неприязнь к этому предмету, она даже мельком подумала о том, чтобы вернуться к шкафу и взглянуть в зеркало.

Сьюзен, сидя в кресле, смотрела на нее.

Зеркало могло и подождать.

Распахнув перед собой плащ, как это делают швейцары, когда подают одежду, Марти подошла к подруге.

– Вставай, одевайся, и двинемся.

Сьюзен с несчастным видом вцепилась в подлокотники кресла. Ей было чрезвычайно трудно расстаться со своим святилищем.

– Не могу.

– Вспомни, что если ты не отменяешь сеанс за сорок восемь часов, то должна его оплачивать.

– Я могу себе это позволить.

– Нет, не можешь. У тебя нет никаких доходов.

Единственным психическим заболеванием, которое могло бы погубить карьеру Сьюзен как агента по продаже недвижимости еще вернее, чем агорафобия, была бы, пожалуй, лишь неконтролируемая пиромания. Она с полным основанием чувствовала себя в безопасности, показывая клиентам любое строение изнутри, но, когда требовалось выйти наружу, чтобы перейти из одного здания в другое, ее охватывал такой парализующий ужас, что она была просто не в состоянии двигаться.

– Я получаю арендную плату, – возразила Сьюзен, имея в виду тот ежемесячный чек, который ей вручали обитавшие внизу пенсионеры, любители попугаев.

– Она вовсе не покрывает того, что ты платишь по закладной, налогов, коммунальных услуг и технического обслуживания дома.

– У меня есть акции...

«Которые могут в конечном счете оказаться для тебя единственным спасением от полной нищеты, если ты не одолеешь эту проклятую фобию». Марти подумала так, но не могла бы заставить себя произнести эти слова вслух, даже если бы была уверена, что эта страшная перспектива сможет заставить Сьюзен подняться из кресла.

Выпятив хрупкий подбородок с неубедительным выражением смелого вызова, Сьюзен продолжала:

– Кроме того, Эрик высылает мне чеки.

– Это совсем немного. Разве что на карманные расходы. И раз уж эта свинья разводится с тобой, то очень может быть, что вскоре ты уже ничего не будешь получать от него, при том что при вступлении в брак твоя доля в имуществе была гораздо больше, чем у него, а детей у вас нет.

– Эрик не свинья.

– Извини меня за то, что я не совсем слепая. Он – свинья!

– Марти, ну будь хорошей...

– Я лучше буду сама собой. Он – скунс.

Сьюзен явно была настроена на то, чтобы избежать жалости к себе и слез, хотя они и выглядели чрезвычайно привлекательно, но еще больше ей хотелось впасть в гнев, который был не столь очаровательным.

– Просто он был настолько расстроен, когда видел меня... в таком состоянии. Он не мог больше выдержать этого.

– Ах, бедная чувствительная деточка! – воскликнула Марти. – И полагаю, что он был слишком обеспокоен, чтобы помнить ту часть брачных обетов, где идет речь о болезни и здоровье.

Марти по-настоящему гневалась на Эрика, хотя ей и приходилось делать усилие для того, чтобы постоянно поддерживать в себе этот гнев, как костер. Он всегда был тихим, скромным и приятным в обращении, и, несмотря на то что он бросил жену, его было трудно

ненавидеть. Но все же Марти слишком сильно любила Сьюзен, и хотя в душе не могла по-настоящему презирать Эрика, но была уверена в том, что гнев поможет Сьюзен настроиться и укрепиться в борьбе против агорафобии.

– Если бы у меня был рак или что-нибудь вроде того, то Эрик был бы здесь, – сказала Сьюзен. – Я ведь не по-настоящему больна, Марти. Я – сумасшедшая, вот я кто.

– Ты не сумасшедшая! – возмутилась Марти. – Фобии и приступы беспокойства вовсе не то же самое, что безумие.

– Я чувствую себя безумной. Я чувствую, что все это совершенный бред.

– Он не пробыл с тобой и четырех месяцев после того, как все это началось. Он свинья, скунс, хорек и даже еще хуже.

Эта тяжелая часть каждого визита, которую Марти называла про себя *фазой извлечения*, была трудна для Сьюзен, но для Марти она являлась самой настоящей пыткой. Чтобы вытащить свою упрямую подругу из дома, ей самой приходилось быть твердой и неуступчивой. И хотя эта твердость была порождением большой любви и сострадания, она чувствовала себя так, словно запугивала Сьюзен. Бычья настойчивость, даже и с самыми добрыми намерениями, вовсе не соответствовала характеру Марти, и по завершении этого ужасного четырех– или пятичасового испытания она возвращалась домой в Корону-дель-Мар в состоянии полнейшего физического и эмоционального истощения.

– Суз, ты красивая, добрая и достаточно сильная для того, чтобы прогнать эту пакость. – Марти помахала в воздухе плащом. – А теперь оторви свою попку от кресла.

– Почему доктор Ариман не может сам приходить ко мне на эти сеансы?

– Выходить из дома дважды в неделю – это часть лечения. Ты же знаешь теорию – погружение в ту самую обстановку, которой боишься. Вроде прививки.

– Это не помогает.

– Пойдем.

– Мне становится только хуже.

– Вставай, вставай.

– Это так жестоко, – продолжала протестовать Сьюзен. Отпустив подлокотники, она, сжав кулаки, уперлась руками в бедра. – Чертовски жестоко.

– Ты нытик.

Она уставилась в лицо Марти.

– Порой ты бываешь самой настоящей сукой.

– Да, я такая. Если бы Джоан Кроуфорд существовала на самом деле, я вызвала бы ее на бой на проволочных плечиках и просто *растерзала* бы ее.

Сьюзен рассмеялась, потом помотала головой и поднялась с кресла.

– Просто не могу поверить, что я сказала тебе такое. Прости меня, Марти. Я не знаю, что делала бы без тебя.

Держа плащ, пока Сьюзен продевала руки в рукава, Марти сказала:

– Будь хорошей девочкой, и, когда будем возвращаться от доктора, мы зайдем в большой китайский ресторан, возьмем с собой две бутылки «Циндао» к ленчу, а потом будем вдвоем играть в пинабль по пятьдесят центов за очко.

– Ты и так уже должна мне больше шестисот тысяч долларов.

– Так перебей мне ноги. Карточные долги нельзя востребовать по закону.

Сьюзен выключила все лампы, кроме одной, взяла с кофейного столика сумочку и пошла вместе с Марти к выходу из квартиры.

Когда они проходили через кухню, Марти обратила внимание на зловещий предмет, лежавший на разделочной доске рядом с раковиной. Это был нож-мечцалуна, классический инструмент итальянской кухни, его лезвие из нержавеющей стали было изогнуто в форме

полумесяца, а на каждом конце было по ручке, так что этот нож можно было быстро качать назад и вперед, нарезаая продукты любым требующимся образом.

Свет лампы, казалось, шипел на сверкающем лезвии, словно электрический ток.

Марти не могла оторвать от ножа взгляд. Она даже не могла осознать, насколько сильно меццалуна загипнотизировала ее, пока не услышала удивленный вопрос Сьюзен:

– Что-нибудь случилось?

Горло Марти напряглось, язык во рту, казалось, распух. С заметным усилием она задала ответный вопрос, на который заранее знала ответ:

– Что это такое?

– А разве ты им никогда не пользовалась? Это великолепная штука. Им можно в один момент нарезать лук.

Вид ножа не вызвал у Марти такого всепоглощающего ужаса, как ее собственная тень и зеркало в ванной. Но, однако, она чувствовала сильное беспокойство, хотя и не была в состоянии объяснить свою странную реакцию на столь обычный кухонный предмет.

– Марти, с тобой все в порядке?

– Да, конечно. Пойдем.

Сьюзен повернула ручку замка, но не спешила открыть дверь кухни. Марти положила руку на руку подруги, и они вдвоем потянули дверь внутрь, впусив холодный серый свет и колючий ветер.

Перспектива выхода за порог, в мир без крыши, лишила лицо Сьюзен всех его красок.

– Мы уже делали это сотни раз, – успокаивала ее Марти.

Сьюзен вцепилась в дверной косяк.

– Я не могу идти туда.

– Ты пойдешь, – настаивала Марти.

Сьюзен попыталась возвратиться на кухню, но Марти преградила ей дорогу.

– Пропусти меня, это слишком тяжело, это мучение.

– Для меня это тоже мучение, – твердо возразила Марти.

– Вот дерьмо! – Отчаяние лишило лицо Сьюзен изрядной части его красоты, а зеленые, как заросли джунглей после дождя, глаза потемнели от панического страха. – Ты ходишь туда, тебе это нравится... Ты сумасшедшая.

– Нет, я нормальная. – Марти уперлась в косяки обеими руками, не давая подруге вернуться в квартиру. – Я нормальная сука, а ты ненормальная сука.

Внезапно Сьюзен перестала толкать Марти и вцепилась в ее руку в поисках поддержки.

– Проклятье, я хочу в эту китайскую забегаловку.

Марти позавидовала Дасти: у него самым большим беспокойством по утрам было, насколько долго не будет дождя и успеет ли за это время его команда что-нибудь сделать.

Тяжелые крупные капли дождя – сначала отдельными редкими ударами, но с каждой секундой все настойчивее – загремели по крыше крыльца.

Наконец они вышли за порог, наружу. Марти потянула на себя дверь и заперла ее на ключ.

Фаза извлечения была позади. Правда, впереди ждало гораздо худшее, и Марти была не в состоянии предвидеть наступающее.

Глава 6

Скит неудержимо бежал вниз по крутой крыше к краю, стремясь попасть в точку, откуда он наверняка свалится на тротуар, о который можно раскроить череп, а не на матрасы. Он скакал по выпуклым оранжево-коричневым плиткам, напоминая при этом ребенка, который торопится по мощеной площадке к продавцу мороженого, а Дасти мрачно трусил за ним.

Тем, кто наблюдал за ними снизу, должно было показаться, что на крыше находятся два одинаково ненормальных человека, которые договорились вместе совершить самоубийство.

Уже преодолев полпути к краю крыши, Дасти нагнал Скита, вцепился в него, сворачивая с выбранной тем траектории, и уже вместе с ним стал спускаться по совсем другой диагонали. Несколько черепиц сдвинулось под ногами, и крошки известкового раствора с грохотом посыпались в водосточный желоб. Из-за этих перекатывавшихся под ногами мелких обломков передвигаться по крыше было еще труднее, чем ходить по отполированной мраморной плите, – а помимо крошек раствора удерживаться на крыше мешал ежесекундно усиливавшийся дождь, склизкий лишайник и энергичный Скит, который радостно сопротивлялся, размахивая руками, пихаясь локтями и непрерывно хихикая по-детски. Незримая партнерша Скита по танцу, Смерть, казалось, наделила его сверхъестественной грацией и чувством равновесия, но вскоре Дасти упал, увлек Скита вниз за собой, и они, переплетаясь, прокатились последние десять футов, возможно, к матрасам, а возможно, и нет – Дасти потерял ориентировку, – а потом перевалились через медный желоб, который издал густой звук, подобно натянутой басовой струне.

Пролетая в воздухе, как свинцовое грузило, выпустив из своих объятий Скита, Дасти успел подумать о Марти, о запахе чистоты, исходившем от ее черных шелковистых волос, об озорном изгибе ее улыбки, ее честном взгляде.

Тридцать два фута – это небольшая высота, всего-навсего три этажа, но ее вполне достаточно для того, чтобы расколоть любую самую упрямую голову, чтобы сломать спинной хребет с такой же легкостью, с какой ребенок ломает хрустящую сладкую соломку... Поэтому, когда Дасти почувствовал спиной мягкое прикосновение заблаговременно постеленных матрасов и подскочил на них, то возблагодарил бога. А потом он понял, что во время падения, когда каждая промелькнувшая с быстротой молнии мысль могла стать для него последней, его сознание было заполнено образом Марти, а бог пришел ему на ум уже потом.

Соренсоны покупали первоклассные матрасы: после падения на них у Дасти даже не перехватило дыхание.

Скит тоже рухнул в подготовленную усилиями Мазервелла огромную подушку. Теперь он лежал в том же положении, как и приземлился, уткнувшись лицом в пеструю атласную обшивку, сложив руки на затылке, словно был настолько хрупок, что даже падение на многослойную подстилку из мягкого хлопкового ватина, каучуковой пены и пышного до воздушности пуха раздробило его кости как яичную скорлупу.

Верхний матрас быстро намокал, и Дасти встал на четвереньки, подполз к Скиту и перевернул его на спину.

На левой щеке у мальчишки была ссадина, а в ямочке на подбородке – небольшой порез. Обе царапины были получены, вероятно, пока он катился по черепицам крыши; заметного кровотечения не было.

– Где я? – негромко спросил Скит.

– Совсем не там, где рассчитывал очутиться.

В бронзовых глазах мальчишки стал заметен темный налет страдания, которого Дасти не видел в течение тех безумных минут, проведенных на крыше.

– Это небеса?

– Они покажутся тебе хуже ада, подонок! – заявил Мазервелл. Наклонившись над Скитом, он схватил его за свитер и вздернул на ноги. Если бы в этот момент в небе сверкнула ослепительная молния и раздался гулкий удар грома, то Мазервелл вполне сошел бы за Тора, скандинавского бога бури. – Прочь из моей бригады, не желаю больше тебя видеть, безнадежный наркоман!

– Полегче, полегче, – вмешался Дасти. Он поднялся на ноги и сошел с матраса.

Мазервелл, держа Скита примерно в футе над землей, уставился на Дасти.

– Босс, я говорю серьезно: или он уйдет, останется только как память, или же я не смогу больше работать с вами.

– Что ж, ладно. Но пока что поставь его на землю, Нед.

Однако Мазервелл, вместо того чтобы выпустить Скита, потряс его и, брызгая слюной, которой хватило бы для того, чтобы украсить рождественскую елку, крикнул ему в лицо:

– Почти весь наш заработок уйдет на то, чтобы купить новые матрасы, три новых *дорогих* матраса! Ты, кусок дерьма, хоть это можешь понять?!

Скит, обвисший в руках Мазервелла, даже не пытался сопротивляться. Он заявил:

– Я не просил тебя подкладывать матрасы.

– Я не собирался спасать *тебя*, говнюк.

– Ты всегда обзываешь меня, – обиженно сказал Скит. – Я ведь тебя никогда не обзываю.

– Ты – ходячий гнойник!

Мазервелл, как и все стрейт-эдгеры, ограничивал себя во многом, но только не в проявлениях возмущения. Дасти восхищался теми усилиями, которые они прилагали, чтобы вести чистую жизнь в грязном мире, унаследованном ими, и он понимал их гнев, несмотря на то что порой уставал от него.

– Дружище, я люблю тебя, – сказал Скит Мазервеллу. – Я хотел бы, чтобы ты мог полюбить меня.

– Ты прыщ на заднице человечества, – прогремел Мазервелл, отбрасывая Скита в сторону, как мешок с мусором.

Скит чуть не врезался в проходившего мимо Фостера Ньютона. Когда парень шлепнулся на дорожку, Пустиак приостановился, поглядел на Дасти, сказал: «Увидимся утром, если не будет дождя», – переступил через Скита и направился к своему автомобилю, стоявшему у обочины. Он все так же с отсутствующим видом продолжал слушать через наушники какую-то радиопередачу, словно ему каждый день на работе приходилось видеть, как люди прыгают с крыш.

– Какой беспорядок, – сообщил Нед Мазервелл, хмуро глядя на промокшие матрасы.

– Я должен проследить за тем, чтобы он пришел в себя, – сказал Дасти Мазервеллу, помогая Скиту подняться на ноги.

– Я здесь все сделаю, – заверил его Мазервелл, – только убери с моих глаз эту чертову поганую мразную вонючку.

Пока они шли по омытой дождем огибавшей дом дорожке до улицы, Скит все сильнее опирался на Дасти. Недавняя лихорадочная энергия, порожденная то ли наркотиками, то ли перспективой успешного самоуничтожения, покинула его, и он был теперь разбитым от усталости и чуть не засыпал на ходу.

Когда они подошли к белому «Форду»-фургону Дасти, позади них возник охранник.

– Я должен буду подать рапорт обо всем этом.

– Да? И кому?

– Исполнительному правлению ассоциации домовладельцев. И копию – в компанию по управлению собственностью.

– Надеюсь, они не станут расстреливать мне коленные чашечки из дробовика, – предположил Дасти, подталкивая Скита к фургону.

– Нет, они никогда не следуют моим советам, – в тон ему откликнулся охранник, и Дасти был вынужден пересмотреть свою оценку этого человека.

Скит вдруг вышел из ступора и предупредил:

– Дасти, они захотят вынуть из тебя душу. Я знаю этих ублюдков.

Охранник сказал из-под водяной вуали, свисавшей с козырька его форменной фуражки:

– Они могут внести тебя в список тех нежелательных подрядчиков, с которыми они не хотели бы больше иметь дела в своем районе. Но, вероятнее всего, они ограничатся тем, что потребуют, чтобы ты никогда больше не вводил в их ворота этого парня. Кстати, как его полное имя?

– Брюс Уэйн, – сообщил Дасти, распахивая пассажирскую дверцу фургона.

– А мне показалось, что-то вроде «Скит».

– Это всего-навсего прозвище, – пояснил Дасти, подсаживая Скита в фургон; это была правда, но тем не менее *не полная*.

– Мне нужно будет посмотреть его удостоверение личности.

– Я привезу его позже, – пообещал Дасти, захлопывая дверь, – а сейчас я должен доставить его к доктору.

– Он получил травмы? – спросил охранник; он вслед за Дасти прошел вокруг фургона к водительской двери.

– С ним случилась авария, – ответил Дасти, устраиваясь за рулем, и закрыл дверь.

Охранник постучал в окно.

Держа правой рукой ключ зажигания, Дасти левой опустил окно и спросил:

– Ну, что?

– Вы, конечно, не можете называться «ударный отряд», но и «команда» для вас не подходит. Лучше назови все это «цирк» или «тарарам».

– А ведь верно, – согласился Дасти. – Ты мне нравишься.

Охранник улыбнулся и прикоснулся кончиками пальцев к козырьку своей промокшей фуражки.

Дасти поднял стекло в окне, включил «дворники» и покатил прочь от дома Соренсонов.

Глава 7

Спускаясь по наружной лестнице из своей квартиры на третьем этаже, Сьюзен Джэггер держалась с внутренней стороны и не отрывала правой руки от дощатой обшивки дома, словно пытаясь тем самым уверить себя в том, что убежище находится совсем рядом, а левой рукой судорожно цеплялась за руку Марти. Она опустила голову и пристально глядела на носки своих туфель, спускаясь по десятидюймовым ступенькам с такой же осторожностью, с какой преодолевала бы высокую отвесную гранитную скалу.

Сьюзен была ниже ростом, чем Марти, к тому же ее лицо пряталось под капюшоном, но Марти с погожих дней хорошо запомнила облик подруги и потому точно знала, как та должна была сейчас выглядеть. Совершенно белая от потрясения. Сжатые челюсти, мрачный рот. В ее зеленых глазах явственно читался испуг, словно она увидела призрак и ожидала вот-вот встретиться с ним снова; однако в этом случае единственным призраком был ее прежде такой жизнелюбивый дух, убитый теперь агорафобией.

– Что-то не так с воздухом? – нервно не то спросила, не то заявила Сьюзен.

– Все в порядке.

– Трудно дышать, – пожаловалась Сьюзен. – Воздух какой-то густой. И пахнет странно. Забавно.

– Это просто влажность. А пахнет от меня. Новыми духами.

– От тебя? Духами?

– У меня тоже есть девчачьи закидоны.

– Мы у всех на виду, – с ужасом сказала Сьюзен.

– До автомобиля идти совсем недалеко.

– Здесь может произойти что угодно.

– Ничего не произойдет.

– Нам совершенно негде укрыться.

– Нам не от чего прятаться.

Даже религиозные песнопения, устоявшиеся в своей неизменности в течение пятнадцати веков, вряд ли были более жестко структурированы, чем эти беседы, происходившие два раза в неделю по дороге к психотерапевту и обратно.

Когда они добрались до нижних ступенек лестницы, дождь разразился с новой силой. Он гремел по листьям растений в кадках, стоявших в патио, звонко стучал по кирпичной мостовой.

Сьюзен наотрез отказалась выходить за угол дома. Марти обняла ее за талию.

– Если хочешь, обопрись на меня.

Сьюзен последовала предложению.

– Здесь все такое странное, совсем не такое, как обычно.

– Ничего не изменилось. Это просто шторм.

– Это новый мир, – возразила Сьюзен. – И совсем не прекрасный.

Марти слегка пригнулась, чтобы невысокой подруге было удобнее держаться за нее. Прижавшись друг к дружке, они шли через этот новый мир. Теперь они двигались торопливо, так как Сьюзен стремилась поскорее оказаться в сравнительно замкнутом пространстве автомобиля. Но при этом они то и дело останавливались из-за того, что она была подавлена, чуть ли не раздавлена бесконечной пустотой, развернувшейся над головой. Женщин хлестал ветер, бичевали струи дождя. Укрывшиеся под капюшонами, в развевавшихся плащах, они напоминали двух монахинь в полном облачении, разыскивающих святилище, чтобы укрыться в нем от начинающегося Армагеддона.

Вероятно, на Марти действовали порывы усиливавшегося шторма или же болезненное беспокойство подруги, а может быть, и то и другое вместе. Во всяком случае, пока они резкими бросками продвигались вдоль аллеи к переулку, в котором она поставила свой автомобиль, она все больше и больше осознавала необычность этого дня, которую было очень легко почувствовать, но трудно осознать. Лужи на бетонной поверхности, как черные зеркала, кишели какими-то образами, настолько искаженными падающим дождем, что разобрать их истинное содержание было невозможно, но тем не менее они все же тревожили Марти. Раскачивавшиеся пальмы яростно клевали воздух своими ветвями, потерявшими ярко-зеленую расцветку и ставшими почти черными; ветер пронизывал их узкие листы с шипением, напоминавшим усиленный во много раз шелест мишуры, и этот звук вступал в резонанс с тем примитивным и безрассудным чувством, которое поселилось в глубинах глубин ее души. Справа от них раскинулся песчаный пляж, гладкий и бледный, как шкура какого-то огромного спящего животного, слева каждый дом, казалось, сражался со своим собственным штормом, а в пространстве между ними, словно в гигантском окне с видом на океан, проносились бесцветные абрисы мутных облаков да деревья тяжело гнулись под напором ветра.

Марти была встревожена этим совершенно новым для нее ощущением неестественной угрозы, кроющейся в окружающем пейзаже, но куда сильнее ее беспокоила новая странность, которую она так неожиданно обнаружила в себе и которая, похоже, усиливалась под влиянием шторма. Ее сердце билось все чаще, подгоняемое иррациональным желанием сдаться колдовской энергии этой бешеной погоды. Внезапно она почувствовала, что боится какой-то темной силы, которую была не в состоянии определить: боится утратить контроль над собою, боится оказаться в полубессознательном состоянии, а по приходе в себя выяснить, что она сотворила нечто ужасное... Нечто отвратительное.

Вплоть до этого утра ее никогда не посещали такие причудливые мысли. Теперь же они непрерывно обуревали ее сознание.

Она вспомнила, что грейпфрутовый сок, который она выпила за завтраком, имел необычно кислый вкус, и спросила себя, не был ли он испорченным. Она не страдала расстройствами пищеварения и особой чувствительностью к качеству еды, но не могло ли быть так, что ее теперешнее состояние объяснялось действием пищевого отравления, которое почему-то повлияло скорее на ее умственное, а не физическое состояние.

Затем промелькнуло еще одно, даже более странное предположение. Испорченный сок мог оказаться причиной ее непонятного состояния не в большей степени, чем ЦРУ, которое передавало ей прямо в мозг какие-то команды с помощью микроволнового передатчика. Если бы она позволила себе и дальше двигаться по этой скользкой извилистой дорожке невероятных допущений, то, несомненно, очень скоро пришла бы к выводу о необходимости изготовить несколько затейливых шляп из алюминиевой фольги для защиты от дальнейшего промывания мозгов.

Пока они шли по прогулочной аллее и спускались по невысокой бетонной лестнице на узкую улицу, где стоял автомобиль, Марти получала не меньше сил от эмоциональной поддержки со стороны Сьюзен, чем та от нее, хотя и надеялась, что подруга не заметит этого или хотя бы не придаст этому значения.

Марти открыла пассажирскую дверь, помогла Сьюзен сесть в красный «Сатурн», обошла машину и села за руль.

Дождь барабанил по крыше, издавая холодные и гулкие звуки, наводящие на мысли о зловещем грохоте копыт, словно четыре Всадника Апокалипсиса – Мор, Война, Глад и Смерть – уже проносились неудержимым галопом по ближнему берегу.

Марти откинула с головы капюшон и принялась рыться сначала в одном кармане плаща, потом в другом, пока не выудила ключи.

Пристроившаяся рядом Сюзен так и сидела с покрытой головой, склоненной на грудь, прижимая к щекам сжатые кулаки. Ее глаза были закрыты, а лицо напряженно застыло, словно уютный «Сатурн» представлял собой одну из тех гидравлических машин, которые прессуют автомобили в аккуратные трехфутовые кубы.

Внимание Марти сосредоточилось на автомобильном ключе. Она постоянно пользовалась им, но сейчас этот безобидный предмет вдруг показался ей злобным и острым (прежде такого никогда не было). Зазубренная бородка опасно напомнила ей пилку хлебного ножа, а следом на память пришел нож-мечцалуна из кухни Сюзен.

Этот простой ключ был потенциальным оружием. Невероятно, но в мыслях Марти замелькали образы кровавых ран, которые мог бы нанести автомобильный ключ.

– Что-то случилось? – спросила Сюзен, хотя она все так же не открыла глаз.

Вставив ключ в зажигание и стараясь при этом скрыть охватившую ее душевную сумятицу, Марти ответила:

– Я не сразу нашла ключ. Ну а сейчас все в порядке. Вот он.

Двигатель сразу же запустился. Теперь Марти предстояло пристегнуться, но ее руки так тряслись, что пластмассовая защелка и металлический язычок на ремнях безопасности исполнили дробь, как зубы перепуганного человека (которым она, в сущности, и являлась), прежде чем замок наконец защелкнулся.

– А что, если со мной здесь что-нибудь случится и я не смогу добраться домой? – волновалась Сюзен.

– Я позабочусь о тебе, – ответила Марти, хотя, учитывая ее собственное странное настроение, обещание могло оказаться пустым звуком.

– А если с тобой что-нибудь случится?

– Со мной ничего не может случиться, – поклялась Марти, включая «дворники» на ветровом стекле.

– С каждым может что-нибудь случиться. Посмотри, что случилось со мной.

Марти отъехала от тротуара и в конце короткой улицы свернула налево, на бульвар Бальбоа.

– Держись. Скоро ты окажешься в кабинете доктора.

– Не окажусь, если с нами произойдет несчастный случай, – раздраженно заявила Сюзен.

– Я хорошо вожу машину.

– Автомобиль может сломаться.

– Автомобиль у меня прекрасный.

– Идет сильный дождь. Если улицы затопит...

– А может быть, нас похитят огромные марсианские слизняки, – прервала ее Марти, – утащат на свою базу и заставят жить с отвратительными спрутами, чтобы вывести новую расу.

– Но ведь здесь, на полуострове, улицы иногда затопляет, – уперлась Сюзен.

– А еще в это время года около пирса прячется снежный человек и откусывает головы неосторожным прохожим. Будем надеяться, что *там* машина не испортится.

– Ты – испорченная женщина, – обвиняюще заметила Сюзен.

– Я ужасна, как сам черт, – подтвердила Марти.

– Жестокая. Ты. Вот так!

– Я просто отвратительная.

– Отвези меня домой.

– Нет.

– Я тебя ненавижу.

– А я тебя все равно люблю, – отозвалась Марти.

- Пропади все пропадом, – жалобно сказала Сьюзен, – я тебя тоже люблю.
- Держись.
- Это так трудно.
- Я понимаю, моя хорошая.
- А если кончится бензин?
- У нас полный бак.
- Я здесь задыхаюсь. Я не могу *дышать*.
- Суз, ты дышишь.
- Но воздух здесь такой... затхлый. У меня болит в груди. Сердце.
- А у меня колючая заноза в заднице, – взорвалась Марти. – Угадай, как ее зовут.
- Ты просто сука.
- Это мы уже знаем.
- Я тебя ненавижу.
- А я тебя люблю, – терпеливо сказала Марти.
- Сьюзен расплакалась, закрыв лицо руками.
- Я не могу так больше.
- Это скоро пройдет.
- Я сама себя ненавижу.
- Не говори так, – нахмурилась Марти. – Никогда не говори.
- Я ненавижу то, во что превратилась. Ненавижу это испуганное дрожащее существо,

которым я стала.

Глаза Марти затуманились от слез жалости. Она принялась неистово моргать.

Со стороны холодного Тихого океана шли новые и новые массы черных облаков, они все плотнее заполняли небо, и казалось, что это вернулась ночь и стремится заполнить собою этот унылый новый день. Пожалуй, все автомобили, двигавшие на север по Пасифик-Коаст-хайвей, включили фары, и мокрый черный асфальт сверкал серебром в их свете.

Ощущение подкрадывающейся неестественной угрозы, возникшее было вновь в сознании Марти, прошло. В дождливом дне больше не мерещилось ничего странного. Теперь в ее восприятии мир был настолько щемяще красивым, настолько *верным* в каждой его детали, что хотя она больше не боялась ничего в нем, но ужасно страшилась потерять его.

Сьюзен сказала с отчаянием в голосе:

– Марти, ты можешь вспомнить меня... такой, как я была прежде?

– Да. Очень четко.

– А я не могу. Бывают дни, когда я не могу вспомнить себя иной, лишь такой, какая я сейчас. Я боюсь, Марти. Не только выходить наружу, из дома. Я боюсь... всех тех лет, которые мне предстоят.

– Мы пройдем через эти годы вместе, – уверила ее Марти, – и увидишь, там будет много хороших лет.

Вдоль шоссе, ведущего на Фэшион-айленд, к роскошным магазинам и деловому центру Ньюпорт-Бич, росли мощные финиковые пальмы. Под напором ветра деревья потрясали своими густыми зелеными гривами, словно прайд рассерженных львов, изготовившихся издать оглушительный рев.

Доктор Марк Ариман арендовал помещения на четырнадцатом этаже одного из зданий, возвышавшихся над просторно раскинувшейся площадью, которую занимали магазины. Переход Марти и Сьюзен от стоянки автомобилей до вестибюля, напоминавшего пещеру из полированного гранита площадью в несколько акров⁹, а затем по его просторам в лифт оказался намного легче, чем путешествие из мирной Хоббитании в ужасный Мордор, страну

⁹ Акр – 0,4 га, т. е. 40 соток.

Врага всего сущего, которое совершил Фродо для того, чтобы уничтожить Кольцо Всевластия¹⁰, но Марти тем не менее испытала огромное облегчение, когда двери закрылись и кабина с легким мурлыканьем двинулась вверх.

– Почти безопасно, – пробормотала Сьюзен, вглядываясь в табло над дверью, где торопливо сменялись цифры, указывая на приближение к четырнадцатому этажу, где в святилище уже дожидались ее появления.

Хотя кабина лифта была полностью закрыта и они находились в ней лишь вдвоем с Марти, Сьюзен никогда не чувствовала себя в ней в безопасности. Поэтому Марти обнимала подругу одной рукой за плечи. Она знала, что в болезненном восприятии Сьюзен и клетушка, в которой они поднимались на четырнадцатый этаж, и коридоры, куда они попадали из нее, даже комната, где приходилось несколько минут дожидаться приема у психиатра, – все это были враждебные территории, скрывавшие бесчисленные угрозы. Любое общественное место, неважно, насколько оно было маленьким и укрытым от внешнего пространства, представляло собой открытое место в том смысле, что там в любое время мог появиться кто угодно. Она ощущала себя в безопасности только в двух местах: в своем доме на полуострове и в частной лечебнице доктора Аримана, где ее не беспокоила даже драматическая панорама побережья, разворачивавшаяся в окне.

– Почти безопасно, – повторила Сьюзен, когда двери лифта скользнули в стороны, выпустив их на четырнадцатый этаж.

Как ни странно, Марти вновь вспомнила о Фродо, героя «Властелина Колец». Фродо – в туннеле, где находился тайный вход в Мордор. Его противник – ужасный паукообразный монстр Шелоб. Фродо, ужаленный чудовищем, кажется мертвым, но на самом деле лишь парализован, и Шелоб прячет его в укромный уголок, чтобы сожрать попозже.

– Пойдем, ну пойдем же, – порывисто прошептала Сьюзен. Впервые после выхода из квартиры она почувствовала стремление куда-то двигаться.

Удивительно, но Марти захотелось затащить подругу назад в кабину, спуститься в вестибюль и вернуться в автомобиль.

Вновь она ощутила тревожную странность окружавшей ее обыденной обстановки, словно это была на самом деле не бесхитростная лифтовая кабина, какой казалась, а мрачный темный туннель, где Фродо со своим спутником Сэмом Скрэмби прорывались сквозь тенета гигантского многоглазого паука.

Услышав слабый звук за спиной, она со страхом обернулась, почти уверенная, что увидит сливающийся с темнотой силуэт монстра. Нет, это, шурша, закрылись двери лифта, только и всего.

В ее воображении прорвалась мембрана, разделяющая измерения, и мир Толкиена принялся упорно просачиваться в Ньюпорт-Бич. Она долго и старательно трудилась над адаптацией компьютерной игры. Не могло ли получиться так, что из-за усталости и непреодолимого стремления воздать должное «Властелину Колец» вымысел английского профессора смешался в ее сознании с действительностью?

Нет. Не то. Правда была чем-то не столь фантастическим, хотя и не менее странным.

Затем Марти заметила свое отражение, мелькнувшее в стеклянной панели, прикрывавшей нишу в стене, где был спрятан пожарный гидрант. Она сразу же отвернулась, ошарашенная неприкрытым беспокойством, которое успела заметить в лице своего зеркального двойника. Черты собственного лица показались ей какими-то изломанными, с глубоко прорезанными смеховыми морщинками, рот напоминал шрам, а глаза – две раны. Но не это

¹⁰ Этому путешествию посвящена знаменитая сказочная трилогия английского писателя Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин Колец», уже упоминавшаяся в романе.

несимпатичное выражение лица заставило ее поскорее отвести взгляд. Что-то другое, худшее. Что-то, чему она просто не могла найти имени.

Что со мною происходит?

– Пойдем же, – сказала Сьюзен, настойчивее, чем прежде. – Марти, что случилось? Пойдем.

Марти неохотно направилась вслед за подругой прочь от лифта. Они повернули налево по коридору.

Сьюзен получала силы из своей мантры: «Почти безопасно, почти безопасно», – а Марти вовсе не находила в ней успокоения.

Глава 8

Дасти вел машину по дороге, ведущей с ньюпортских холмов в низину. Ветер срывал с деревьев мокрые листья, в полузабитые уличные водостоки низвергались мутные водопады.

– Я промок. Мне холодно, – ныл Скит.

– Мне тоже. К счастью, мы высокоорганизованные приматы, и у нас есть множество всяких штук. – Дасти включил обогреватель.

– Я все испортил, – продолжал бормотать Скит.

– Кто, ты?

– Я всегда все порчу.

– У каждого есть свой особый талант.

– Ты очень злишься на меня?

– В данный момент я смертельно устал от тебя, – честно сознался Дасти.

– Ты ненавидишь меня?

– Нет.

Скит вздохнул и съехал пониже на сиденье. Сейчас, когда его ненормальное возбуждение прошло и наступил резкий спад, а от одежды поднимался легкий парок, он больше походил на груды выстиранного белья, чем на человека. Его покрасневшие опухшие веки смыкались сами собой, рот был приоткрыт. Он, казалось, спал.

Небо цвета головешки нависало все ниже. Дождевые струи не сверкали серебром, как обычно, а были темными и грязными, будто природа, как уборщица, выжимала воду из грязной тряпки. Дасти ехал на юго-восток, из Ньюпорт-Бич в город Ирвин. Он надеялся, что в клинике «Новая жизнь», центре по реабилитации наркоманов и алкоголиков, найдется свободное место.

Скит проходил лечение дважды; последний раз, шесть месяцев тому назад, он побывал именно в «Новой жизни». Вышел он оттуда здоровым на вид и искренне собирался вести нормальную жизнь. Тем не менее через некоторое время после курса лечения он вновь скатился к прежнему.

Правда, до сих пор он еще ни разу не предпринимал попыток самоубийства. Но, возможно, осознав глубину кризиса, в котором оказался, он смог бы понять, что ему предоставляется последний шанс.

Не поднимая головы, неразборчиво из-за того, что его подбородок был прижат к груди, Скит пробормотал:

– Извини... там, на крыше. Извини, я забыл, кто твой отец. Доктор Декон. Это потому, что мне так плохо.

– Все нормально. Я большую часть жизни пытался выкинуть его из памяти.

– А ты помнишь *моего* отца, готов поспорить.

– Доктор Холден Колфилд, профессор литературы.

– Он настоящий ублюдок, – объявил Скит.

– Все они такие. К матери всегда клеились всякие ублюдки.

Скит медленно поднял голову, словно это была колоссальная тяжесть и ее ворочали мощные гидравлические подъемники.

– А ведь Холден Колфилд даже не его настоящее имя.

Дасти притормозил перед красным светофором и скептически взглянул на Скита. Имя героя романа «Над пропастью во ржи» казалось ему слишком стандартным для того, чтобы быть вымышленным.

– Он официально сменил его, когда ему исполнился двадцать один год, – объяснил Скит. – Его настоящее имя – Сэм Фарнер.

– Это ты болтаешь просто так или это правда?

– Правда, – ответил Скит. – Папаша старого Сэма был профессиональным воякой. Полковник Томас Джексон Фарнер. А мамаша, Луанна, работала в детском саду. Старый Сэм расплевался с ними – после того, как полковник и Луанна протащили его через колледж, и после того, как Сэм получил степень магистра. А если бы ему нужно было учиться дальше, то он выждал бы еще и ни за что не разругался бы со стариками, пока они не расплатятся за его образование.

Дасти знал отца Скита – псевдо-Холдена Колфилда, – и знал его слишком даже хорошо, потому что претенциозный ублюдок был его отчимом. Тревор Пенн Родс, отец Дасти, был вторым из четверых мужей их матери, а Холден Сэм Колфилд-Фарнер – третьим. С неполных четырех лет Дасти до полных четырнадцати этот самозванец, якобы голубых кровей, держал в руках бразды правления его семейства, проявляя вполне достаточно высокомерного осознания своего божественного права, авторитарного рвения и антиобщественной свирепости для того, чтобы заработать похвалу от Ганнибала Лектера.

– Он говорил, что его мать была профессором в Принстоне, а отец – в Рутгерсе. Все эти истории...

– Это не биография, – настаивал Скит, – а просто сляпанная между делом легенда.

– А их трагическая смерть в Чили?..

– Еще одна ложь. – В налитых кровью глазах Скита горел жестокий свет, скорее всего, это была месть. На какое-то мгновение мальчишка показался Дасти вовсе не печальным, подавленным и изможденным, а, наоборот, охваченным диким, с трудом сдерживаемым ликованием.

– Неужели у него были такие сильные разногласия с полковником Фарнером, что он решил сменить имя?

– Я думаю, что ему просто нравился роман Сэлинджера.

Дасти был поражен.

– Возможно, ему действительно нравился роман, но понимал ли он его? – Впрочем, это был риторический вопрос. Отец Скита был персоной такой же мелкой, как и микроскопические обитатели чашек Петри; его охватывали один за другим недолговечные порывы энтузиазма, причем все они были столь же вредоносные, как сальмонелла. – Ну, кто мог бы захотеть на самом деле *стать* Холденом Колфилдом?

– Сэм Фарнер, мой добрый старый папочка. И, готов держать пари, это не повредило университетской карьере этого ублюдка. При выбранном им направлении работы это имя, наверно, делало его незабываемым.

Позади загудел автомобиль. Сигнал светофора сменился с красного на зеленый. Их машина продолжила свой путь к «Новой жизни».

– И где ты все это узнал? – поинтересовался Дасти.

– Начал с Интернета. – Скит сел более прямо и отбросил костлявыми руками влажные волосы с лица. – Сначала я проверил списки преподавателей в Рутгерсе по их веб-сайту. Всех, кто там хоть когда-нибудь преподавал. А потом в Принстоне. Ни там, ни там не было преподавателей с такими именами, как у его родителей. Его *вымышленных* родителей, я хочу сказать.

Скит принялся рассказывать о тех сложных действиях, которые ему пришлось предпринять, чтобы выяснить такую простую правду о своем отце. В его голосе отчетливо слышалась гордость. Для проведенного им расследования требовались напряженная работа и изрядное приложение творческой мысли, не говоря уже о трезвой логике.

Дасти про себя восхищался тем, что этот хрупкий ребенок (он, несмотря ни на что, не мог воспринимать его иначе), обиженный жизнью, находящийся под пагубным гнетом своих

собственных нездоровых склонностей и пристрастий, оказался в состоянии так глубоко и надолго сосредоточиться, чтобы выполнить эту сложную работу.

– Папаша моего папаши, полковник Фарнер, уже давно покойник, – продолжал Скит. – А Луанна, его мать, еще жива. Ей семьдесят восемь лет, и она живет в Каскаде, это штат Колорадо.

– Твоя бабушка, – задумчиво сказал Дасти.

– Еще три недели тому назад я не знал о ее существовании. Зато с тех пор уже дважды говорил с ней по телефону. Знаешь, Дасти, она кажется по-настоящему милой. Когда единственный сын отрезал их от себя, это разбило ей сердце.

– Но почему он это сделал?

– Из-за политических убеждений. Не спрашивай меня, что это значит.

– Он меняет свои убеждения чаще, чем носки, – сказал Дасти. – Тут дело в чем-то другом.

– Но Луанна ни о чем другом не говорит.

Гордость достигнутым, которая на некоторое время дала Скиту силы выпрямиться и оторвать подбородок от груди, быстро оказалась исчерпана. Вновь расслабившись, он съехал вниз по спинке сиденья и забился, как черепаха, в панцирь из своей измятой, промокшей под дождем одежды, пара и запаха влаги, которые исходили от нее.

– Ты не можешь позволить себе еще раз устроить для меня все это, – сказал Скит, когда Дасти заворачивал на стоянку около клиники «Новая жизнь».

– Не волнуйся об этом. У меня есть договоренность о двух серьезных работах. Кроме того, Марти выдумывает множество кошмарных смертей для орков и тому подобных монстров, а это принесет хорошенькую кучку долларов.

– Я не знаю, смогу ли выдержать эту программу еще раз.

– Сможешь. Ты сегодня утром спрыгнул с крыши. Да, черт возьми, пройти курс лечения в реабилитационной клинике для тебя должно быть не труднее, чем съесть пирожок.

Частная клиника располагалась в здании, которое очень подошло бы в качестве штаб-квартиры преуспевающей компании мексиканских ресторанов быстрого питания. Это была двухэтажная гасиенда¹¹ с крытой арочной галереей на первом этаже и закрытыми балконами на втором, чересчур аккуратно украшенная королевскими фиолетовыми бугенвиллеями, упорядоченно закрепленными на колоннах и поперек сводчатых проходов. Совершенство формы подчеркивалось здесь так настойчиво, что в результате получился совершенно игрушечный диснеевский замок; казалось даже, что все здесь, от травы до крыши, вырезано из пластмассы. Здесь даже грязный дождь мерцал, словно мишура.

Дасти остановил машину возле тротуара на площадке, предназначенной для прибывающих пациентов. Он выключил «дворники», но двигатель все еще продолжал работать.

– Ты рассказал ему о том, что узнал?

– Ты имеешь в виду моего доброго старого папочку? – Скит, закрыв глаза, помотал головой. – Нет. Хватит и того, что я сам об этом знаю.

По правде говоря, Скит и сейчас боялся профессора Колфилда, урожденного Фарнера, не меньше, чем прежде, когда был ребенком, – и, возможно, имел для этого достаточно веские основания.

– Каскад, штат Колорадо, – повторил Скит. Он произнес эти слова так, словно это было волшебное царство, обитель волшебников, грифонов и единорогов.

– Ты не хочешь поехать туда и познакомиться со своей бабушкой?

¹¹ **Гасиенда** – поместье; так же называется и помещичий дом в южных штатах США, Мексике и многих странах Южной Америки.

– Слишком далеко. И слишком трудно, – ответил Скит. – Я же теперь не могу водить машину. – Из-за многочисленных нарушений правил движения у него отобрали водительские права, и теперь он каждый день ездил на работу вместе с Пустяком Ньютоном.

– Послушай, – продолжал Дасти, – ты пройдешь курс, а потом я отвезу тебя в Каскад, чтобы ты смог увидеть свою бабушку.

Скит открыл глаза.

– Э, нет, парень, это опасно.

– Так ведь я неплохой водитель.

– Я хочу сказать, что люди всегда подводят. Кроме тебя и Марти. И Доминик. Она никогда не подводила меня.

Доминик была его сводной сестрой по матери от ее первого мужа. Она страдала от рождения болезнью Дауна и умерла в младенчестве. Никто из них никогда не видел ее, хотя Скит время от времени посещал ее могилу. Он называл ее «та, что вовремя смылась».

– Люди всегда подводят, – сказал он, – не следует ожидать от них слишком много.

– Ты сказал, что по телефону она показалась тебе милой. И, судя по всему, твой папаша презирает ее, а это хороший признак. Чертовски хороший. Кроме того, если она вдруг окажется чертовой бабушкой, то я буду там с тобой и перешибу ей копыта.

Скит улыбнулся. Он задумчиво смотрел сквозь залитое дождем ветровое стекло, но не на тот пейзаж, что разворачивался перед ним, а, вероятно, видел перед собой идеальный образ Каскада, штат Колорадо, который уже успел нарисовать в своих мыслях.

– Она сказала, что любила меня. Никогда не видела, но сказала, что это все равно.

– Ты ее внук, – сказал Дасти, выключая двигатель.

Глаза Скита, казалось, были не только отеками и налитыми кровью, но и воспаленными, словно он видел слишком много того, что причиняло ему боль. Но улыбка на бледном, как снег, потерянном и изможденном его лице была теплой.

– Сводный брат считается половиной брата. А ты – целых полтора брата.

Дасти положил ладонь на тощий загривок Скита и притянул его к себе, пока они не соприкоснулись лбами. Так они просидели некоторое время, бровь к брови; ни один из них ничего не сказал.

Потом они вышли из фургона под холодный дождь.

Глава 9

В приемной доктора Марка Аримана стояла пара полированных кресел из драгоценной сикоморовой древесины с черными кожаными сиденьями. Пол был из черного гранита. Такими же были и два приставных столика, на которых лежали пухлые экземпляры «Архитектурного обозрения» и «Ярмарки тщеславия». Стены гармонировали с медовым цветом сикомора.

Из произведений искусства помещение украшали лишь две картины в стиле «арт деко» – ночные городские пейзажи, напоминающие о ранних работах Джорджии О’Кифф.

Благородный стиль помещения оказывал удивительно успокаивающее воздействие. Как всегда, Сьюзен явно полегчало после того, как она переступила через порог приемной. Впервые начиная с выхода из квартиры она не испытывала потребности опираться на Марти. Она подняла голову, отбросила капюшон плаща и сделала несколько глубоких медленных вдохов, как будто только что вынырнула из глубин холодного озера.

Что удивительно, Марти тоже почувствовала определенное облегчение. То беспокойство, что волнами накатывало на нее и, похоже, не было связано с каким-либо определенным источником зла, несколько ослабло после того, как за подругами закрылась дверь приемной.

За окном регистратора находилась Дженнифер, секретарша доктора. Она говорила по телефону, сидя за столом, и помахала им рукой.

Беззвучно открылась внутренняя дверь, и из столь же хорошо обставленной комнаты, в которой он проводил свои психотерапевтические сеансы, вышел доктор Ариман. Впечатление было такое, будто он получил телепатический сигнал о прибытии своего пациента. Безупречно одетый, в темно-сером костюме фирмы «Вестимента», столь же элегантный, как и вся обстановка его лечебницы, он передвигался с легкостью и изяществом, которые обычно отличают профессиональных спортсменов.

Ему было, видимо, лет сорок с небольшим. Он был высок ростом, покрыт ровным загаром, с седоватыми волосами цвета «перец с солью», и выглядел в целом таким же красивым, как и на своих фотопортретах, украшавших пыльные суперобложки его бестселлеров по психологии. Хотя его карие глаза смотрели на собеседника необыкновенно прямо, взгляд их не был при этом ни агрессивным, ни вызывающим, ни по-клинически оценивающим, а очень теплым и успокаивающим. Доктор Ариман ничуть не походил внешне на отца Марти, но тем не менее в нем чувствовалась свойственная Улыбчивому Бобу приветливость, неподдельный интерес к людям и передающаяся другим уверенность в себе. Марти действительно считала, что в нем было нечто отеческое.

Он не стал расспрашивать Сьюзен о том, как та перенесла поездку от своего дома до его лечебницы, чтобы избежать малейшей опасности хоть намеком напомнить больной о ее агорафобии. Вместо этого он принялся красноречиво воспевать красоту шторма, как если бы ненастное утро было столь же ярким и жизнеутверждающим, как живопись Ренуара. Когда он описывал удовольствие от прогулки под дождем, в холоде и сырости, то казалось, что это занятие должно так же успокаивать душу, как и отдых на пляже в умеренно жаркий солнечный день.

Слушая его, Сьюзен сбросила плащ и вручила его Марти. Она начала улыбаться. Выражение беспокойства покинуло ее лицо, разве что в глазах затаились остатки напряжения. И когда она, сопровождаемая доктором Ариманом, покинула приемную и перешла в его кабинет, то двигалась уже не как старуха, а как молодая девушка, которую нисколько не пугает внушительный вид на побережье океана с четырнадцатого этажа, ожидавший ее за окнами.

То успокоительное воздействие, которое несколько мгновений общения с доктором оказали на Сьюзен, как всегда, произвело на Марти сильное впечатление. Она совсем было

решила не говорить с ним о своем беспокойстве за подругу, но сразу же изменила свое решение и, прежде чем он прошел вслед за Сьюзен в кабинет, спросила, не мог ли он уделить ей минуту-другую.

– Я сейчас же присоединюсь к вам, – сказал он Сьюзен и закрыл за ее спиной дверь.

Сделав бок о бок с Ариманом несколько шагов к середине комнаты, Марти сказала, понизив голос:

– Доктор, меня волнует ее состояние.

Улыбка психотерапевта действовала столь же успокаивающе, как кресло у домашнего очага и горячий чай со сладкими песочными коржиками.

– Дела у нее идут очень хорошо, миссис Родс. Я очень доволен и не мог бы даже ожидать лучшего.

– А не могли бы ей помочь какие-нибудь лекарства? Я читала, что антидепрессанты...

– В ее случае применение антидепрессантов было бы очень серьезной ошибкой. Наркотики – это не всегда выход, миссис Родс. Поверьте, если бы они пошли ей на пользу, я сразу же выписал бы рецепт.

– Но она находится практически в том же состоянии, что и шестнадцать месяцев тому назад.

Ариман вскинул голову и посмотрел на собеседницу так, словно подозревал, что она дразнит его.

– Вы на самом деле не заметили никаких изменений в ее состоянии, особенно за последние несколько месяцев?

– О нет. Множество. И, мне кажется... конечно, я никакой не специалист, не врач, но за последнее время Сьюзен, кажется, стало хуже. Намного хуже.

– Вы правы. Ей становится хуже, но это совсем не плохой признак.

– Не плохой? – переспросила вконец расстроенная и сбита с толку Марти.

Ощущая глубину тревоги Марти, возможно интуитивно сознавая, что причины ее беспокойства кроются не только в волнении за судьбу подруги, доктор Ариман подвел ее к креслу и сам уселся рядом.

– Состояние агорафобии, – объяснил он, – почти всегда проявляется внезапно и крайне редко развивается постепенно. Интенсивность страхов при первом приступе расстройства бывает практически такой же, как и при каждом из следующей сотни. Так что, когда наблюдается изменение в их интенсивности, это часто указывает на то, что пациент находится на грани крупного достижения.

– Даже если страхи усиливаются?

– Особенно в том случае, когда они усиливаются. – Ариман помолчал, колеблясь. – Я уверен, вы понимаете, что я не могу нарушить врачебную тайну, обсуждая детали конкретного случая Сьюзен. Но вообще-то агорафобии часто уходят в свои страхи как в убежище от мира, видят в них способ избежать столкновений с другими людьми или же уклониться от своих собственных, особенно травмирующих переживаний. Таким образом они находят в изоляции некое извращенное утешение...

– Но Сьюзен ненавидит свое состояние, из-за которого она стала пленницей в собственной квартире.

Врач кивнул.

– Ее отчаяние глубокое и подлинное. Однако владеющая ею потребность в изоляции оказывается сильнее, чем даже мучения, которые она испытывает из-за ограничений, накладываемых на нее фобией.

Марти *знала*, что временами Сьюзен, казалось, цеплялась за пребывание в своей квартире скорее потому, что она была там счастлива, а не потому, что так уж сильно боялась внешнего мира.

– Если пациент начинает понимать, *чем* его так привлекает одиночество, – продолжал Ариман, – если он наконец начинает осознавать *реальную* природу той душевной травмы, от которой старается укрыться, то порой, как ни парадоксально, он может уцепиться за агорафобию еще более отчаянно. Обострение симптомов обычно означает, что больной предпринимает последнюю попытку укрыться от правды. А когда эта попытка окончится неудачей, то он наконец-то окажется лицом к лицу с тем, чего он *на самом деле* боится – и это не открытое пространство, а что-то гораздо более личное и внутреннее.

Марти в целом понимала смысл того, что ей объяснял доктор, но все же ей было трудно принять мысль о том, что значительное ухудшение состояния больного служит знаком его предстоящего выздоровления. В минувшем году продолжительная битва ее отца с раком проходила под знаком неуклонного ослабления сопротивления больного, и в конце этого пути не было никакой радости победы – только неизбежная смерть. Конечно, психологическую болезнь нельзя сравнивать с физической болезнью. Однако...

– Ну, что, миссис Родс, удалось мне привнести немного покоя в ваши мысли? – В глазах Аримана сверкали искорки юмора. – Или вы считаете меня совсем уж психоболтуном?

Марти была покорена его обаянием. Множество дипломов, украшавших кабинет доктора Аримана, его репутация лучшего специалиста по лечению фобических расстройств в Калифорнии, а возможно, и во всей стране, его острый ум – все это помогало ему завоевывать доверие пациента в не меньшей, если не в большей степени, чем манера поведения у постели больного.

Она улыбнулась и помотала головой.

– Нет. Единственная болтушка здесь – это я. Мне кажется... Я чувствую себя так, словно допустила какую-то большую промашку.

– Нет, нет, нет. – Он успокаивающим жестом положил руку на плечо Марти. – Миссис Родс, я не в состоянии выразить, насколько велика ваша роль в восстановлении психики Сьюзен. Ваше влияние на ее мысли куда сильнее, чем я могу надеяться достичь. Вы ни в коем случае не должны стесняться высказывать мне ваши вопросы и сомнения. Ваша забота о Сьюзен – это скала, на которой она держится.

Голос Марти окреп.

– Мы дружим с детства, большую часть жизни. Я так люблю ее... Я не могла бы любить ее сильнее, даже если бы она была моей сестрой.

– Именно об этом я и говорю. Любовь может сделать гораздо больше, чем терапия, миссис Родс. Не у каждого пациента есть кто-то любящий его вроде вас. Сьюзен так повезло в этом отношении.

Глаза Марти затуманились.

– Она кажется такой потерянной, – тихо проговорила она.

Рука психотерапевта слегка пожала ей плечо.

– Она найдет себя. Поверьте мне.

Она верила ему. И действительно, он настолько успокоил ее, что она чуть не заговорила о своих собственных тревожностях, которые обрушились на нее этим утром: тень, зеркало, меццалуна, зазубренный край автомобильного ключа...

Сьюзен в кабинете ожидала начала сеанса психотерапии. Это время принадлежало ей, а не Марти.

– Вы хотели спросить о чем-то еще? – поинтересовался доктор Ариман.

– Нет, теперь все в порядке, – ответила она, поднимаясь с кресла. – Спасибо. Большое вам спасибо, доктор.

– Верьте в успех, миссис Родс.

– Я верю.

Улыбнувшись, он одобрительно поднял большой палец, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

Марти прошла по узкому коридорчику в другое помещение, где стояли шкафы с историями болезней. Это комната была меньше первой приемной, но была выдержана в том же стиле.

Здесь, так же как и в большой приемной, одна дверь вела в кабинет доктора Аримана, а другая открывалась в коридор. Наличие двух выходов из кабинета гарантировало, что пришедшие на прием пациенты и их спутники, если таковые окажутся, не столкнутся с пациентами, уходящими после сеанса, обеспечивая таким образом посетителям психотерапевта сохранение тайны их визитов.

Марти повесила плащи на вешалку, находившуюся на стене подле выхода.

Чтобы скоротать время, она принесла с собой небольшую книжку, триллер, но была не в состоянии сосредоточиться на сюжете. Ни одна из жутких вещей, происходивших в романе, не волновала ее так, как реальные события этого утра.

Вскоре Дженнифер, секретарь доктора, принесла чашечку кофе – черного, без сахара, как любила Марти, – и шоколадный бисквит.

– Я не стала спрашивать вас, хотите ли вы чего-нибудь покрепче, а просто решила, что в такой день кофе будет в самый раз.

– Вы совершенно правы, Дженни. Спасибо.

Когда Марти впервые пришла сюда вместе со Сьюзен, то была удивлена принятой здесь ненавязчивой любезностью. Не имея никакого опыта общения с психиатрами, она все же была уверена, что такая вдумчивая забота не является обязательным атрибутом этой профессии, и до сих пор пребывала в очаровании от царившей здесь атмосферы.

Кофе был крепким, но не горьким. Бисквит был превосходным; следовало спросить у Дженнифер, где она его купила.

Смешно – одно хорошее печенье может внести спокойствие в мысли и умиротворить мятущуюся душу.

Спустя некоторое время она смогла вчитаться в книгу. Язык оказался хорошим, сюжет – интересным, а персонажи – яркими и живыми. Роман ей по-настоящему понравился.

Вторая комната для посетителей очень хорошо подходила для чтения. Тихая. Без окон. Без раздражающего музыкального фона. Ничего не отвлекало.

Одним из действующих лиц романа был доктор, любитель хокку, традиционных японских трехстиший. Высокий, красивый, наделенный сладким голосом, он, стоя у огромного окна и глядя на шторм, декламировал хокку:

Ветер швыряет в лицо запах сосновой смолы.
Дождь, порвав занавеску,
Говорит сам с собой.

Марти решила, что эти стихи прекрасны. И эти краткие строчки совершенно точно передавали настроение, возникавшее при виде январского дождя, хлеставшего по набережную за окном. Прекрасны оба – и зрелище шторма, и хокку.

Тем не менее хокку потревожило ее. Оно оказалось навязчивым. За прекрасными образами скрывалось злое намерение. Внезапно на Марти нахлынуло с трудом осознаваемое беспокойство, ощущение того, что все вокруг на самом деле не такое, каким кажется.

Что со мною происходит?

Марти почувствовала, что теряет ориентацию. Она вдруг обнаружила, что стоит, хотя совершенно не помнила, как поднялась с кресла. И, ради бога, что она *здесь* делает?

– Что со мною происходит? – На сей раз она задала этот вопрос вслух. Потом она закрыла глаза, так как ей нужно было расслабиться. Ей нужно расслабиться. Расслабиться. Верьте...

Постепенно к ней возвращалось самообладание.

Она решила провести оставшееся время за книгой. Книги – это хорошее лекарство. В книге можно затеряться, забыть свои неприятности, свои страхи. А эта книга особенно хорошо годилась для того, чтобы укрыться от действительности.

Глава 10

Единственная свободная комната в «Новой жизни» находилась на втором этаже; оттуда открывался прекрасный вид на хорошо ухоженный сад вокруг лечебницы. Королевские пальмы и папоротники бились на ветру, а по клумбе кроваво-красных цикламенов пробегали волны.

Капли дождя били в стекло с такой силой, что можно было подумать, что идет град, хотя Дасти и не видел подскакивающих ледяных бусинок.

Его одежда уже почти высохла. Скит сидел в кресле, обитом синим твидом, и бесцельно листал древний номер «Тайм».

Комната больше походила на частное жилище, чем на обитель временных постояльцев. Единственная кровать была накрыта покрывалом в желтую и зеленую клетку. Тумбочка, отделанная светлым несгораемым пластиком под буквое дерево, и такой же небольшой гардероб. Почти белые стены, ярко-оранжевые занавески, изжелта-зеленый ковер. Когда мы отправимся ко всем чертям, дизайнеров, которые разрабатывали это помещение, призовут отделывать подобные квартиры для вечной жизни.

За приоткрытой дверью находилась ванная; можно было разглядеть тесную, как телефонная будка, душевую кабину. В углу зеркала, укрепленного над раковиной, был наклеен красный ярлык – «ЗАКАЛЕННОЕ СТЕКЛО». Разбитое, оно рассыпалось в мелкие крошки, не образуя острых осколков, которыми можно было бы перерезать себе вены.

Хотя помещение выглядело вполне скромно, пребывание в нем стоило изрядных денег, так как качество ухода в «Новой жизни» находилось на куда более высоком уровне, чем меблировка. В медицинской страховке Скита, естественно, не было формулировки «я-был-дураком-и-разрушал-свое-здоровье-и-теперь-мне-нужно-поставить-мозги-на-место». Поэтому Дасти уже выписал чек за проживание и питание в течение четырех недель и подписал обязательство оплатить услуги психотерапевтов, врачей, адвокатов и медицинских сестер в зависимости от того, сколько их потребуется.

Поскольку это был уже третий курс лечения, который проходил Скит (и второй в «Новой жизни»), Дасти начинало казаться, что для того, чтобы можно было надеяться на успех, требовались, пожалуй, не физиологи, врачи и психиатры, а мудрецы, чародеи, ведьмы и волшебный колодец.

Скиту предстояло, вероятно, провести в «Новой жизни» самое меньшее три недели. Возможно, шесть. Из-за того, что он совершил попытку самоубийства, несколько медиков должны были непрерывно наблюдать за ним по крайней мере три дня.

Даже с учетом заключенных наперед контрактов на отделку зданий и новой игры по «Властелину Колец», которую разрабатывала Марти, они не смогут в этом году провести длительный отпуск на Гавайских островах. Вместо этого они вполне смогут поставить на заднем дворе несколько фонарей в виде тики¹², носить рубашки-алоха, крутить компакт-диск Дона Хо и устраивать луау – так на Гавайях называют пир на открытом воздухе, – в котором луау, то есть осьминога с листьями таро, заменит консервированная ветчина. Вообще-то это тоже должно было оказаться прекрасно. Любое время, проведенное вместе с Марти, было прекрасным, и неважно, на каком фоне это время протекало, – залива Уайми или крашеного дощатого забора, огораживавшего их цветник.

Когда Дасти присел на край кровати, Скит бросил выпуск «Тайма», который держал в руках.

¹² **Тики** – резное изображение божества или предка на многих тихоокеанских островах.

– С тех пор как они перестали печатать голых девок, журнал стал просто поганым. – Дасти промолчал, и Скит встревожился: – Эй, братец, это была просто шутка, а не бред от наркотиков. Я сейчас, пожалуй, не на высоте.

– Когда ты там находился, все было куда смешнее.

– Да. Но после того, как полет закончится, трудно оставаться веселым, сидя на обломках. – Его голос дрожал, как волчок, замедляющий свое вращение.

Барабанная дробь, которую выбивают по крыше капли дождя, обычно действует успокаивающе. Но теперь ее звук угнетал, служил пугающим напоминанием о тех снах, которые в течение нескольких прошедших впустую лет навевали наркотики.

Скит прижал кончики пальцев с бледной морщинистой кожей к векам.

– Я заглянул себе в глаза в зеркале ванной. словно кто-то харкнул комками болезненной мокроты в пару грязных пепельниц. Дружище, и ощущение в них такое же самое.

– Тебе нужно еще что-нибудь, кроме зубной щетки? Какие-нибудь свежие журналы, книги, радио?

– Не-а. Ближайшие несколько дней я постараюсь спать побольше. – Он смотрел на кончики пальцев, будто ожидал увидеть на них прилипшие куски глаз. – Я ценю это, Дасти. Я не стою этого, но я это ценю. И я так или иначе расплачусь с тобой.

– Забудь об этом.

– Нет. Я так хочу. – Он медленно осел в кресле, словно это плавилась восковая свеча в форме человека. – Это важно для меня. Вдруг я выиграю кучу денег в лотерею или еще как-то повезет. Кто знает? Ведь такое может случиться.

– Может, – согласился Дасти, потому что он верил в чудеса, хотя и не верил в лотерею.

Явился санитар первой смены, молодой американец азиатского происхождения по имени Том Вонг. Увидев на его лице уверенное спокойствие опытного работника рядом с ребяческой улыбкой, Дасти поверил, что оставляет брата в надежных руках.

В истории болезни было записано имя пациента – Холден Колфилд-младший, но когда Том прочел его вслух, Скит очнулся от своей летаргии.

– Скит! – резко сказал он, выпрямившись в кресле и сжав кулаки. – Так меня зовут. Скит и только Скит. Никогда не называйте меня Холден. *Никогда*. Как я могу быть Холден-младшим, когда мой лживый засранец-папаша вовсе не был Холденом-старшим. Я мог бы стать Сэмом Фарнером-младшим, но и так не смейте называть меня! Если вы станете называть меня иначе, чем Скит, то я разденусь догола, подожгу свои волосы и выброшусь в это дурацкое окно. Вам все ясно? Вы, наверно, не хотите, чтобы я покончил с собой, бросившись голым и пылающим в ваш миленький маленький садик?

Том Вонг, улыбнувшись, помотал головой.

– Только не в мою смену, Скит. Пылающие волосы – это, наверно, удивительное зрелище, но уверен, что вид твоего голого тела не доставит мне удовольствия.

Дасти с облегчением улыбнулся. Том выбрал совершенно верный тон.

– Вы совершенно правы, мистер Вонг, – сказал Скит, снова резко откинувшись в кресле.

– Пожалуйста, называйте меня Томом.

Скит помотал головой.

– У меня тяжелый случай задержки развития. Ее причины кроются в ранней юности и спутаны-связаны-сцеплены сильнее, чем пара трахающихся земляных червей. Мистер Вонг, я вовсе не нуждаюсь в том, чтобы обзавестись здесь кучей новых друзей. Поймите, что мне нужны авторитетные персоны, люди, которые могли бы указать мне путь – ведь я на самом деле не могу так жить дальше, и я действительно хочу найти свой путь, на самом деле... Договорились?

– Договорились, – согласился Том Вонг.

– Я привезу твою одежду и барахло, – сказал Дасти.

Скит попытался подняться на ноги, но не смог оторваться от стула. Дасти наклонился и поцеловал его в щеку.

– Я люблю тебя, братец.

– На самом деле, – ответил Скит, – я никогда не смогу с тобой расплатиться.

– Наверняка сможешь. Ты что, забыл? Лотерея.

– Я невезучий.

– Тогда я куплю для тебя билетик, – откликнулся Дасти.

– Правда, купишь? Ты везучий. Всегда был таким. Черт возьми, ты же нашел Марти.

Ты купаешься в удаче по самые уши.

– Тебе причитается заработная плата. Я буду покупать для тебя два билета в неделю.

– Это будет здорово. – Скит закрыл глаза. Его голос превратился в невнятное бормотание. – Это будет... здорово. – Он уснул.

– Бедное дитя, – сказал Том Вонг. Дасти кивнул.

Из комнаты Скита Дасти сразу же прошел на медицинский пост второго этажа. Там он поговорил с главной медсестрой Коллин О'Брайен, крепкой веснушчатой женщиной с седыми волосами и добрыми глазами, которая могла бы сыграть мать-настоятельницу любого женского монастыря в любом кинофильме на католические темы, который когда-либо был поставлен. Она уверяла, что знает все ограничения, которые следует соблюдать при лечении таких случаев, как у Скита, но Дасти все равно повторил с ней все по пунктам.

– Никаких наркотиков. Никаких транквилизаторов, никаких успокоительных. Никаких антидепрессантов. Его пичкали этими проклятыми наркотиками с пяти лет; бывало, что он получал их одновременно два или три. Он плохо учился, а это обозвали расстройством поведения, и его старик принялся бороться с этим расстройством с помощью лекарств. Когда лекарство давало побочные эффекты, то подыскивались другие медикаменты, чтобы бороться с ними, и когда те, в свою очередь, производили новые побочные эффекты, то, для того чтобы справиться с *ними*, подбирались все новые и новые лекарства. Он вырос на химическом рагу, и именно это, я *точно знаю*, изуродовало его. Он привык поедать пилюли, получать уколы и теперь просто не в состоянии представить, что можно жить нормально.

– Доктор Донклин согласен с вами, – сказала сестра, просматривая историю болезни Скита. – Он получал здесь безмедикаментозное лечение.

– Обмен веществ у Скита настолько расстроен, нервная система настолько перенапряжена, что нельзя быть уверенным в адекватности реакции даже на самые обычные, безопасные и традиционные лекарственные средства.

– Он не будет получать даже тайленол.

Слушая собственные слова, Дасти понимал, что волнение за судьбу Скита заставляет его чересчур много болтать.

– Однажды он чуть не умер из-за таблеток кофеина; слишком приистрастился к ним. Развился кофеиновый психоз, сопровождавшийся поразительными фантастическими галлюцинациями, а потом начались конвульсии. Теперь он стал невероятно чувствительным к кофеину; он вызывает сильную аллергию. Если вы дадите ему кофе или даже кока-колу, у него может развиваться анафилактический шок.

– Сынок, – спокойно ответила пожилая медсестра, – все это записано в истории болезни. Поверьте, мы будем хорошо ухаживать за ним. – К удивлению Дасти, Коллин О'Брайен перекрестила его, а потом подмигнула. – В мое дежурство с вашим маленьким братцем не случится ничего плохого.

Если бы она *была* матерью-настоятельницей из кинофильма, то нельзя было бы даже усомниться в том, что, когда она говорит от своего имени, ее устами вещает бог.

– Спасибо, миссис О'Брайен, – негромко сказал он. – Большое, большое вам спасибо.

Оказавшись на улице и сидя в своем фургоне, он не сразу включил двигатель. Его била такая сильная дрожь, что он просто не смог бы вести машину.

Эта дрожь была долго сдерживаемой реакцией на его падение с крыши Соренсона. Его трясло и от гнева, гнева на несчастного Скита с искаленной психикой и на то нескончаемое бремя, которое он представлял собою. А этот гнев пробудил в Дасти еще и дрожь стыда, потому что он по-настоящему любил Скита и ощущал ответственность за него, но был бессилен помочь ему. Осознание своего бессилия было хуже всего.

Он облокотился на рулевое колесо, уперся лбом в сложенные руки и сделал то, что так редко позволял себе на всем протяжении прожитых двадцати девяти лет. Он расплакался.

Глава 11

После сеанса с доктором Ариманом Сьюзен Джэггер, казалось, вновь стала самой собою, той женщиной, какой была до того, как ею овладела агорафобия. Изящным движением просовывая руки в рукава плаща, она заявила, что проголодалась. С изрядной долей элегантного юмора она дала оценку трем китайским ресторанам, в которых Марти предложила купить еду для их совместной трапезы.

– Меня несколько не волнует глютаминовая кислота или чрезмерное количество жгучего красного перца в говядине по-сычуаньски, но, боюсь, мне придется исключить из списка претендентов номер три, так как там мы вполне можем получить непрошенный гарнир из тараканов. – Ничто в ее лице или манере поведения не указывало на то, что эта женщина пребывает в почти полной власти фобии, управляющей ее душевными и телесными движениями.

Когда Марти открыла дверь в коридор, Сьюзен напомнила ей:

– Ты забыла книгу.

Книжка в мягкой обложке лежала на столике возле кресла, в котором сидела Марти. Она прошла через комнату, но чуть заколебалась перед тем, как взять книгу.

– Что-то не так? – поинтересовалась Сьюзен.

– Что? А, ничего. Показалось, что я выронила закладку. – Марти сунула книгу в карман плаща.

Пока они шли по коридору, Сьюзен пребывала в таком же хорошем настроении, но, пока лифт быстро скользил вниз, ее состояние начало изменяться. Когда они оказались в вестибюле, на ее лице уже было кислое выражение, а шуточные нотки в голосе сменились унылым беспокойством. Она ссутулила плечи, повесила голову и сгорбилась, словно уже почувствовала сквозь плотно закрытую дверь холодные влажные удары штормового ветра.

Сьюзен вышла из лифта одна, но не успела сделать несколько шагов по черному камню вестибюля, как была вынуждена схватиться за руку Марти в поисках поддержки. А к тому времени, когда они дошли до дверей, страх довел ее до состояния унижительного бессилия, чуть ли не паралича.

Поход до автомобиля оказался мучительным. Когда они дошли до «Сатурна», правое плечо и шея Марти по-настоящему болели, так как Сьюзен изо всех сил вцепилась в ее руку и беспомощно висела на ней.

Сьюзен съежилась на пассажирском месте в такой позе, словно у нее нестерпимо болел живот, уставилась на свои колени, чтобы даже краем глаза не видеть мира, лежавшего за окнами.

– Наверху, пока мы занимались с доктором Ариманом, я чувствовала себя так хорошо, – несчастным голосом сказала она, – так хорошо. Я чувствовала себя *нормальной*. Я была уверена, что, когда выйду наружу, мне будет лучше, ну хоть чуть-чуть лучше, но теперь мне хуже, чем было, когда я шла туда.

– Тебе не хуже, милая, – ответила Марти, включая зажигание, – поверь мне. Пока мы ехали туда, ты сидела на такой же занозе.

– Но я *чувствую* себя хуже. Мне кажется, что в небе, у нас над головами, что-то нависает, и оно должно раздавить меня.

– Это просто дождь, – сказала Марти. Дождь и в самом деле выбивал по крыше совершенно неблагозвучную дробь.

– Это не дождь. Что-то гораздо хуже. Какая-то огромная тяжесть. Она нависает над нами. О, боже, я ненавижу ее.

– Мы вольем в тебя бутылку «Циндао».

- Это не поможет.
- Две бутылки.
- Мне нужна бочка.
- Две бочки. Мы напьемся вместе.
- Ты хороший друг, Марти, – сказала Сьюзен, не поднимая головы.
- Посмотрим, будешь ли ты так считать, когда мы обе будем лечиться от алкоголизма в больнице.

Глава 12

Из «Новой жизни» Дасти, охваченный состоянием, напоминавшим печаль, направился домой, чтобы сменить свою промокшую рабочую одежду на сухое гражданское платье. Когда он вошел из гаража в кухню, его со всем собачьим энтузиазмом приветствовал Валет. Собака не просто размахивала хвостом, а виляла всей задней половиной туловища. От одного только вида ретривера тьма, владевшая душой Дасти, начала рассеиваться.

Он присел на корточки, ткнулся носом в холодный собачий нос, ласково почесал за бархатистыми ушами, медленно провел пальцами, как расческой, по густому воротнику на шее, по загривку, нежно поскреб под челюстью и зарыл руку в густой зимний мех на груди.

И Валет и он одинаково наслаждались происходившим. Ласкать, почесывать и обнимать собаку – все это приносило мыслям и сердцу столько же покоя, сколько и медитация, и было почти столь же благотворно для души, как молитва.

Когда Дасти включил кофеварку и принялся ложкой накладывать отличную смесь из колумбийских сортов кофе в фильтр, Валет перекатился на спину, задрал все четыре ноги вверх и подставляя живот, чтобы хозяин почесал его.

– Ты ласковый поросенок, – заявил Дасти. Хвост Валета со свистом заметался по кафельному полу. – Мне нужно мое меховое успокоительное, то есть ты, – признал Дасти, – но в данный момент кофе нужнее. И не обижайся.

Его сердце, казалось, перекачивало фреон вместо крови. Холод засел глубоко в плоти и костях; даже глубже. Включенный на полную мощность обогреватель в фургоне не мог согреть его, и поэтому Дасти надеялся на кофе.

Когда Валет понял, что живот ему сейчас не почешут, он поднялся на ноги и прошел через кухню к маленькой ванной. Дверь была приоткрыта, и пес просунул морду в шестидюймовую щель и, фыркая, принялся принюхиваться к темноте.

– У тебя стоит в углу прекрасная миска с замечательной свежей водой, – попенял ему Дасти. – Зачем тебе пить из унитаза?

Валет оглянулся на голос и вновь сосредоточился на темной ванной.

Кофе закапал в стеклянный кофейник, и кухня наполнилась прекрасным ароматом.

Дасти поднялся наверх и переоделся в джинсы, белую рубашку и темно-голубой шерстяной свитер.

Обычно, когда только они были в доме вдвоем, собака повсюду ходила за ним, рассчитывая на новую порцию ласки, короткую игру или просто ласковое слово. Но на этот раз Валет остался внизу. И когда Дасти возвратился в кухню, ретривер все так же стоял, просушив нос в дверь ванной. Он подошел к хозяину, внимательно проследил, как тот наливал в чашку дымящийся напиток, и вновь вернулся на свою позицию.

Кофе был крепким, густым и очень горячим, но тепло, которое он давал, было поверхностным. Лед, затаившийся в костях Дасти, так и не начал от него таять. Наоборот, когда Дасти, опершись на стол, смотрел на Валета, неустанно принюхивавшегося к щели между дверью ванной и косяком, он ощутил новую волну холода.

– Тебе что-то не нравится там, пушистый хвост?

Валет посмотрел на хозяина и заскулил.

Дасти налил себе вторую чашку кофе, но, перед тем как выпить, подошел к двери в ванную, отодвинул коленом Валета в сторону, толкнул дверь внутрь и включил свет.

Несколько использованных салфеток «Клинекс», место которых было в бронзовой плошке, лежали в раковине. А сама плошка валялась на боку поверх закрытой крышки унитаза.

Кто-то, похоже, воспользовался плоской, чтобы разбить зеркало, укрепленное на дверце аптечки. На полу ванной, как замершие молнии, вспыхивали острые осколки.

Глава 13

Когда Марти отправилась в ресторан, чтобы купить там на вынос му-гу-гай-пан, говядину по-сычуаньски, сладкий горошек, брокколи, рис и упаковку с шестью бутылками «Циндао» со льда, она оставила Сьюзен в автомобиле с включенным мотором и радиоприемником, настроенным на станцию, передающую классический рок. Она уже позвонила в ресторан по сотовому телефону с дороги, и к ее приходу все было готово. Поскольку на улице шел дождь, картонные коробки с едой и пивом были упакованы в два полиэтиленовых пакета.

Уже через несколько минут после того, как она вошла в ресторан, Марти услышала из-за закрытых дверей звук автомобильного радио. Приемник орал с такой силой, что она сразу распознала саксофон Гэри Ю. С. Бондса, с надрывом выводящий «Окончание школы».

Открыв дверь автомобиля, она вздрогнула. Динамики надрывались так, что несколько монеток, лежавших в ячейке на «торпеде», подскакивали со звоном.

Оставаясь одна в автомобиле, Сьюзен, хотя она, строго говоря, не находилась в открытом пространстве, все же пригибала голову как можно ниже и отводила глаза от окон. И все равно ее чрезвычайно угнетало ощущение огромного мира за стенками машины. Порой ей помогала громкая музыка; она отвлекала, не давая страхам полностью завладеть ее существом.

Степень серьезности приступа страха можно было измерить тем, насколько громкая музыка требовалась для того, чтобы помочь ей. В данном случае Марти мрачно отметила про себя, что радио было включено на предельную громкость, и решительно убавила звук.

Напористый ритм, энергичная мелодия «Школы» полностью заглушали звуки шторма. И теперь звуки ливня – барабанный бой, скрежет маракасов и шепот цимбал – снова окружили их. Сьюзен не подняла глаз, не сказала ни слова. Она сидела, дрожа, и неровно, тяжело дышала.

Марти тоже не стала ничего говорить. Иногда Сьюзен нужно было убеждать, льстить ей, давать советы, а иногда даже издеваться, для того чтобы заставить ее выйти из подавленности. А в иных случаях, таких, как этот, лучший способ помочь ей миновать пик панического ужаса и вернуться на относительно нормальную стезю состоял в том, чтобы ничем не упоминать о ее состоянии – разговор на эту тему, скорее всего, привел бы к дальнейшему нарастанию болезненного страха.

Уложив на заднее сиденье обе коробки, Марти сказала:

– Я взяла палочки для еды.

– Спасибо, я предпочитаю вилку.

– Китайские блюда теряют свой китайский вкус, когда их едят вилками.

– И коровье молоко тоже на вкус становится не совсем настоящим молоком, когда его не пьешь прямо из вымени.

– Наверно, ты права, – согласилась Марти.

– И потому я пойду в разумных пределах на искажение аутентичного вкуса. Я не считаю себя филистером, пока мое филистерство проявляется в пользовании вилкой.

К тому времени, когда они остановились около дома на полуострове Бальбоа, Сьюзен уже могла в какой-то степени владеть собой и поэтому смогла преодолеть восхождение от автомобиля до своей квартиры на третьем этаже. Однако при этом она всем телом висла на руке Марти, и подъем по лестнице оказался очень тяжелым.

Оказавшись в своем жилище, где все шторы и занавески были плотно закрыты, Сьюзен почувствовала себя в безопасности. Она опять выпрямилась, расправила плечи и вздернула

голову. Лицо больше не перекашивалось от напряжения, и хотя в зеленых глазах оставалось постоянное беспокойство, в них больше не было того дикого ужаса.

– Я разогрею добычу в микроволновке, – предложила Сьюзен, – если ты пока накроешь на стол.

Когда Марти в столовой вознамерилась положить вилку около тарелки Сьюзен, ее руку охватила неудержимая дрожь. Зубцы из нержавеющей стали застучали по фарфору.

Она отбросила вилку на салфетку и посмотрела на нее с подозрением и страхом, который быстро перерос в настолько сильное отвращение, что она отступила от стола. Зубцы злобно искали цель. Она никогда прежде не понимала, насколько простая вилка могла бы стать опасной, попав в дурные руки. Ею можно было выколоть глаз. Изуродовать лицо. Воткнуть ее кому-нибудь в шею, подцепить сонную артерию и вытащить ее наружу, словно наматываешь спагетти. Можно...

Почувствовав настоятельную необходимость ради собственной безопасности хоть чем-нибудь занять руки, Марти выдвинула один из ящиков серванта, нащупала там колоду в шестьдесят четыре карты, предназначенную для игры в пинакл вдвоем, и извлекла карты наружу. Стоя за обеденным столом как можно дальше от вилки, она принялась тасовать колоду. Сначала она несколько раз ошиблась, рассыпая карты по столу, но затем координация стала лучше. Но она ведь не могла вечно тасовать карты. Найти занятие. Ради безопасности. До тех пор, пока это странное настроение не пройдет. Пытаясь скрыть свое волнение, она вошла в кухню, где Сьюзен дожидалась сигнала таймера микроволновой печи. Марти вынула из холодильника две бутылки «Циндао». Помещение заполняли сложные ароматы китайской кухни.

– Тебе не кажется, что, если я останусь в этой одежде, то от меня будет пахнуть, как от настоящего повара-китайца? – спросила Сьюзен.

– Что?

– А может быть, раз уж я источаю такой запах, мне лучше надеть чеонгсам¹³?

– Хо-хо! – откликнулась Марти. Она ощущала себя слишком не в своей тарелке для того, чтобы выдумать остроумный ответ.

Она собралась было поставить бутылки с пивом на разделочную доску возле раковины, чтобы открыть их, но там все так же лежал меццалуна, злобно сверкая изогнутым в виде полумесяца лезвием. При виде ножа сердце Марти забилося с такой силой, что она почувствовала боль.

Поэтому она отошла к маленькому кухонному столику и поставила бутылки туда. Вынула из шкафа два стакана и поставила их около пива. Найти занятие.

Потом она перерыла весь ящик, наполненный мелкими кухонными принадлежностями, и наконец нашла открывалку, выудила ее из кучи вещичек и возвратилась к столу.

Открывалка была закруглена с одного конца, предназначенного для бутылок. Другой конец был острым и изогнутым – для банок.

Не успела она преодолеть расстояние в несколько шагов, отделявшее шкаф от столика, как ей показалось, что открывалка была столь же убийственным инструментом, как вилка, как меццалуна. Она быстро положила ее рядом с «Циндао», не дожидаясь, пока инструмент или выпадет из ее дрожащей руки, или она сама в ужасе бросит его на пол.

– Ты не откроешь пиво? – спросила она, торопясь выйти из кухни прежде, чем Сьюзен могла бы увидеть ее обеспокоенное лицо. – Мне нужно «повидаться с Джоном».

Проходя через столовую, она смотрела в сторону от стола, на котором зубцами вверх лежала вилка.

¹³ Чеонгсам – облегающая женская одежда в восточном стиле, длиной до колен с широким воротом и разрезной юбкой.

В коридоре, куда она попала из гостиной, она отвела глаза от зеркальных дверей платяного шкафа.

Ванная. Еще одно зеркало.

Марти чуть не отступила назад в коридор. Она не могла придумать никакого другого места, где могла бы в одиночестве собраться с мыслями. К тому же ей страшно не хотелось, чтобы Сьюзен видела ее в таком состоянии.

Собрав все силы, она взглянула в зеркало и не увидела там ничего, чего можно было бы опасаться. Взмолванное выражение лица и глаз действительно было заметно, хотя и оказалось не столь очевидным, как она ожидала.

Марти быстро закрыла дверь, опустила крышку унитаза и села. И когда после этого она несколько раз жадно глотнула сырой воздух, то поняла, что уже давно сдерживала дыхание.

Глава 14

Увидев в ванной разбитое зеркало, Дасти прежде всего подумал, что в дом забрался хулиган или грабитель.

Но, судя по поведению Валета, этого не могло быть. Он не проявлял никакой настороженности, шерсть на загривке не щетинилась. Действительно, когда Дасти вошел в дом, собака была в отличном игривом настроении.

С другой стороны, Валет был не серьезным сторожевым псом, а четвероногим воплощением любви. Если бы он почувствовал симпатию к незваному гостю – а он чувствовал симпатию к самое меньшее девяноста процентам всех попадавшихся ему людей, – то ходил бы за парнем по дому, облизывая его загребушие руки, пока те складывали бы семейные драгоценности в мешки.

Дасти отправился в обход, и Валет на сей раз пошел вместе с ним. Они обыскивали комнату за комнатой, шкаф за шкафом; сначала на первом этаже, а потом на втором. Нигде не было никаких других признаков вандализма, ничего не пропало, и, конечно, им никто не попался.

Дасти строго приказал послушному Валету сидеть в дальнем углу кухни, чтобы, не дай бог, не поранить лап стеклом, а сам принялся наводить порядок в ванной.

Возможно, Марти сможет объяснить, что случилось с зеркалом, когда Дасти позже увидится с нею. Это могла быть какая-то случайность, произошедшая как раз в ту минуту, когда она должна была выходить, чтобы вовремя успеть к Сьюзен. В противном случае можно было подумать лишь на какое-нибудь злобное привидение, прибывшее в дом вместе с ними.

У них было бы о чем поговорить за обедом: не до конца удавшееся самоубийство Скита, поездка вместе со Сьюзен, полтергейст...

* * *

Прodelывая дыхательные упражнения в ванной Сьюзен, Марти решила, что причиной всех волнений было перенапряжение. Да, судя по всему, именно так все и объяснялось.

Разработка новой игры по мотивам «Властилина Колец» была самой важной и трудной из всех работ, которыми ей когда-либо прежде приходилось заниматься. И она шла на фоне все более четко вырисовывающихся крайних сроков, которые оказывали сильное воздействие на Марти, возможно, даже более сильное, чем она осознавала до сих пор.

Ее мать, Сабрина, со своей нескончаемой неприязнью к Дасти. И это было одним из постоянных источников напряжения уже в течение длительного времени.

А в прошлом году ей пришлось наблюдать за тем, как ее любимый отец угасал под натиском рака. Последние три месяца его жизни представляли собой непрестанное, ужасающее ухудшение. Он переносил свое состояние, не изменяя той общеизвестной хорошей mine, которую сохранял при любой игре, отказываясь признавать у себя хоть какие-нибудь боли и не позволяя усомниться в своем прекрасном самочувствии. Его мягкому смеху и неизменному обаянию не удалось в те, последние дни обмануть ее, как это бывало прежде. Теперь его постоянные улыбки ранили ее в самое сердце каждый раз, когда она их видела. И, хотя от этих ран она не потеряла ни капли крови, из них все же вытекла часть унаследованного от отца оптимизма, и утраченное все еще не восстановилось.

Ну, и Сьюзен, конечно, порождала совсем не шуточное напряжение. Любовь – это священное одеяние, сотканное из настолько тонкой ткани, что глаз не в состоянии рассмотреть ее, но при этом настолько прочной, что даже могущественная смерть не в силах ее разорвать,

одеяние, не изнашивающееся со временем, несущее тепло в мир, который стал бы без него невыносимо холодным, – но порой любовь может оказаться столь же тяжелой, как стальная кольчуга. И умение снести бремя любви в тех случаях, когда оно представляет собою непреодолимую тяжесть, делает еще более драгоценными те мгновения, когда любовь, как ветер, вздымает руки человека, словно крылья, и отправляет его в полет. Несмотря на то что эти прогулки два раза в неделю давались ей невероятно тяжело, Марти была не в состоянии покинуть Сьюзен Джэггер, как не могла отвернуться от умирающего отца, от своей матери с ее невыносимым характером или от Дасти.

Сейчас она отправится в столовую и будет есть китайские блюда, выпьет бутылку пива, поиграет в пинакль и не подаст виду, что она исполнена странных предчувствий.

Когда она доберется до дома, то позвонит доктору Клостерману, своему терапевту, и договорится с ним о встрече для медицинского осмотра на тот случай, если ее диагноз – стресс – окажется неверным. Она ощущала себя физически здоровой, но именно так же казалось и Улыбчивому Бобу как раз перед внезапным началом странных легких болей, оказавшихся признаком смертельной болезни.

Ошеломленная внутренним звучанием своих мыслей, она тем не менее продолжала подозревать тот необыкновенно кислый грейпфрутовый сок, который выпила утром. В последнее время она, как правило, пила по утрам именно его, а не апельсиновый сок, так как в грейпфрутовом меньше калорий. Не мог ли этим объясняться также и ее сон, Человек-из-Листьев, мятущаяся фигура, сложившаяся из мертвых гниющих листьев. Может быть, стоило бы дать немного сока доктору Клостерману, чтобы он проверил его?

Наконец Марти вымыла руки и, преодолев внутреннее сопротивление, вновь посмотрелась в зеркало. Она подумала, что на вид, похоже, кажется нормальной. Но независимо от того, что она видела, она *ощущала* себя безнадежным психом.

* * *

После того как Дасти закончил подметать осколки разбитого зеркала, он похвалил Валета за то, что тот был таким хорошим мальчиком и не лез под ноги, дав ему несколько кусочков жареной цыплячьей грудки, оставшейся от вчерашнего обеда. Ретривер брал каждый кусочек мяса с руки хозяина с деликатностью, не уступавшей движениям колибри, потягивающей нектар из чашечки цветка, а когда все кончилось, он уставился на Дасти с обожанием, которое вряд ли могло быть меньше, чем та любовь, с которой ангелы взирают на бога.

– Да, и ты тоже ангел, – сказал Дасти, почесывая Валета под челюстью, – мохнатый ангел. И с такими ушами, что тебе не нужны крылья.

Он решил взять собаку с собой, когда поедет на квартиру Скита, а потом в «Новую жизнь». Хотя, осматривая дом, они и не нашли никого, Дасти было неприятно оставлять здесь пса одного до тех пор, пока он не разберется, что случилось с зеркалом.

– Дружище, если я все время думаю о твоей безопасности, – сказал он Валету, – то можешь вообразить, насколько невозможным я стану с детьми?

Пес усмехнулся, словно ему понравилась мысль насчет детей. И, как будто поняв, что ему предстоит поездка в автомобиле, подошел к двери из кухни в гараж и остановился там, терпеливо разгоняя воздух своим пушистым хвостом.

Когда Дасти натягивал на себя нейлоновую куртку с капюшоном, раздался телефонный звонок. Он снял трубку, а положив ее через несколько секунд, объяснил собаке, будто той было необычайно важно знать, кто звонил:

– Попытались всучить мне подписку на «Лос-Анджелес таймс».

Валет уже не стоял перед дверью в гараж. Он лежал перед нею, наполовину погрузившись в дремоту, словно Дасти разговаривал по телефону десять минут, а не тридцать секунд.

– Тебя подкосила белковая пища, мое золотко. Давай-ка потратим немного энергии. Валет поднялся с долгим вздохом глубокого страдания.

В гараже, надевая на собаку ошейник и пристегивая к нему поводок, Дасти сказал:

– Последняя вещь, в которой я нуждаюсь, это ежедневная газета. Ты знаешь, чем полны газеты, золотко?

Валет ответил растерянным взглядом.

– Они полны всякой всячины, которую готовят творцы новостей. А знаешь, кто такие творцы новостей? Политические деятели, типы из средств информации, великие университетские интеллектуалы – люди, которые слишком много думают о себе, да и вообще слишком много думают. Такие люди, как доктор Тревор Пенн Родс, мой старик. И такие люди, как доктор Холден Колфилд, старик Скита. – Собака чихнула. – Точно, – закончил Дасти.

Он и не ожидал, что Валет поедет в фургоне, среди малярных инструментов и материалов. Конечно же, четвероногий попутчик вспрыгнул на переднее сиденье: он во время поездок любил смотреть в окно. Дасти пристегнул собаку ремнем безопасности, а пассажир успел благодарно лизнуть хозяина в лицо, прежде чем тот закрыл пассажирскую дверь.

Усевшись за руль, он запустил двигатель и выехал из гаража под дождь, продолжая разговаривать с собакой:

– Творцы новостей считают, что спасают мир, а вместо этого сворачивают ему шею. Ты знаешь, золотко, к чему сводятся все их глубокие размышления? Они сводятся к тому же самому, что мы собираем в синие мешочки, когда гуляем с тобой.

Пес усмехнулся в ответ.

Нажав кнопку дистанционного управления, закрывающую дверь гаража, Дасти мимолетно удивился, почему он не сказал все распространителю газеты, который только что позвонил ему. Непрерывное внимание со стороны распространителей «Таймс» было одним из серьезных недостатков жизни в южной Калифорнии, стоявших в одном ряду с землетрясениями, лесными пожарами и непролазной грязью во время дождей. Если бы он продекламировал этот напыщенный монолог женщине – или это был мужчина? – навязывавшей ему «Таймс», то, возможно, его имя вычеркнули бы наконец из списка потенциальных подписчиков.

Выбираясь задним ходом с подъездной дорожки на улицу, Дасти вдруг неожиданно для себя осознал, что действительно не может вспомнить, мужчиной или женщиной был распространитель «Таймс», звонивший ему. Никаких причин запоминать пол звонившего у него не было, к тому же он выслушал только несколько слов, понял, о чем идет речь, и повесил трубку.

Обычно он заканчивал беседу с представителями «Таймс» предложением, которое могло позабавить невидимого собеседника: «Ладно, я могу подписаться, только в обмен, услуга за услугу. Я выкрашу одно из ваших редакционных помещений, а вы дадите мне подписку на три года. Или же другой вариант: я подпишусь *пожизненно*, если ваша газета даст клятву никогда больше не говорить о звездах спорта как о героях».

На сей раз он не сделал такого предложения. С другой стороны, он не мог вспомнить, что он *сказал*, пусть даже это была какая-нибудь простейшая фраза вроде «не благодарю вас» или «перестаньте надоедать мне».

Странно. В его сознании царила пустота.

Очевидно, он был даже больше встревожен – и напуган – сегодняшним происшествием со Скитом, чем отдавал себе отчет.

Глава 15

Кушанья, которые они привезли из китайского ресторана, были, без сомнения, восхитительными, как и сказала Сьюзен. Марти тоже издала восхищенный возглас, но на самом деле пища показалась ей сегодня безвкусной, а «Циндао» – горьким.

И пища и пиво были в порядке. Неуправляемое беспокойство Марти хотя и отступило, все же лишало ее возможности получать удовольствие от чего-либо.

Она ела палочками и поначалу опасалась, что даже вид того, как Сьюзен пользуется вилок, вызовет у нее очередной приступ паники. Но вид злобных зубцов не встревожил ее, как это было недавно. Она совершенно не опасалась вилки самой по себе, нет, она боялась того ущерба, который вилка могла бы причинить, оказавшись в ее собственной руке. В руках Сьюзен она воспринималась как простой безопасный элемент столового прибора.

Предчувствие того, что она, Марти, собственной персоной попала во власть некоей темной силы, грозящей заставить ее совершить какой-то отвратительный акт насилия, было настолько болезненным, что она запретила своим мыслям останавливаться на нем. Это было наиболее невероятное опасение, так как она была уверена, что и в ее памяти, и в сердце, и в душе никогда не было никаких признаков дикости. И все же она не доверяла себе, когда в руках у нее была открывалка для бутылок...

Исходя из того, насколько нервным было ее состояние и сколько сил она прилагала, чтобы не дать Сьюзен это заметить, она должна была проиграть в пинакль даже больше, чем обычно. Но вместо этого карты подбодрили ее, и она играла просто мастерски, полностью используя возможности каждого расклада. Вероятно, дело было в том, что игра помогла ей отвлечься от болезненных раздумий.

– Ты сегодня прямо чемпионка, – похвалила Сьюзен.

– Я надела свои счастливые носки.

– Твой долг стал меньше – уже не шестьсот тысяч, а пятьсот девяносто восемь.

– Заметно меньше. Может быть, теперь Дасти будет спокойно спать по ночам.

– Как дела у Дасти?

– Даже лучше, чем у Валета.

– Мужчина, который достался тебе, даже лучше, чем золотистый ретривер, – вздохнула Сьюзен, – а я вышла замуж за эгоистичную свинью.

– Раньше ты защищала Эрика.

– Он свинья.

– Это я так говорю.

– И я благодарна тебе за это.

Ветер снаружи завывал по-волчьи, скребся в окна, жалобно повизгивал в выступлениях карнизов.

– А с чего вдруг твое мнение так изменилось? – спросила Марти.

– Причины моей агорафобии могут крыться в накопившихся за несколько лет наших с Эриком проблемах, которые я всегда отрицала.

– Это тебе сказал доктор Ариман?

– Он не подталкивал меня прямо к таким мыслям. Он просто указал мне, как найти возможность... выразить их.

Марти зашла с дамы трэф.

– Ты никогда не говорила о том, что у вас с Эриком были проблемы. Такие, что он не в состоянии был их перенести.

– Но я полагаю, что они у нас были.

Марти нахмурилась.

– Ты *полагаешь*?

– Ну, что ж, это совсем не предположение. У нас была проблема.

– Пинакль! – объявила Марти, забирая очередную взятку. – И какая это была проблема?

– Женщина.

Марти была поражена. Даже настоящие сестры не могли быть ближе, чем они со Сьюзен. Хотя у них обеих было слишком много чувства собственного достоинства для того, чтобы верить друг дружке интимные подробности своей половой жизни, но они никогда не имели между собой серьезных секретов. И все же она ни разу не слышала от подруги о какой-нибудь женщине.

– Этот подонок обманывал тебя? – спросила Марти.

– После внезапного открытия такого рода чувствуешь себя настолько уязвимой. – Сьюзен произнесла эту фразу без всякой эмоциональной окраски, будто цитировала учебник по психологии. – И вот это и явилось причиной агорафобии.

– Ты никогда даже не намекала на это.

Сьюзен пожала плечами.

– Наверно, мне было слишком стыдно.

– Стыдно? Но чего было *тебе* стыдиться?

– О, я не знаю... – На лице Сьюзен появилось озадаченное выражение. – Но почему я должна была стыдиться этого? – продолжила она после недолгой паузы.

Марти, к ее несказанному удивлению, показалось, что Сьюзен задумалась надо всем этим впервые, только что, прямо здесь.

– Ну... Я думаю... Может быть, потому... Потому, что была нехороша, недостаточно хороша для него в постели.

Марти вытаращила на нее глаза.

– С кем это я говорю? Суз, ты прекрасна, ты эротична, у тебя здоровые сексуальные инстинкты...

– А может быть, я была при этом для него недостаточно эмоциональна, недостаточно доброжелательно относилась к нему?

– Я не верю своим ушам! – возмутилась Марти, отложив карты, не добирая оставшиеся взятки.

– Я же не идеальна, Марти. Далеко не идеальна. – Горе, тихое, но тяжелое и серое, как свинец, перехватило ей горло, и голос прозвучал тонко и сдавленно. Она опустила глаза, словно в замешательстве. – Так или иначе, но у меня с ним вышла какая-то большая промашка.

Ее сокрушенное раскаяние показалось Марти совершенно неуместным, а слова просто возмутили.

– Ты отдаешь ему все – свое тело, свои мысли, свое сердце, свою жизнь, – отдаешь все это без остатка, в присутствии Сьюзен Джэггер страстном стиле – все или ничего. И после этого он обманывает тебя, а ты обвиняешь *себя*?

Сьюзен, нахмурившись, крутила в тонких руках пустую пивную бутылку, разглядывая ее со всех сторон, словно это был талисман, который мог бы, если его вертеть достаточно долго, позволить высказать и понять все до конца.

– Похоже, Марти, что ты только что дотронулась до того самого места, – сказала она наконец. – Возможно, стиль, присущий Сьюзен Джэггер, просто... душил его.

– Душил? Постой, постой!..

– Нет, может быть, так и получилось. Может быть...

– Ну и что из того, что «может быть, может быть»? – прервала ее Марти. – Почему ты все время придумываешь оправдание за оправданием для этой свиньи? А чем *он* оправдывался?

Тяжелые капли дождя играли немелодичную музыку на оконных стеклах, а издалека долетали зловещие ритмичные удары штормового прибоя, обрушивавшегося на берег.

– Так чем *он* оправдывался? – настаивала Марти.

Сьюзен перевернула бутылку медленнее, потом еще медленнее, потом бутылка вовсе замерла в ее руках. Ее лицо нахмурилось, выказывая очевидное замешательство.

– Сьюзен? Чем он все-таки оправдывался? – негромко, но твердо повторила Марти.

Отставив бутылку в сторону, Сьюзен, как примерная ученица, положила руки на стол и, пристально разглядывая их, сказала:

– Чем он оправдывался? Ну... Я не знаю.

– Мы все еще летим вниз по кроличьей норе и сидим за безумным чаепитием, – сердито заявила Марти. – Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что не знаешь? Милая моя, ты поймала его с поличным и не хочешь узнать, *в чем дело?*

Сьюзен тревожно заерзала на стуле.

– Мы, в общем-то, почти не говорили об этом.

– Ты серьезно? Подружка, это не ты. Ты вообще не тряпка.

Сьюзен говорила медленнее, чем обычно, таким тонким голосом, будто только что проснулась и не успела прийти в себя:

– Ну, знаешь, мы немного касались этого, и это могло оказаться причиной моей агорафобии, но мы не затрагивали грязных деталей.

Беседа становилась настолько странной, что Марти ощутила в ней потаенную и опасную правду, неуловимое озарение, которое может разом объяснить проблемы этой безумно встревоженной женщины, если, конечно, она окажется в состоянии сделать нужный шаг.

Слова Сьюзен были одновременно и возмущенными, и уклончивыми. И эта уклончивость настораживала.

– Как звали эту женщину? – спросила Марти.

– Я не знаю.

– Помилуй бог! Эрик не сказал тебе?

Сьюзен наконец подняла голову. Но ее глаза смотрели не на Марти; она будто видела кого-то иного в другом месте и другом времени.

– Эрик?

Сьюзен произнесла это с таким надрывом, что Марти обернулась и взглянула назад, как будто ожидая увидеть там бесшумно вошедшего Эрика. Но его там не оказалось.

– Да, Суз, вспомни старину Эрика. Твой муженек. Ходок. Свинья.

– Я не...

– Что?

Теперь голос Сьюзен сменился чуть слышным шепотом, а с ее лица пугающим образом исчезло всякое выражение, оно сейчас казалось совершенно неодушевленным, как у куклы.

– Я узнала об этом не от Эрика.

– Тогда кто же тебе все рассказал?

Молчание.

Ветер немного утих и больше не ревел. Но его холодный шепот и хитрое бормотание сильнее действовали на нервы, чем его голос, завывающий во всю мочь.

– Суз! Кто тебе сказал, что Эрик шастает налево?

Прекрасная кожа Сьюзен больше не напоминала цветом персики и сливки; она стала такой же прозрачной и бледной, как снятое молоко. Из-под линии волос на лоб выползла капля пота.

Перегнувшись через стол, Марти подняла ладонь перед лицом подруги.

Но Сьюзен, очевидно, не заметила этого. Она смотрела куда-то сквозь руку.

– Кто? – продолжала мягко настаивать Марти.

Внезапно кожу над бровями Сьюзен усеяли многочисленные бусинки пота. Ее руки все так же были сложены на столе, но теперь они отчаянно стискивали одна другую, кожа на костяшках пальцев побелела от напряжения, ногти правой руки с силой врезались в левую.

Марти почувствовала, как на шее у нее зашевелились призрачные мурашки и поползли вниз вдоль позвоночника.

– Кто сказал тебе, что Эрик к кому-то ходит?

Все так же глядя куда-то в пространство, Сьюзен попыталась ответить, но не смогла выдать из себя ни слова. Ее губы перекозились и задрожали, словно она вот-вот расплачется.

Казалось, что чья-то призрачная рука затыкала ей рот. Ощущение чужого присутствия в комнате было настолько сильным, что Марти хотелось еще раз повернуться и взглянуть назад. Но там никого не могло быть.

Она все так же держала руку перед лицом подруги, и та вдруг обхватила ладонью ее пальцы.

Потом Сьюзен вздрогнула и несколько раз моргнула. Перевела взгляд на карты, которые Марти отодвинула в сторону, и – поразительно – улыбнулась.

– Хорошо ты отхлестала меня по заднице. Хочешь еще пива?

За какой-то момент ее поведение совершенно переменилось.

– Ты не ответила на мой вопрос, – напомнила Марти.

– Какой вопрос?

– Кто сказал тебе о том, что Эрик принялся гулять.

– О Марти, это так скучно.

– Мне это вовсе не кажется скучным. Ты...

– Я не буду обсуждать это, – ответила Сьюзен. В ее голосе явственно ощущалось беззаботное облегчение, хотя казалось, что моменту больше соответствовали бы гнев или смущение. Она помахала рукой в воздухе, будто отгоняла надоедливую муху. – Извини, что я об этом заговорила.

– Боже мой, Суз. Нельзя же бросить такую бомбу, а потом просто...

– У меня прекрасное настроение, и я не хочу его портить. Давай болтать какой-нибудь вздор, сплетничать, нести похабщину. – Она совсем по-девчоночьи вскочила со стула и направилась в кухню, спросив с порога: – Так что ты решила насчет пива?

Это был один из тех дней, когда оставаться трезвым совсем не хочется, но Марти все же отказалась от второй бутылки «Циндао».

В кухне Сьюзен в классическом стиле Патти Ла Белла запела «Иное отношение». У нее был прекрасный голос, и пела она жизнерадостно и уверенно, особенно когда дошла до слов: «Собою я владею, печали я не знаю».

Если бы даже Марти ничего не знала о Сьюзен Джэггер, то все равно была бы уверена, что так или иначе уловит нотки деланости в этом явно веселом пении. Когда она думала о том, как Сьюзен выглядела всего лишь несколько минут тому назад, – о том напоминавшем транс состоянии, о внезапной немоте, о бледной, как посмертная маска, коже, о каплях пота, покрывавших лоб, о глазах, вглядывавшихся в какое-то отдаленное время или место, о руках, до боли впившихся одна в другую, – этот резкий переход от ступора к безудержному веселью казался ей жутким.

В кухне Сьюзен пела: «Мне хорошо от головы до пят».

С пятками, судя по всему, все было в порядке. Но с головой...

Глава 16

Попадая в квартиру Скита, Дасти всякий раз удивлялся. Три маленькие комнаты и ванная пребывали в идеальном порядке, все было очень чисто. Ведь Скит и в физическом, и в психологическом отношении был такой развалиной, что Дасти был подсознательно готов найти в его жилище полный хаос.

Пока хозяин упаковывал одежду и туалетные принадлежности в две сумки, Валет проводил обследование помещений. Он изучал полы и мебель, с наслаждением принимаясь к острым ароматам воска, полировочных и чистящих средств, которые были совсем не теми, что использовались в доме Родсов.

Покончив с вещами, Дасти проверил содержимое холодильника, который, казалось, принадлежал больному анорексией¹⁴. Единственный пакет молока уже пережил три дня сверх отпечатанной на картоне даты пригодности к использованию, и Дасти вылил его содержимое в раковину. Половину батона белого хлеба он скормил мусоропроводу; туда же последовала и болонская колбаса – кусок был покрыт пятнами, и, судя по его внешнему виду, следовало ожидать, что он вскоре обрастет шерстью и зарычит. Кроме этого, в холодильнике находились различные приправы и жестянки с пивом и газировками. Все это должно было в целости и сохранности дожидаться возвращения Скита.

Единственный беспорядок в квартире Дасти обнаружил на кухонном столике, рядом с телефоном: там валялись смятые листочки, вырванные из блокнота. Собрав их, он увидел, что на каждом клочке бумаги было написано одно и то же имя; на некоторых листках по одному разу, но чаще по три или четыре. На четырнадцати листах бумаги тридцать девять раз встречалось одно и только одно имя – «д-р Ен Ло». Но ни на одном из этих четырнадцати листков не оказалось ни телефонного номера, ни каких-либо дополнительных сведений.

Судя по почерку, писал определенно Скит. Несколько записей было сделано легко и аккуратно. На других казалось, что рука Скита утратила твердость; кроме того, он с такой силой нажимал на ручку, что все семь букв глубоко впечатались в бумагу. Что интересно, на почти половине листков это имя – д-р Ен Ло – было написано с таким бросающимся в глаза эмоциональным напряжением и, возможно, внутренней борьбой, что во многих местах ручка протыкала бумагу.

Рядом лежала и дешевая шариковая ручка. Прозрачная пластмассовая палочка была сломана пополам. Гибкий стержень с пастой, торчавший наружу, был согнут посередине.

Дасти, нахмурившись, сгреб части ручки в маленькую кучку.

Он затратил еще минуту на сортировку этих четырнадцати листков. Самый аккуратный образец почерка он положил сверху, а самый неприглядный – внизу, а между ними разместил остальные двенадцать, разложив их по самому очевидному признаку: в них было совершенно явно заметно последовательное ухудшение почерка. На нижнем листочке имя было написано только один раз, и притом не полностью – «д-р Ен»; судя по всему, из-за того, что ручка сломалась в начале «н».

Стоило чуть задуматься, и становилось ясно, что Скит приходил во все более и более сильную ярость или же все глубже погружался в страдание, пока состояние не дошло до такой степени, что он свирепо нажал на ручку, и та сломалась. И скорее всего это было именно страдание, а не ярость.

Проблемы Скита не были связаны с приступами гнева. Как раз наоборот. Он от природы обладал мягким характером, и этот характер в течение многих лет подвергался непрерывному подавлению при помощи сладкого фармацевтического пудинга из наркотиков для

¹⁴ **Анорексия** – физическое или психическое расстройство, при котором больной испытывает отвращение к еде.

коррекции поведения, которыми его при восторженной поддержке дорогого папаши Скита, доктора Холдена Колфилда, то бишь Сэма Фарнера, кормили представители пугающе длинного ряда экспериментаторов-психологов, одержимых философией агрессивного воздействия на психику. За долгие годы этой непрерывной химчистки самоосознание ребенка вытравилось настолько, что в его эмоциях не осталось места для истинной ярости. На любой дурной поступок, который вызвал бы приступ гнева у обычного человека, Скит реагировал разве что пожатием плеч и чуть заметной улыбкой смирения. Горькое чувство неприятия, которое он испытывал к своему отцу, было, пожалуй, самым сильным из доступных ему проявлений возмущения. Оно позволило Скиту произвести свое исследование и выяснить правду насчет происхождения профессора, но все же не было достаточно сильным и стойким для того, чтобы придать ему силы заявить этому лживому ублюдку о своих открытиях.

Дасти тщательно сложил все четырнадцать листочков из блокнота, сунул их в карман джинсов и сгреб со стола обломки ручки. Она была недорогой, но неплохо сделанной. Цельная пластмассовая трубочка была твердой и крепкой. Чтобы сломать ее, как сухую веточку, нужно было приложить очень большое усилие.

Скит был не способен даже на жизненно необходимые проявления гнева, и было трудно представить, что же могло причинить ему такую душевную боль, из-за которой он так свирепо нажал на безобидную авторучку.

После недолгого колебания Дасти бросил сломанную ручку в мусорное ведро. Валет тут же засунул туда морду и, пофыркивая, принялся решать, не относится ли выброшенный предмет к категории съедобных.

Дасти выдвинул ящик и достал оттуда телефонный справочник «Желтые страницы». Поискал доктора Ена Ло в списке врачей, но не обнаружил.

Потом он просмотрел психиатров. Затем психологов. Напоследок терапевтов.

Безрезультатно.

Глава 17

Пока Сьюзен убирала доску для пинакля и табличку для подсчета очков, Марти мыла тарелки и коробки, в которых они принесли еду, стараясь при этом не глядеть на меццалуну, все так же лежавшую поблизости на разделочной доске. В кухню вошла Сьюзен с вилкой в руке.

– Ты забыла.

Но Марти уже вытирала руки, так что Сьюзен сама вымыла вилку и убрала ее.

Пока Сьюзен пила вторую порцию пива, Марти сидела с нею в гостиной. В качестве музыкального фона Сьюзен выбрала фортепьянные вариации Баха в исполнении Гленна Гулда.

В юности Сьюзен мечтала стать музыкантом симфонического оркестра. Она прекрасно играла на скрипке, правда, не на мировом уровне, не настолько великолепно, чтобы стать признанной солисткой и выступать с гастроями, но все же достаточно хорошо для того, чтобы наверняка осуществить свою более скромную мечту. Но так или иначе она вместо этого стала торговать недвижимостью.

А Марти почти до окончания школы хотела быть ветеринаром. Ну а теперь она разрабатывала компьютерные игры.

Жизнь предлагает бесконечное множество возможных дорог. Порой маршрут выбирает голова, порой сердце. А порой, к добру или к худу, ни голова, ни сердце не могут воспротивиться упрямому давлению судьбы.

Время от времени изящное серебристое стаккато, взлетающее из-под волшебных пальцев Гулда, напоминало Марти о том, что хотя ветер снаружи, за плотно зашторенными окнами, немного стих, но холодный дождь все так же сыплется с неба.

Квартира была настолько уютной и отъединенной от всего на свете, что Марти почувствовала соблазн поддаться опасно убаюкивающему ощущению того, что за этими несокрушимыми стенами не существует никакого мира.

Они со Сьюзен говорили о прошедших днях, о старых друзьях, но ни слова не сказали о будущем.

Сьюзен не была любительницей спиртного. Две бутылки пива были для нее настоящей попойкой. Как правило, выпив, она не становилась ни легкомысленной, ни придиричивой, но мило сентиментальной. На сей раз ее поведение стало тихим и торжественным.

Вскоре уже говорила одна Марти. Собственные слова, казалось ей, становились все глупее и глупее, и в конце концов она прекратила болтовню.

Их дружба была достаточно глубокой для того, чтобы им было легко находиться вместе и в молчании. Но сейчас в этом молчании ощущались какие-то таинственные и раздражающие признаки, возможно, потому, что Марти тайно искала в подруге намеки на появление того напоминавшего транс состояния, в которое та впадала совсем недавно.

Вдруг она почувствовала, что не может больше переносить музыку Баха, потому что ее пронзительная красота внезапно показалась угнетающей. Как ни странно, в фортепьянных аккордах ей открылось ощущение потери, одиночества и тихое отчаяние. И квартира сразу превратилась из уютной в душную, вместо ощущения покоя возникла клаустрофобия.

Когда Сьюзен взялась за пульт дистанционного управления, чтобы снова запустить тот же самый компакт-диск, Марти взглянула на часы и вдруг вспомнила о нескольких несуществующих делах, которые она должна была обязательно сделать до пяти часов.

В кухне, после того как Марти надела плащ, они со Сьюзен обнялись на прощание. На сей раз объятие было более крепким, чем обычно, как если бы они обе пытались передать

одна другой через это прикосновение какие-то чрезвычайно важные и глубоко затрагивающие чувства вещи, которые ни та, ни другая не могли выразить словами.

Когда Марти повернула ручку замка, Сьюзен отступила за дверь, которая должна была оградить ее от вида пугающего внешнего мира. Внезапно она сказала с оттенком глубокой муки в голосе, словно решила выдать ужасную тайну, которую хранила с таким трудом, она сказала:

– Он приходит сюда по ночам, когда я сплю.

Марти успела отворить дверь не больше чем на два дюйма, но, услышав эти слова, вновь закрыла ее, не снимая, правда, руки с замка.

– Что ты говоришь? Кто приходит по ночам, когда ты спишь?

Зелень глаз Сьюзен стала еще более ледяной, чем прежде; цвет становился ярче и прозрачнее под воздействием какого-то нового страха.

– Я хочу сказать – думаю, что это он. – Сьюзен уперлась взглядом в пол. На ее бледных щеках появился румянец. – У меня нет никаких доказательств, что это он, но кто еще это может быть, кроме Эрика?

– Так, значит, Эрик приходит сюда по ночам, когда ты спишь? – повторила Марти, отступив от двери.

– Он говорит, что не делает этого, но мне кажется, что он врет.

– У него есть ключ?

– Я не давала ему.

– И ведь ты же сменила замки.

– Да. Но он каким-то образом приходит.

– Через окна?

– По утрам... когда я замечаю, что он был здесь, я проверяю все окна, но они всегда заперты.

– Но откуда ты знаешь, что он бывает в доме? Я хотела сказать, что он здесь делает?

Вместо ответа Сьюзен пробормотала:

– Он приходит... крадется повсюду... крадется, все осматривает, будто какая-нибудь собака. – Она ощутимо содрогнулась всем телом.

Марти вовсе не испытывала к Эрику большой симпатии, но ей было очень трудно представить себе, как он ночью бесшумно карабкается по лестнице и проскальзывает через замочную скважину. С одной стороны, он не обладал достаточно развитым воображением для того, чтобы изобрести способ проникать в квартиру, не оставляя следов: он был советником по инвестициям с головой, полной чисел и фактов, но без малейшего вкуса к мистике. Кроме того, он знал, что у Сьюзен в тумбочке всегда лежал маленький пистолет, и он всегда испытывал глубочайшее отвращение к риску. Он был, вероятно, последним из людей, который пошел бы на то, чтобы попасть под выстрел, будучи принятым за грабителя, даже если бы в его мозгу и поселилось извращенное желание мучить свою жену.

– Ты замечаешь по утрам, что вещи стоят не на своих местах, – спросила Марти, – или еще какие-то следы?

Сьюзен не ответила.

– Ты никогда не замечала его присутствия в квартире? Никогда не просыпалась, когда он был здесь?

– Нет.

– Значит, по утрам появляются... улики?

– Улики, – эхом откликнулась Сьюзен, не добавив никаких подробностей к этому неопределенному выражению.

– Например, вещи передвинуты? Запах его одеколона? Еще что-нибудь этакое?

Все так же глядя в пол, Сьюзен покачала головой.

– Но что все-таки было на самом деле? – наступала Марти.

Ответа не последовало.

– Эй, Суз, ты не могла бы посмотреть на меня?

Когда Сьюзен подняла лицо, оно было покрыто ярким румянцем, как будто не от простого смущения, а от настоящего глубокого стыда.

– Суз, ты что-то недоговариваешь мне?

– Ничего. Я просто... наверно, это паранойя, мне кажется.

– У тебя *есть* что-то такое, о чем ты не говоришь. Почему ты вдруг начинаешь о чем-то говорить, а потом старательно скрываешь от меня?

Сьюзен обхватила себя руками, ее затрясло.

– Мне казалось, что я была готова говорить об этом, а оказалось, что нет. Я уже почти... вот-вот у меня в мыслях кое-что сложится.

– Эрик, рыскающий здесь в ночи, – это чертовски таинственная история. Просто жуткая. Что он мог тут делать? Разглядывать тебя, спящую?

– Попозже, Марти. Я должна еще немного подумать обо всем этом, набраться храбрости. Я потом позвоню тебе.

– Нет, сейчас.

– Но у тебя дела.

– Они совсем не важные.

Сьюзен нахмурилась.

– Минуту назад они казались довольно важными.

Марти просто не могла причинить боль Сьюзен, сознавшись в том, что она придумала себе дела как предлог для того, чтобы вырваться из этого тоскливого душного места на свежий воздух, под бодрящий холодный дождь.

– Если ты не позвонишь мне еще днем и не расскажешь все до последней мелочи, то я сегодня же вечером примчусь к тебе, усядусь рядом и буду страница за страницей читать тебе последний критический труд отца Дасти. Он называется «Смысл бессмысленности: хаос как структура», и не успеешь ты прослушать пары абзацев, как начнешь клясться, что по твоим мозгам ползают огненные муравьи. Или как насчет «Станьте своим лучшим другом»? Это самый последний опус его отчима. Попробуй-ка послушать эту вещь в звукозаписи, и тебе захочется отрезать себе уши. Они принадлежат к семейству пишущих дураков, а я могу всех их обрушить на тебя.

Сьюзен сказала со слабой, но естественной улыбкой:

– Я ужасно испугалась. Я обязательно позвоню тебе.

– Обещаешь?

– Торжественно клянусь.

Марти снова взялась за ручку, но все еще не открывала дверь.

– Послушай, Суз, ты уверена, что здесь действительно находишься в безопасности?

– Ну, конечно, – откликнулась Сьюзен, но Марти показалось, что она заметила отблеск неуверенности во встревоженных зеленых глазах.

– Но если он забирается...

– Эрик все еще мой муж, – успокоила ее Сьюзен.

– Ты лучше посмотри новости. Некоторые мужья творят ужасные вещи.

– Ты же знаешь Эрика. Может быть, он и свинья, но...

– Он точно свинья, – поправила Марти.

– ...но он не опасен.

– Он – баба.

– Совершенно верно.

Марти на секунду задумалась, а потом отворила дверь.

– Мы закончим обедать часов в восемь, может быть, немного раньше. А ляжем около одиннадцати, как обычно. Я буду ждать твоего звонка.

– Спасибо тебе, Марти.

– De nada¹⁵.

– Поцелуй Дасты от моего имени.

– Это будет сухое прикосновение к щеке. Все страстные влажные засосы исходят только от меня.

Марти накинула капюшон на голову, вышла на крыльцо и, потянув, закрыла за собой дверь.

Воздух был спокоен, словно весь ветер изошел из этого дня, выдавленный колоссальной тяжестью продолжавшегося дождя, который обрушивался с небес потоками железных шариков.

Она подождала, пока не услышала, что Сьюзен задвинула мощный засов прочного шлаговского замка, который мог бы выдержать серьезную атаку на дверь. После этого она быстро спустилась по длинной крутой лестнице.

Оказавшись внизу, она обернулась, подняла голову и вгляделась в балкон-крыльцо и дверь квартиры.

Сьюзен Джэггер казалась ей прекрасной принцессой из сказки, запертой в башне, которую штурмуют хищные тролли и зловредные духи, но в отличие от принцессы у нее нет храброго принца, который обязательно спасет ее.

Под грозный грохот разбивавшихся о близлежащий берег штормовых волн, который так гармонировал с серым днем, Марти торопливо прошла по приморской аллее и свернула в ближайшую улицу, где, как обычно, оставила свою машину. Водосточные желоба там были переполнены, и грязная вода плескалась вокруг шин ее красного «Сатурна».

Она надеялась, что Дасты, у которого в такую погоду все равно не должно быть работы, окажется дома, займется хозяйством и приготовит свои несравненные фрикадельки и пряный томатный соус. Ничего не могло оказать на нее более благотворного влияния, чем войти в дом и сразу же увидеть его, в кухонном переднике, со стаканом красного вина под рукой. Воздух, полный восхитительных ароматов... Стерео играет хорошую поп-музыку в стиле ретро, может быть, Дина Мартина. Улыбка Дасты, его объятие, его поцелуй. После этого странного дня ей очень требовался уют и покой ее дома и очага, который исходил от ее мужа.

Но едва Марти тронула автомобиль с места, в ее сознание ворвалось отвратительное видение, разом лишившее ее надежды на то, что этот день мог бы под конец все же принести ей хоть немного мира и спокойствия.

Это видение было более реальным, чем обычные мысленные представления, настолько детальным и четким, что казалось, будто все это происходит прямо здесь, прямо сейчас. Она исполнилась уверенности в том, что мчится навстречу ужасному происшествию, которое *произойдет* после того, как перед ней промелькнула картина мгновения из неизбежного будущего, в которое она погружалась так же неотвратимо, как если бы падала со скалы. Когда Марти привычным движением вставила ключ в замок зажигания, в ее голове возникло изображение глаза, проткнутого злым острием ключа, разодранного зазубренной бородкой; и этот ключ, пройдя через глазницу, погружался в мозг. И, когда она нажала на ключ и повернула его, чтобы запустить стартер, ключ в ее ярком провидении тоже повернулся в глазу.

Не сознавая того, что она делает, Марти открыла дверь. Придя в себя, она обнаружила, что стоит, опершись на бок автомобиля, а весь ее ленч находится у нее под ногами, на промывтой дождем мостовой.

¹⁵ Не за что (*исп.*).

Она долго простояла там, опустив голову. Капюшон плаща сдуло, и голова была не покрыта. Вскоре ее волосы промокли.

Когда она уверилась, что в желудке больше ничего не осталось, она просунула руку в салон автомобиля, вынула «Клинекс» из коробки и вытерла губы.

Она всегда держала в автомобиле небольшую бутылочку с водой. И теперь она пригodiлась для того, чтобы прополоскать рот.

Хотя ощущение тошноты не прошло до конца, Марти села в «Сатурн» и закрыла дверь.

К счастью, двигатель работал на холостом ходу. Ей не нужно было касаться ключа до тех пор, пока она не остановит машину в собственном гараже в Короне-дель-Мар.

Промокшая, замерзшая, несчастная, испуганная, растерянная, она больше всего на свете хотела оказаться в безопасности, в сухом и теплом доме, среди знакомых вещей.

Ее трясло так сильно, что она не могла вести машину. И только, просидев почти пятнадцать минут, она наконец отпустила ручной тормоз и тронула «Сатурн» с места.

Она отчаянно желала попасть домой, но очень боялась того, что может произойти, когда она окажется там. Нет. Говорить так значило лгать самой себе. Она боялась не того, что произойдет. Она боялась того, что она может сделать.

Глаз, который она видела в своем пророческом видении – если, конечно, оно было таким, – был не просто некий глаз. Он был весьма запоминающимся, серо-голубым, блестящим и красивым. Точь-в-точь таким, как глаза Дасти.

Глава 18

В клинике «Новая жизнь» были убеждены в том, что животные во многих случаях оказывают на психическое состояние людей благотворное влияние, и поэтому Валет встретил очень доброжелательный прием. Дасти остановил машину совсем рядом с портиком, украшавшим центральный вход в здание, и поэтому они добрались до дверей, не успев толком намокнуть, что вызвало сильное разочарование у собаки. Ведь Валет был ретривером, между пальцами у него помещались перепонки, он обладал врожденной любовью к воде и достаточным талантом пловца для того, чтобы выступать в олимпийской команде по синхронному плаванию.

В своей комнате на втором этаже Скит крепко спал на покрывале. Он был полностью одет, лишь ботинки стояли на полу.

Мрачный зимний день устался в комнату через окно, и в помещении собрались тени. Еще одним источником света была маленькая лампочка для чтения на батарее, прицепленная к книге, которую читал Том Вонг, дежурный санитар.

Ласково почесав Валета за ушами, Том решил использовать прибытие Дасти и устроить себе перерыв.

Дасти спокойно распаковал оба чемодана, убрал их содержимое в шкаф и занял пост в кресле. Валет устроился у него под ногами.

До заката оставалось еще два часа, но тени в углах становились все шире и темнее, так что Дасти включил ночник. Хотя Скит съежился в положении эмбриона, он не был похож на ребенка, а скорее напоминал мумифицировавшийся труп. Он был таким изможденным и худым, что одежда, казалось, была наброшена прямо на бесплотный скелет.

* * *

По дороге домой Марти вела машину с чрезвычайной осторожностью, и не только из-за плохой погоды, но и из-за своего состояния. Перспектива внезапного приступа тревожности на скорости в шестьдесят миль в час заставляла сдерживать стремление как можно скорее оказаться дома. К счастью, полуостров Бальбоа и Корону-дель-Мар не связывали между собой никакие автострады, весь маршрут проходил по городским улицам, и Марти волею-неволей приходилось тащиться среди еле-еле ползущих машин. А на Пасифик-Коаст-хайвей, дальше чем на полпути от дома, движение прекратилось совсем. За сорок или пятьдесят автомобилей впереди мигающие красно-голубые сигналы санитарных и полицейских автомобилей указывали место дорожного происшествия.

Застрав в пробке, она достала сотовый телефон, чтобы связаться с доктором Клостерманом, ее терапевтом, рассчитывая записаться на прием на следующий день, желательно с утра, если возможно.

— Дело довольно срочное. Я не хочу сказать, что речь идет о сильных болях или чем-нибудь еще в этом роде, но я предпочла бы посоветоваться с ним по поводу своего самочувствия как можно скорее.

— Какие у вас симптомы? — спросил голос в трубке.

Марти ответила не сразу.

— Это, в общем-то, достаточно личное... Я предпочла бы все обсудить непосредственно с доктором Клостерманом.

— Он ушел на весь день, но мы могли бы втиснуть вас в список примерно на восемь тридцать утра.

– Благодарю вас. Я приду, – сказала Марти и выключила телефон.

От гавани поднимался тонкий холст серого тумана, а иглы дождя шили из него саван умирающему дню.

С места дорожного происшествия по встречной полосе, где понемногу двигались машины, пробирался автомобиль «Скорой помощи».

На нем не были включены ни сирена, ни спецсигналы. Скорее всего, пациент уже не нуждался в медицинской помощи и был уже не пациентом, а свертком на носилках и направлялся не в больницу, а в морг.

Марти, внутренне исполненная торжественности, проводила глазами неторопливо двигавшийся под дождем автомобиль, а потом перевела взгляд на зеркало заднего вида, в котором были видны постепенно угасавшие в тумане габаритные огни. Она, конечно, не могла знать наверняка, что «Скорая помощь» выступала на этот раз в роли катафалка, но тем не менее была уверена, что в ней находился труп. Она чувствовала, что мимо нее прошла Смерть.

* * *

Пока Дасти в ожидании возвращения Тома Вонга рассматривал спящего Скита, последним из всего на свете, о чем ему хотелось думать, было прошлое. И все же его мысли скользнули далеко назад, в детство, которое он делил со Скитом, к царственному отцу Скита и, что еще хуже, к человеку, который принял из рук этого ублюдка бразды правления домашним хозяйством. Мужу номер четыре. Доктору Дереку Лэмпτονу, психологу, психиатру, преподавателю и писателю неофрейдистского толка.

Их мать, Клодетта, питала нежное, но страстное и непреодолимое влечение к интеллектуалам – особенно к тем из них, которые страдали манией величия.

Отец Скита, псевдо-Холден, продержался в доме до тех пор, пока Скиту исполнилось девять лет, а Дасти четырнадцать. Они целую ночь напролет праздновали его уход: смотрели фильмы ужасов, пакетами ели картофельные чипсы и ведрами – шоколадное и арахисовое мороженое. Все это было строго-настрого запрещено. В период его диктатуры строжайше соблюдалась нацистская диета для детей (правда, только для них, взрослые жили по-другому): никаких жиров, никакой соли, никакого сахара, никаких приправ, никаких развлечений. Утром, несмотря на то что обоих чуть ли не тошнило от обжорства, а глаза опухли и покраснели от усталости, они, окрыленные вновь обретенной свободой, оставались на ногах еще несколько часов, обошли все окрестности, собрали два фунта собачьего дерьма и отправили их почтовой посылкой по новому адресу низвергнутого деспота.

Хотя посылка была анонимной и обратный адрес был вымышленным, они считали, что профессор мог бы вычислить отправителей, потому что после достаточного количества двойных мартини он иногда принимался оплакивать неспособность своего сына к обучению, громогласно заявляя, что вонючая куча удобрений и то обладает бóльшим академическим потенциалом, нежели Скит: «Твоя эрудиция находится примерно на одном уровне с экскрементами, мой мальчик, ты неотесан, как кривая табуретка, так же культурен, как куча дерьма, менее понятлив, чем коровья лепешка, и проницателен, как жопа». Посылая ему коробку с собачьим дерьмом, они желали подвигнуть его на то, чтобы он смог применить на практике свои глубочайшие познания в области теории образования и сотворить из содержимого почтового отправления лучшего ученика, чем был Скит.

Спустя всего несколько дней после того, как фальшивого Колфилда вышвырнули в рожь над пропастью, в доме поселился доктор Лэмптон. Все взрослые были невыносимо цивилизованными и чересчур нетерпеливыми для того, чтобы облегчать друг другу пути к

достижению личных стремлений, и потому Клодетта объявила детям, что за немедленным и неизбежным разводом сразу же последует новый брак.

На этом праздники Дасти и Скита окончились. Не прошло и двадцати четырех часов, как они узнали, что скоро настанет день, после которого они с ностальгической тоской будут вспоминать те золотые годы, что провели под указующим перстом псевдо-Холдена, поскольку доктор Дерек Лэмптон наверняка пометит их своим традиционным личным номером: 666.

В этот момент Скит вернул Дасти из прошлого:

– У тебя такой вид, словно ты только что проглотил червяка. О чем ты думаешь?

Он все так же, скорчившись в позе эмбриона, лежал на кровати, но его слезящиеся глаза были открыты.

– О Гаде Лэмптоне, – ответил Дасти.

– Дружище, ты слишком много думаешь о нем, теперь уже я попробую уговорить *тебя* слезть с крыши. – Скит спустил ноги с кровати и сел.

Валет подошел к Скиту и облизал его дрожащие руки.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Дасти.

– Как после самоубийства.

– После, это хорошо. – Дасти вынул из кармана рубашки два лотерейных билета и протянул их Скиту. – Как обещал. Купил их в круглосуточном магазинчике недалеко отсюда, том самом, где в минувшем ноябре продали билет с самым большим выигрышем, тем, что сорвал куш в тридцать миллионов долларов.

– Держи их подальше от меня. После моего прикосновения у них не будет ни единого шанса на выигрыш.

Дасти подошел к тумбочке, открыл ящик и вынул оттуда Библию. Он пролистал ее, пробегая стихи глазами, а потом прочел строку из Иеремии:

– «Благословен человек, который надеется на Господа...»¹⁶ Как ты насчет этого?

– Ну, пока что я научился не доверять метамфетаминам.

– Это уже прогресс, – ответил Дасти. Он положил билеты в Библию на ту страницу, слова с которой прочел, и положил книгу в ящик.

Скит встал с кровати и, шатаясь, побрел в ванную.

– Пойти пописать.

– Пойти посмотреть?

– Не волнуйся, братец, – откликнулся Скит, включая свет. – Здесь нет ничего такого, чем я мог бы угробить себя.

– Ты можешь прыгнуть в пасть «джона» и спустить воду, – возразил Дасти, входя вслед за ним в открытую дверь.

– Или скрутить веревку из туалетной бумаги.

– Смотрю, ты стал слишком умным. За тобой нужен глаз да глаз.

В туалете стоял плотно закрытый бачок с кнопочным сливным механизмом; там не было ни одной части, которую было бы легко снять, чтобы добраться до металлических деталей, с помощью которых можно перерезать себе вены.

Минутой позже, когда Скит мыл руки, Дасти вынул из кармана сложенные листочки и громко прочел вслух, глядя на верхний, то, что писал Скит:

– Доктор Ен Лю.

Кусок мыла выскользнул из рук Скита и упал в раковину. Скит не стал поднимать его. Он прислонился к раковине бедрами, держа руки под струей; вода смывала пену с его пальцев. Упустив мыло, он что-то сказал, но его слова нельзя было разобрать из-за шума воды.

¹⁶ Иеремия, гл. 17, ст. 7.

Дасти вскинул голову.

– Что ты говоришь?

– Я слушаю, – отозвался Скит, слегка повысив голос.

– Кто такой доктор Ен Ло? – спросил Дасти, озадаченный ответом.

Скит не отвечал.

Он стоял спиной к Дасти. Голова была низко наклонена, и поэтому его лицо нельзя было рассмотреть в зеркале. Он, казалось, разглядывал свои руки, которые все так же держал под струей воды, хотя на них уже давно не должно было остаться ни малейшего следа мыла.

– Эй, Малыш?

Молчание.

Дасти втиснулся в тесную ванную рядом с братом. Скит неотрывно глядел вниз, на свои руки, глаза сияли, как будто от удивления, рот был приоткрыт с каким-то благоговейным выражением, словно в стиснутых руках скрывалась великая тайна бытия.

Над раковиной начало расти облачко пахнувшего мылом пара. Хлеставшая из крана вода была отчаянно горячей. Руки Скита, обычно очень бледные, стали ярко-красными.

– Боже мой! – Дасти поспешно выключил воду. Металлический кран оказался настолько горячим, что к нему трудно было прикоснуться.

Очевидно, не чувствуя никакой боли, Скит все так же держал свои полуошпаренные руки под краном.

Дасти пустил холодную воду, и его брат даже виду не подал, что заметил это изменение. Он не выказывал никакого ощущения дискомфорта, пока на него лился кипяток, а теперь, казалось, ему совершенно не стало легче от холодной воды. За лишенным двери проемом жалобно заскулил Валет. Задржав голову, он попятился на несколько шагов в спальню. Пес безошибочно знал, что у людей что-то не в порядке.

Дасти взял брата одной рукой за плечо. Все так же держа руки перед собой, не сводя с них остановившегося взгляда, Скит позволил вывести себя из ванной. Он опустился на край кровати и, положив руки на колени, принялся изучать их с таким видом, будто пытался прочесть свою судьбу на линиях ладоней.

– Не шевелись, – приказал Дасти и торопливо вышел из комнаты, чтобы найти Тома Вонга.

Глава 19

Въехав в гараж, Марти была неприятно разочарована, не увидев там фургона Дасти. Поскольку муж ни в коем случае не мог работать под дождем, она твердо рассчитывала найти его дома.

В кухне ее ждала короткая записка, прижатая к дверце холодильника керамическим помидором с магнитом: «О, Прекрасная. Я вернусь домой к 5:00. Мы отправимся на обед. Люблю тебя даже сильнее, чем такос¹⁷. Дасти».

Она отправилась в ванную и, только когда уже мыла руки, заметила, что на двери аптечки не хватает зеркала. От него остался лишь крошечный осколок посеребренного стекла, застрявший в нижнем правом углу металлической рамки.

Вероятно, Дасти случайно разбил его. И старательно убрал осколки, не заметив только одного маленького кусочка, оставшегося на своем месте.

Если разбитое зеркало означало несчастье, то сегодня был самый неподходящий из всех возможных дней для того, чтобы проверять эту примету.

Хотя желудок у Марти был уже совершенно пуст, она все еще ощущала позывы тошноты. Она взяла стакан, положила туда лед и налила имбирного пива. Обычно, когда у нее бывали нелады с желудком, ей помогало что-нибудь холодное и сладкое.

Куда бы ни ушел Дасти, он, судя по всему, взял с собой Валета. И хотя в действительности их дом был маленьким и уютным, но сейчас он казался ей большим, холодным и пустым.

Марти сидела на кухне у стола, за которым они завтракали по утрам, у залитого дождем окна и, потягивая имбирное пиво, пыталась решить, что для нее сегодня будет лучше: куда-нибудь отправиться или же остаться дома.

Она намеревалась за обедом – если, конечно, у нее хватит сил, чтобы есть, поделиться с Дасти тревожными событиями нынешнего дня и заранее опасалась, что ее может услышать официантка или другие посетители. Кроме того, ей не хотелось бы оказаться на публике, если с ней вдруг случится еще один приступ наподобие того, что скрутил ее по дороге домой.

С другой стороны, если они останутся дома, то она вряд ли сможет заставить себя приготовить обед...

Марти перевела взгляд с пива на доску с ножами, висевшую на стенке около раковины. В стакане, который она судорожно стиснула задрожавшей правой рукой, зазвякали кубики льда.

Блестящие нержавеющие лезвия кухонных инструментов сверкали как-то странно, будто не просто отражали свет, но сами испускали его.

Поставив стакан на стол и опустив руку на колено, Марти заставила себя смотреть в сторону. Но ее глаза сразу же вернулись к ножам, словно их притянуло какой-то силой.

Марти точно знала, что не способна к насилию над другими, кроме, наверно, тех случаев, когда нужно защитить себя, тех, кого она любит, и невинных. Она также сомневалась, что была в состоянии причинить вред сама себе.

Однако вид ножей так взбудоражил ее, что она не могла усидеть на месте. Она поднялась, постояла в нерешительности несколько секунд, вошла в столовую, потом в гостиную. Она двигалась безостановочно и вроде бы бесцельно, хотя на самом деле стремилась увеличить расстояние между собой и доской с ножами.

¹⁷ **Такос** – мн. ч. от «тако» – блюдо мексиканской кухни, род блинчика – зажаренная тортилья (плоская маисовая лепешка, заменяющая в Мексике хлеб) с начинкой из жареного мелко нарезанного мяса, салата, помидоров и сыра.

Переставив безделушки, которые вовсе не нужно было переставлять, поправив абжур, который не был перекошен, тщательно уложив подушки, которые и так аккуратно лежали на своих местах, Марти вышла в холл и, открыв дверь, вышла за порог, в подъезд.

Ее сердце билось с такой силой, что от ударов содрогалось все тело. С каждым ударом по артериям устремлялся такой поток, что все, находившееся у Марти перед глазами, пульсировало вместе с тяжкими приливами крови.

Нетвердо ступая подкашивавшимися, словно ватными, ногами, она прошла дальше и остановилась перед невысокой лесенкой. Положила руку на перила...

Чтобы уйти как можно дальше от доски с ножами, ей нужно было выйти наружу, в шторм, который немного стих и превратился в простой сильный дождь. Но ведь всюду, куда бы она ни направилась, на любом краю света, при хорошей и плохой погоде, при свете и в темноте она столкнется с острыми предметами, наточенными лезвиями, зубчатыми краями, с инструментами, посудой и приспособлениями, которые могут быть использованы для злых целей.

Ей нужно было как-то усмирить расходившиеся нервы, остановить мятущиеся мысли, изгнать эти странные представления. Успокоиться.

Боже, помоги мне.

Она попробовала несколько раз медленно и глубоко вздохнуть, но вместо этого ее дыхание стало еще более частым и неровным. Когда же Марти закрыла глаза, надеясь найти покой в своем внутреннем мире, то обнаружила темный головокружительный хаос.

Она не будет в состоянии овладеть собою до тех пор, пока не наберется смелости, чтобы возвратиться на кухню и выступить лицом к лицу против той вещи, которая вызвала этот приступ тревоги. Ножи. Она должна справиться с ножами, и быстро, до того, как это неуклонно нарастающее беспокойство перерастет в настоящую панику.

Ножи.

Марти неохотно отвернулась от лестницы. Вновь шагнула к оставшейся открытой двери дома.

Вестибюль за порогом, в доме, выглядел неприветливо. Это был ее горячо любимый маленький домик, место, где она была более счастливой, чем когда-либо прежде в своей жизни, но теперь он казался ей почти таким же чужим, как если бы принадлежал незнакомым людям.

Ножи.

Она перешагнула через порог, постояла секунду-другую в неуверенности и закрыла за собой дверь.

Глава 20

Хотя кожа на руках Скита и получила довольно сильный ожог, она уже не была такой красной, как несколько минут назад. Том Вонг намазал ему руки кортизоновым кремом.

Видя жутковатую отрешенность, в которой пребывал Скит, и его упорное нежелание отвечать на вопросы, Том взял у него кровь для проверки на наркотики. Хотя сразу же по приезде в «Новую жизнь» Скит был раздет догола и его одежду и тело тщательно осмотрели на предмет спрятанных психотропных препаратов, но ничего не нашли.

– Это могла быть замедленная вторичная реакция на то, чем он накачался этим утром, – предположил Том, выходя со взятой пробой крови.

На протяжении нескольких последних лет Скит, периодически впадая в наркотическую зависимость, продемонстрировал больше странностей, чем Дональд Дак в мультфильмах, но Дасти никогда прежде не видел ничего подобного этому полукататоническому оцепенению.

Валету дома не позволялось никаких вольностей в пользовании мебелью, но сейчас он, казалось, был настолько обеспокоен состоянием Скита, что забыл о приличиях и свернулся в кресле. Дасти, полностью разделяя тревогу ретривера, не стал сгонять Валета с запретного места. Сам он сидел на краю кровати, рядом с братом.

Скит теперь лежал, вытянувшись, на спине; его голова покоилась на стопке из трех подушек. Он глядел в потолок. В свете ночника его лицо было таким же спокойным, как у медитирующего йога.

У Дасти ни на минуту не выходила из головы та одержимость, с которой брат царапал в блокноте незнакомое имя.

– Доктор Ен Ло, – негромко пробормотал он.

Все так же пребывая вне окружающего мира, Скит заговорил впервые с тех пор, как Дасти упомянул это имя, когда он находился в ванной.

– Я слушаю, – сказал он точно так же, как и в тот раз.

– Что ты слушаешь?

– Что я слушаю?

– Что ты делаешь?

– Что я делаю? – опять переспросил Скит.

– Я спросил у тебя, что ты слушаешь.

– Тебя.

– Ладно. Тогда скажи мне, кто такой доктор Ен Ло.

– Ты.

– Я. Но ведь я же твой брат, ты помнишь?

– Ты хочешь, чтобы я это помнил?

– Ладно, но ведь это правда, не так ли? – нахмурившись, продолжал Дасти.

Лицо Скита было все таким же застывшим и невыразительным.

– А это правда? Я в растерянности.

– Я тоже.

– А что с тобой случилось? – с неподдельной серьезностью спросил Скит.

– Скит?

– Угу?

Дасти посидел в раздумье, пытаясь понять, насколько далеко от действительности мог пребывать парень.

– Ты знаешь, где находишься?

– А где я нахожусь?

- Значит, не знаешь?
- А я должен знать?
- Ты можешь посмотреть вокруг?
- А я могу?
- Это что, аттракцион Эббота и Костелло?
- Вот это?

– Оглянись вокруг, – попросил расстроенный Дасти.

Скит сразу же оторвал голову от подушек и осмотрел комнату.

– Я уверен, что ты знаешь, где находишься, – сказал Дасти.

– В клинике «Новая жизнь».

Скит вновь опустил голову на подушки. Его глаза опять устали в потолок, и через несколько секунд в них появилось какое-то новое странное выражение.

Не доверяя своим глазам, Дасти наклонился к брату, чтобы получше рассмотреть его лицо. В слабом искусственном освещении правый глаз Скита был золотым, а левый – темнее, цвета густого меда, и от этого возникало неприятное ощущение, будто из одного и того же черепа смотрели два разных лица.

Однако вовсе не этот фокус освещения привлек внимание Дасти. Ему пришлось подождать с минуту, не меньше, прежде чем он снова увидел то, что показалось ему странным: глазные яблоки Скита быстро задвигались в орбитах, это продолжалось несколько секунд, а потом взгляд снова стал неподвижным.

– Да, клиника «Новая жизнь», – с запозданием подтвердил Дасти. – А ты знаешь, для чего ты здесь?

– Чтобы очистить организм от яда.

– Верно. Но ты принимал что-нибудь после того, как тебя осмотрели? Ты каким-то образом протащил сюда наркотики?

Скит вздохнул.

– Что ты хочешь от меня услышать?

Его глаза задвигались. Дасти считал про себя секунды. Пять. Потом Скит моргнул, и его взгляд вновь остановился.

– Что ты хочешь от меня услышать? – повторил он.

– Просто-напросто скажи правду, – подбодрил его Дасти. – Скажи мне: ты принимал здесь наркотики?

– Нет.

– Тогда что с тобой происходит?

– А ты хочешь, чтобы со мною что-то происходило?

– Черт побери, Скит!

Скит чуть заметно хмурил брови.

– Все должно быть не так.

– Что – все – должно быть не так?

– Это. – Уголки рта капризно перекошились. – Ты нарушаешь правила.

– Какие правила?

Скит чуть напряг свои худые руки; пальцы согнулись и сложились в какое-то подобие кулаков. Его глаза снова задвигались; на сей раз не только из стороны в сторону, но и круговыми движениями. Семь секунд.

БС – Быстрый сон, он же парадоксальный сон. По утверждениям психологов, такие движения закрытых глаз указывают на то, что спящий видит сны.

Глаза Скита не были закрыты, и он, хотя и пребывал в каком-то странном нездоровом состоянии, все же не спал.

– Помоги мне, Скит, – попросил Дасти, – я слегка запутался. О каких правилах мы говорим? Скажи мне, что в этих правилах говорится.

Скит ответил не сразу. Хмурая морщинка между его бровями постепенно таяла. Кожа на лице становилась гладкой и прозрачной, как рафинированное масло, пока не стало казаться, что сквозь нее просвечивают белые кости черепа. А взгляд все так же упирался в потолок.

Глаза опять задвигались, а когда БС закончился, он наконец заговорил. В голосе не чувствовалось того напряжения, что было несколько минут назад, он звучал уже не так монотонно.

– Легкий порыв, – прошептал Скит.

Эти два слова могли иметь определенный смысл, а могли оказаться выхваченными наугад из глубин памяти, как шарики из лотерейного барабана.

– Легкий порыв... – повторил Дасти. Брат не ответил, и он снова обратился прямо к нему: – Мне нужна еще помощь, Малыш.

– И волны разносят, – прошептал Скит.

Дасти обернулся, услышав за спиной легкий шум.

Валет вылез из кресла. Пес высунулся из спальни в маленькую прихожую, а за дверью обернулся и застыл там, пристально вглядываясь в помещение. Его уши были прижаты к голове, а хвост запрятан между ног, будто он чего-то напугался.

И волны разносят.

Лотерейных шариков прибавилось.

Маленький белый, как снег, мотылек с тончайшим узором вдоль кромки хрупких белых крылышек сел на повернутую ладонью вверх правую руку Скита. И пока бабочка ползала по его ладони, пальцы не пошевелились, казалось, что он совершенно не чувствовал щекотания от прикосновения насекомого. Его губы были приоткрыты, челюсть отвисла. Дышал Скит настолько неглубоко, что его грудь не вздымалась и не опадала. Глаза снова задвигались, но после того, как этот безмолвный приступ завершился, Скит мог сойти за мертвеца.

– Легкий порыв, – еще раз повторил Дасти, – и волны разносят... Это что-нибудь означает, Малыш?

– Это? Ты попросил, чтобы я сказал тебе, что говорится в правилах.

– И вот это и есть правила? – спросил Дасти.

Глаза Скита задвигались. Прошло несколько секунд. Потом он произнес:

– Ты знаешь правила.

– Давай притворимся, что не знаю.

– Их всего два.

– Два правила?

– Да.

– Не таких простых и ясных, как правила покера?

Скит промолчал.

Хотя это все звучало как совершенная бессмыслица, порожденная хаотическими всплесками из глубин одурманенного наркотиками сознания, у Дасти сложилось странное убеждение в том, что эта странная беседа имела реальное, хотя и скрытое, значение и что она вела к какому-то горькому открытию.

– Скажи мне, сколько всего правил, – сказал он, низко склонившись к лицу брата.

– Ты знаешь, – ответил Скит.

– Давай считать, что не знаю.

– Три.

– А какое третье правило?

– Голубые сосновые иглы.

Легкий порыв. И волны разносят. Голубые сосновые иглы.

Валет, который редко лаял, а рычал еще реже, теперь, стоя в открытой двери и глядя в прихожую, испустил басовитое угрожающее ворчание. Шерсть у него на загривке стояла дыбом, и это выглядело не менее выразительно, чем у какой-нибудь мультипликационной собаки, столкнувшейся с мультипликационным призраком. Хотя Дасти не мог этого сказать с уверенностью, причиной недовольства Валета, похоже, был бедняга Скит.

– Объясни мне эти правила, Скит, – сказал Дасти, подумав примерно с минуту. – Расскажи, что они означают.

– Я – это волны.

– Понятно, – протянул Дасти, хотя на самом деле в этих словах для него было даже меньше смысла, чем если бы Скит словами из песни «Битлз» их психоделического периода заявил: «Я – морж».

– Ты – порыв, – продолжал Скит.

– Ну, конечно, – согласился Дасти просто для того, чтобы подбодрить его.

– А иглы – это поручения.

– Поручения?

– Да.

– И все это имеет какой-то смысл?

– Имеет смысл?

– Вероятно, да.

– Да.

– Ну, а я не вижу во всем этом никакого смысла.

Скит промолчал.

– Кто такой доктор Ен Ло? – в который раз спросил Дасти.

– Кто такой доктор Ен Ло? – Пауза. – Ты.

– Я думал, что я – порыв.

– Это одно и то же.

– Но я не Ен Ло.

На лбу Скита вновь появились хмурые морщинки. Его бледные тонкие пальцы, лежавшие расслабленно, снова сделали попытку сжаться в кулаки; из полузакрытой ладони вылетел хрупкий белоснежный мотылек.

Проследив за еще одним периодом быстрого сна, Дасти спросил:

– Скит, ты не спишь?

– Я не знаю, – ответил младший брат после недолгого раздумья.

– Ты не знаешь, спишь ты или нет? В таком случае... ты, наверно, спишь.

– Нет.

– Если ты не спишь и не уверен, что бодрствуешь, тогда какой ты?

– Какой я?

– Это был мой вопрос.

– Я слушаю.

– Ты пошел обратно.

– Куда?

– Что куда?

– Куда я пошел? – спросил Скит.

Дасти вдруг почувствовал испуг, все сильнее ощущая, что этот разговор полон глубокого, если не мистического, значения и они мало-помалу приближаются к открытию, которое внезапно придаст смысл всему происходящему. Но, несмотря на уникальный и чрезвычайно специфический характер этого разговора, он сейчас казался столь же иррациональным и угнетающим, как и многочисленные другие беседы, которые они уже вели раньше, когда

мозги Скита были не в порядке после причиненного самому себе наркотического отравления.

– Куда я пошел? – повторил Скит.

– Ах, поспи немного и дай мне передохнуть! – с сердцем воскликнул Дасти.

Скит покорно закрыл глаза. На его лицо снизошло умиротворение, а полусжатые кулаки расслабились. Практически сразу же в его дыхании установился неглубокий, медленный спокойный ритм. Он негромко всхрапнул.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – вслух спросил Дасти. Он внезапно почувствовал, что загривок у него покрылся гусиной кожей, и принялся разминать шею сзади правой ладонью, чтобы убрать неприятное ощущение. Но, однако, его рука вдруг сделалась холодной, а мурашки, покрывавшие шею, перешли дальше, в глубь позвоночника.

Из прихожей возвратился Валет. Шерсть у него больше не стояла дыбом, и он, насмешливо пофыркивая, обследовал темные углы и заглянул под кровать. Того, что пугало собаку, в комнате больше не было.

Судя по всему, Скит уснул, потому что ему приказали сделать это. Но ведь это же было невозможно – заснуть вот так, в один миг, по команде...

– Скит?

Дасти взял брата за плечо и легонько потряс. Потом сильнее.

Скит не реагировал. Он продолжал негромко похрапывать. Его веки подергивались одновременно с движениями закрытых глаз. Быстрый сон. На сей раз он наверняка смотрел сны.

Приподняв правую руку Скита, Дасти нащупал двумя пальцами лучевую артерию на запястье брата. Пульс у Малыша был сильным, ровным, но замедленным. Дасти посчитал. Сорок восемь ударов в минуту. Чересчур медленно, даже для спящего.

Тем не менее Скит, несомненно, пребывал в царстве сновидений. И *далеко* углубился туда.

Глава 21

Доска с ножами из нержавеющей стали висела на двух ввернутых в стену крючках, как тотем какого-то сатанинского клана, который использовал кухню для куда более зловещих дел, чем приготовление обеда. Марти, не прикасаясь к ножам, сняла доску со стены. Положила ее на нижнюю полку буфета и быстро закрыла дверцу.

Нет. Плохо. То, что пребывало вне поля зрения, не было скрыто от ее сознания. Ножи оставались легкодоступными. Ей следовало убрать их туда, откуда их было бы труднее достать.

Она вышла в гараж, нашла пустую картонную коробку, моток скотча и вернулась в кухню. Присев на корточки перед шкафом, в который она положила ножи, Марти не сразу смогла заставить себя открыть дверцу. Если честно сказать, она боялась даже прикоснуться к ней, словно это был не обыкновеннейший кухонный буфет, а сатанистский реликварий, в котором покоится кусок роговой корки, срезанной с хромого копыта Вельзевула. Чтобы достать оттуда свою кухонную принадлежность, ей пришлось собрать все остатки смелости, и все же, когда наконец она осторожно вынула ее с полки, ее руки тряслись с такой силой, что лезвия грохотали в своих зажимах.

Она положила ножи в коробку и закрыла откидные картонные створки. А потом, начав обматывать коробку клейкой лентой, осознала, что скотч нужно будет отрезать.

Но, открыв ящик, в котором лежали ножницы, Марти не смогла заставить себя вынуть их оттуда. Они могли оказаться смертоносным оружием. Ей довелось увидеть неисчислимое множество кинофильмов, в которых убийцы использовали ножницы вместо мясницкого ножа.

На человеческом теле так много мягких, уязвимых мест. Пах. Живот. Межреберье, за которым лежит сердце. Горло. Боковая сторона шеи.

В сознании Марти, словно набор фотографий из полицейского архива с изображением преступлений серийных убийц-маньяков – НА КАЖДОЙ ОТКРЫТКЕ В ПОДРОБНОСТЯХ ИЗОБРАЖЕНЫ ЖЕРТВЫ ДЖЕКА-ПОТРОШИТЕЛЯ! В АЛЬБОМЕ СОБРАНЫ ЦВЕТНЫЕ ФОТОГРАФИИ КОЛЛЕКЦИИ ЗАМОРОЖЕННЫХ ГОЛОВ, СОБРАННОЙ ДЖЕФФРИ ДЭМЕРОМ! – всплыли отвратительные видения.

С грохотом задвинув ящик и повернувшись к нему спиной, она попыталась изгнать из мыслей эти кошмарные картины, которые с дикарским ликованием выкинула наружу какая-то ненормальная часть ее души.

Она была одна в доме. Она не могла никому причинить вреда при помощи этих ножниц. Кроме самой себя, конечно.

Начиная с такой неожиданной и странной реакции на меццалуну, попавшуюся ей на глаза в кухне Съюзен, и на автомобильный ключ несколькими минутами позже, Марти ощущала, что в ней возникает – или овладевает ею – странная и необъяснимая, абсолютно новая для нее способность к насилию, и она боялась того, что в приступе своего внезапно прорывающегося безумия может причинить какому-нибудь ни в чем не повинному человеку непоправимый вред. А теперь она впервые заподозрила, что в своем затменном состоянии могла сделать что-то страшное и с собою.

Она внимательно взглянула на коробку, в которую убрала ножи. Если она отнесет ее в гараж, задвинет в угол и навалит сверху всякого хлама, то все равно коробку можно будет вытащить за минуту. Единственную полоску скотча ничего не стоит оторвать одним движением, дернув за свисающий сбоку большой рулон, откинуть створки крышки и достать ножи.

Хотя мясницкий нож – все ножи – оставался в коробке, она ощущала тяжесть этого оружия, будто держала его в правой руке: большой палец твердо упирался в холодное лезвие, остальные пальцы обхватили деревянную ручку, сгиб указательного пальца прижат к упору, мизинец упирался в загнутый конец рукояти. Так ей следовало держать нож для того, чтобы нанести удар снизу вверх, сильный и резкий удар, и, глубоко вонзив оружие, выпотрошить какую-то ничего не подозревающую жертву.

Кисть правой руки охватила дрожь. Через несколько секунд она перекинулась на всю руку, и вскоре Марти уже дрожала всем телом. Ее стиснутые пальцы разжались, как если бы она попыталась отбросить в сторону воображаемый нож, и, даже осознавая свое сумасшествие, она все равно была готова услышать звон стального лезвия о кафельный пол.

Господи, во имя твое! Она не способна совершить такие злодеяния ни одним из этих ножей. И также она не способна совершить самоубийство или изуродовать себя.

Возьми себя в руки.

И все же она не могла заставить себя прекратить думать о режущих и распарывающих сияющих лезвиях и заточенных остриях. Она пыталась изгнать из мыслей эту кошмарную галерею Джека-Потрошителя, но перед ее внутренним взором с молниеносной быстротой раскладывался тошнотворный пасьянс, карты, вращаясь, сменяли одна другую – шелк-шелк-шелк, – пока она не пошатнулась от головокружения, пробежавшего от темени через грудь и больно стиснувшего желудок.

Она не помнила, как опустилась на колени перед коробкой. Она не помнила и того, как схватила свисавший рулон скотча, но внезапно обнаружила, что снова и снова переворачивает коробку, еще и еще раз обматывает ее лентой, сначала несколько раз по длине, затем по ширине, а затем и по диагонали.

Ее напугал тот безумный пыл, с которым она занималась этим делом. Она попробовала отдернуть руки, отвернуться от коробки, но не смогла вынудить себя остановиться.

Продолжая трудиться так быстро и напряженно, что вся покрылась тонким липким слоем пота, тяжело дыша, поскуливая от волнения, Марти, чтобы избежать прикосновения к ножницам, израсходовала весь рулон, на котором было написано «Экономичная расфасовка». Картонная коробка оказалась полностью спеленута лентой – так фараоновы бальзамировщики Древнего Египта заворачивали мертвые тела своих властителей в пропитанные танином хлопковые саваны.

Но когда лента кончилась, Марти не испытала удовлетворения. Она все еще знала, где ножи находятся. Конечно, до них теперь было не так легко добраться.

Для того чтобы открыть коробку и добраться до кухонного набора, ей понадобилось бы прорезать много слоев прочной клейкой ленты, но она никогда не осмелилась бы воспользоваться лезвием или ножницами, без которых это невозможно сделать, так что, по идее, теперь она могла почувствовать облегчение. Но все же коробка не была банковским сейфом; это была простая картонка, и Марти не была в безопасности – никто не был в безопасности, – пока она точно знала, где находятся ножи, и пока имелся хоть малейший шанс, что она может добраться до них.

Над морем ее души поднимался мрачный красный туман ужаса, холодный клубящийся туман, являвшийся порождением самой темной части ее существа; он окутывал ее сознание, омрачая мысли, усиливая растерянность, а с ростом растерянности рос и страх.

Она вынесла коробку из дома через заднюю дверь, чтобы захоронить ее во дворе. А для этого следовало вырыть яму. То есть воспользоваться лопатой или киркой. Но эти орудия были не просто инструментами: они были также потенциальным оружием. Она не могла настолько доверять себе, чтобы взять в руки лопату или кирку.

Она выпустила пакет из рук. В коробке загремели ножи: приглушенный, но тем не менее ужаснувший ее звук.

Вообще избавиться от ножей. Выбросить их. Это было единственным решением.

Завтра по графику должны были вывозить мусор. Если она бросит ножи в кучу хлама, то завтра утром их отвезут на свалку.

Она не знала, где была расположена свалка. Понятия не имела. Где-нибудь далеко на востоке, в находящемся на отшибе карьере. Возможно, даже в другом графстве. Если ножи окажутся на свалке, то она никогда не сможет снова найти их. После отъезда мусорщиков она окажется в безопасности.

Сердце Марти с грохотом колотилось о ребра. Она схватила ненавистный пакет и спустилась по ступенькам.

* * *

Том Вонг пощупал пульс Скита, выслушал его сердце и измерил кровяное давление. Прикосновение холодной головки стетоскопа к обнаженной груди Малыша, тугая хватка манжетки на правой руке не вызвали у него абсолютно никакой реакции. Он не вздрогнул, не мигнул, не вздохнул, не вскрикнул, ничего не пробормотал... Он лежал совершенно ослабленно и был бледен, как очищенный, подготовленный для жарки кабачок.

– Когда я считал пульс, было сорок восемь, – сказал Дасти. Он стоял в изножье кровати, наблюдая за действиями медика.

– Сейчас сорок шесть.

– Это не опасно?

– Возможно, нет. Вернее, это еще не основание для тревоги.

Согласно диаграмме в истории болезни, нормальный пульс Скита, когда он не находился под влиянием наркотиков, был трезв и бодрствовал, составлял в среднем шестьдесят шесть. Во сне частота пульса снижается на десять-двенадцать ударов.

– Иногда бывает, что пульс у спящих замедляется до сорока, – сказал Том, – хотя это случается нечасто. – Он по одному приподнял веки Скита и исследовал его глаза офтальмоскопом. – Зрачки одинакового размера, но все же нельзя исключить инсульт.

– Мозговое кровоизлияние?

– Или эмболия. Ну а если это не инсульт, то может оказаться какой-то разновидностью комы. Диабетической. Уремической.

– Он не страдал диабетом.

– Я лучше вызову доктора, – сказал Том и вышел из комнаты.

* * *

Дождь прекратился, но овальные листья индийских лавров, словно печальные зеленые глаза, продолжали лить слезы.

Держа в руке пакет с ножами, Марти поспешно вышла к восточной стороне дома и распахнула ворота сарая, где стояли мусорные бачки.

Наблюдавшая часть ее существа, нормальная часть, заключенная в тюрьму страха, мрачно констатировала, что ее поза и движения напоминали поведение марионетки: вытянув вперед голову на напряженной шее, вздернув плечи, судорожно выбрасывая локти и колени, она, дергаясь, торопливо ковыляла вперед.

Если она была марионеткой, то кукольником был Джонни-Паника. В колледже некоторые из ее друзей были без ума от блестящей поэзии Сильвии Плат; и хотя Марти находила творчество Плат слишком нигилистическим и депрессивным для того, чтобы эти стихи могли ей понравиться, она помнила одно болезненное наблюдение поэтессы – убедительное объяснение того, почему некоторые люди бывают жестокими друг с другом и принимают

столь много самоубийственных решений. «Отсюда, со своего места, – писала Плат, – я вижу, что над миром властвует одна и только одна вещь. Паника с собачьей мордой, с лицом дьявола, с лицом ведьмы, с лицом шлюхи, паника – заглавными буквами безликая вовсе – это все тот же Джонни-Паника, бодрствующий или спящий».

На протяжении всех прожитых двадцати восьми лет мир Марти был в значительной степени свободен от паники, но зато был богат безмятежным сознанием общности, мира, цели и связи с Творением, поскольку ее отец помог ей приобщиться к убежденности в том, что каждая жизнь имеет смысл. Улыбчивый Боб сказал, что если всегда руководствоваться храбростью, честью, чувством собственного достоинства, правдой и состраданием и держать свой разум и сердце открытыми для тех уроков, которые преподает этот мир, тогда в конечном счете можно осознать смысл существования, возможно, даже в этом мире и уж наверняка в грядущем. Такая философия реально предоставляла возможность для более яркой жизни, менее подверженной различным страхам, чем у тех, кто был убежден в бессмысленности существования. И все же в конце концов Джонни-Паника непостижимым образом вошел и в жизнь Марти, каким-то образом поймал ее, прицепил к своим ниточкам, и теперь, дергая за них, заставляет ее участвовать в своем безумном представлении.

В сарайчике для мусора рядом с домом Марти откинула зажимы с третьего из пластмассовых бачков, единственного, который оставался пустым. Она бросила внутрь обмотанную скотчем коробку с ножами, со стуком поставила крышку на место и защелкнула проводные зажимы.

Она должна была почувствовать облегчение.

На деле же ее беспокойство даже увеличилось.

В сущности, ничего не изменилось. Она знала, где находятся ножи. Она была в состоянии добраться до них, если решит это сделать. И они останутся в пределах ее досягаемости до завтрашнего утра, до тех пор, пока мусорщик не бросит их в свой грузовик и не уедет с ними.

И, что хуже всего, эти ножи были далеко не единственными предметами, при помощи которых она могла бы реализовать те вновь обретенные идеи о насилии, которые так ужасали ее. Ее ярко окрашенный дом с его очаровательной пряничной мельницей мог бы показаться воплощением мира, но на самом деле он представлял собою прекрасно оборудованную скотобойню, оружейный склад, переполненный орудиями убийства, и, если мыслями овладеет стремление учинить погром, многие на первый взгляд совершенно невинные вещи можно будет использовать в качестве ножей или дубинок.

Ошарашенная и подавленная своим открытием, Марти сжала руками виски, словно надеялась таким образом физически подавить бунт ужасных мыслей, которые с воплями и кривлянием вырывались из темных глубин ее подсознания. Под ладонями и пальцами она ощущала биение пульса, а череп внезапно показался ей упругим. Чем сильнее она сжимала голову, тем сильнее становилось владевшее ею смятение.

Действовать. Улыбчивый Боб всегда говорил, что действие помогает решить большинство проблем. Страх, отчаяние, подавленность и даже по большей части гнев происходят от сознания того, что мы бессильны, беспомощны. Предпринять какие-то действия для того, чтобы решить наши проблемы, – это здоровый подход, но к действиям нужно приложить трезвое размышление и моральную оценку – только так можно надеяться совершить верные и наиболее эффективные поступки.

Марти не имела представления о том, совершает ли она правильный поступок или наиболее эффективный поступок, когда она вытащила из сарайчика большой колесный бачок и поспешно покатила его по дорожке к заднему крыльцу. Размышление и поиск моральных критериев требовали возможности подумать в спокойной обстановке, но она была захва-

чена тайфуном, бушевавшим в ее душе и мыслях, причем этот внутренний шторм с каждой секундой набирал все новые и новые силы.

Здесь и сейчас Марти знала не какие поступки ей было бы полезно совершить, а только то, что она *не может* не сделать. Она не могла ждать, пока наступит просветление, необходимое для того, чтобы логически оценить имеющийся у нее выбор; она должна действовать, делать что-нибудь, делать что угодно, потому что, если она останется без движения, пусть хотя бы на мгновение, грозная буря мятущихся черных мыслей обрушится на нее куда сильнее, чем если она будет двигаться. Она чувствовала, что, если она осмелится присесть или хотя бы приостановиться, для того чтобы несколько раз глубоко вздохнуть, ее может разорвать на части, рассеять по свету, сдуть; но при этом, если она будет продолжать непрерывно двигаться, то, возможно, совершит большее количество ошибочных поступков, чем верных, возможно, она будет совершать один глупый поступок за другим, правда, всегда имелся шанс, пусть даже и очень незначительный, что, руководствуясь инстинктом, она сделает что-нибудь правильно и таким образом заработает хоть какое-то облегчение, обретет хоть немного мира.

Кроме того, где-то на уровне кишков, где не имели значения мысли и рассуждения, где имели смысл только чувства, она знала, что ей необходимо так или иначе справиться со своим беспокойством и восстановить контроль над собой до того, как наступят сумерки. Первобытное существо, сидящее в глубине каждого из нас, в течение ночи поднимается все ближе к поверхности – ему поет луна, и холодная пустота между звездами говорит на его языке. В отсутствие света зло может показаться этому дикарю прекрасным. С наступлением темноты приступы паники могут превратиться во что-то еще худшее, даже в полное безумие.

Хотя дождь прекратился, черные грозовые тучи все так же покрывали небо от горизонта до горизонта, и на землю опускались преждевременные сумерки. Да и до настоящих сумерек было недалеко. С их наступлением задавленное тучами небо будет казаться черным, как ночь.

И жирные ночные гусеницы уже выползали с лужаек на дорожку. Улитки ползли своей дорогой, оставляя за собой липкие серебристые следы. От влажной травы, удобрений и прелых листьев, подсыпанных в клумбы, от тускло поблескивавших кустарников, от деревьев, с листьев которых продолжала капать вода, распространялся плодородный земляной аромат.

С наступлением сумерек Марти с тревогой ощутила ту изобильную жизнь, которую не принимало солнце, но зато ночь щедро одаривала своим гостеприимством. Она осознала также, что отвратительная, как тысяченожка, часть ее существа восприняла приближение ночи с тем же восторгом, что и вся извивающаяся-ползающая-кишащая-скользящая живность, которая покидала свои укрытия между закатом и рассветом. Те корчи, что она ощущала внутри себя, не были проявлением одного лишь страха; это был ужасный голод, потребность, побуждение, которое она не смела сформулировать для себя.

Двигаться, двигаться, двигаться, сделать дом безопасным, создать убежище, в котором не останется ничего такого, что могло бы стать опасным в руках, стремящихся к насилию.

* * *

Большую часть персонала «Новой жизни» составляли медицинские сестры и фельдшеры, но каждый день с шести утра до восьми вечера там находился и терапевт. В эту смену дежурил доктор Генри Донклин; с ним Дасти уже встречался, когда Скит проходил в этой клинике первый курс лечения.

У доктора Донклина были слегка вьющиеся седые волосы, розовая, как у младенца, кожа, настолько гладкая и нежная, что казалась совершенно неподходящей для его возраста. В общем его внешность была столь приятной, даже ангелоподобной, что он с успехом мог

бы сойти за преуспевающего телепроповедника, хотя в нем и не было той приторной и липкой маслянистости, сопутствующей обычно этой профессии, благодаря которой многие из электронных проповедников так легко соскальзывают от убеждения к проклятиям.

После отхода от частной практики доктор Донклин обнаружил, что отставка для него мало чем отличается от смерти. Он поступил на работу в «Новую жизнь» потому, что дело это было стоящее, чтобы не сказать, захватывающее, и, как он сам говорил, спасала от удушья чистилища бесконечного гольфа и земного ада шаффлборда¹⁸.

Донклин слегка пожал левую руку Скита, и тот, даже во сне, слабо ответил на пожатие. То же самое и с тем же результатом врач проделал и с правой рукой.

– Никаких явных признаков паралича, никакой одышки, – сказал Донклин, – он даже не надувает щеки при выдохе.

– Зрачки расширены одинаково, – подсказал Том Вонг.

Еще раз посветив в глаза Скита, Донклин продолжил свой быстрый осмотр.

– Кожа на ощупь не липкая, нормальная поверхностная температура. Я буду очень удивлен, если все же окажется, что это инсультная кома. Это не кровоизлияние, не эмболия и не тромбоз. Но мы еще раз проверим все эти возможности и, если не сможем достаточно быстро разобраться в ситуации, переведем его в больницу.

Дасти почувствовал, как в его душу вернулась капля оптимизма.

Валет стоял в углу и, вздернув голову, внимательно смотрел за происходившим. Возможно, он готовился к возвращению или вторичному явлению того непонятного, что совсем недавно заставило шерсть пса подняться дыбом и выгнало его из комнаты.

По указанию доктора Том приготовил катетер, чтобы вставить его Скиту и взять мочу на анализ.

Склонившись почти вплотную к лицу своего бессознательного пациента, Донклин сказал:

– Его дыхание не имеет сладковатого запаха, но мы все равно проверим мочу на альбумин и сахар.

– У него нет диабета, – напомнил Дасти.

– Это не похоже и на уремическую кому, – продолжал рассуждать врач. – В этом случае у него был бы жесткий частый пульс. Повышенное кровяное давление. А тут нет на одного из этих симптомов.

– А он может просто спать? – спросил Дасти.

– Чтобы так заснуть, – ответил Генри Донклин, – требуется заклинание злой ведьмы, если, конечно, он не откусил кусочка яблока Белоснежки.

– Все произошло вот как. Я слегка расстроился от общения с ним из-за того, как он вел себя, и велел поспать, сказал это довольно резко, и в тот же момент он отключился.

Донклин отреагировал очень сухо:

– Вы хотите сказать, что вы – ведьма? Вернее, колдун?

– Всего-навсего маляр.

Донклин был уверен в том, что у Скита не было инсульта, и поэтому рискнул дать ему понюхать карбонат аммония, но нюхательная соль не оказала на Скита никакого воздействия.

– Если он просто спит, – сказал врач, – то, значит, он наверняка относится к числу потомков Рипа ван Винкля.

¹⁸ Игра, в которой стоящие игроки толкают или передвигают длинными киями деревянные или пластмассовые диски на пронумерованные выигрышные поля, размеченные на полу или специальной доске.

* * *

Поскольку в мусорном бачке находилась лишь коробка с ножами, а колеса были большими, Марти смогла без особого труда затащить его на невысокую лесенку черного хода. Из глубины бачка, из-за его стенок и крышки, доносилась сердитая музыка ножей, позвякивавших один о другой.

Сначала она намеревалась ввезти бачок внутрь, но сразу же поняла, что таким образом доставит ножи обратно в дом.

Крепко стиснув ручку бачка, она замерла в нерешительности.

Главной ее задачей было освободить дом от всего потенциального оружия. И сделать это до того, как опустится полная темнота. До того, как сидящий в глубине подсознания первобытный человек перехватит на себя управление ее существом.

И, как только она остановилась, в эту неподвижность, с грохотом распахнув все двери и окна ее души, ворвался штормовой порыв ужаса.

Двигайся, двигайся, двигайся.

Марти оставила дверь черного хода открытой и поставила колесный бачок прямо за порогом; он оказался совсем близко, и его было удобно наполнять. Крышку бачка она положила рядом, прямо на бетон.

Вернувшись в кухню, она выдвинула ящик буфета и просмотрела его сверкающее содержимое. Столовые приборы. Салатные вилки. Обеденные вилки. Обеденные ножи. Ножи для масла. И еще десять ножей для бифштекса с деревянными ручками.

Она не прикасалась к опасным предметам. Вместо этого она осторожно вынула предметы более безопасные – столовые, чайные и кофейные ложки – и положила их на столик. Потом она полностью выдвинула ящик, поднесла его к открытой двери и перевернула вверх дном над бачком.

Вилки и ножи, звеня и подпрыгивая, стальным потоком обрушились в мусорный бак. Ледяной звон падающих предметов пронзил Марти до мозга костей.

Она поставила ящик в кухне на пол в углу, чтобы он не мешал на проходе. У нее не было времени для того, чтобы складывать в него спасенные ложки и задвигать ящик обратно в буфет.

Фальшивые сумерки незаметно превращались в сумерки настоящие. Через открытую дверь Марти услышала первые грубые песни маленьких зимних жаб, которые рисковали покидать свои убежища только по ночам.

Другой ящик. Различные кулинарные инструменты и устройства. Открывалка для бутылок. Картофелечистка. Ножик для очистки лимонов. Зловещий, похожий на шип, термометр для мяса. Маленький молоточек для отбивания мяса. Штопор. Миниатюрные колося для шелушения кукурузных початков, сделанные из желтой пластмассы, с торчащей из каждого парой острых булавок.

Она была удивлена количеством и разнообразием обычных хозяйственных мелочей, могущих послужить оружием. Любой садист, вообразивший себя инквизитором, оказался бы прекрасно подготовленным, даже если бы не располагал ничем, кроме того богатства, которое сейчас открывалось перед глазами Марти.

Помимо всего этого, в ящике содержались большие пластиковые зажимы от пакетов картофельных чипсов, мерные ложки, мерные чашки, совок для дыни, несколько резиновых шпателей, проволочные венчики для взбивания и другие вещи, которые на первый взгляд не должны были оказаться смертоносными даже в руках у самого сообразительного человека-ненавистника.

Марти нерешительно склонилась над ящиком, собираясь отделить безопасные вещи от опасных, но сразу отдернула руку. У нее не хватало смелости доверить себе решение этой задачи.

– Это сумасшествие, это полнейший бред, – произнесла она вслух, но ее голос был настолько искажен от страха и отчаяния, что она с трудом поверила, что сама произнесла эти слова.

И она вытряхнула в мусорный бачок все содержимое ящика и поставила его в угол поверх первого.

Дасты, где ты, черт возьми, шляешься? Ты мне нужен. Ты мне нужен. Вернись домой, пожалуйста, вернись домой.

Поскольку она была должна продолжать двигаться, чтобы не оказаться парализованной страхом, она набралась храбрости и открыла третий ящик. Несколько больших сервировочных вилок. Вилки для мяса. Электрический разделочный нож.

Снаружи, во влажных сумерках, разносились пронзительные песни жаб.

Глава 22

Марти Родс, изо всех сил стараясь не сорваться в полную панику, подталкиваемая навязчивой идеей, подгоняемая маниакальным влечением, ходила по кухне. Теперь ей казалось, что здесь бесчисленное множество орудий убийства, не меньше, пожалуй, чем на поле боя, где полегли две сражавшиеся армии.

В ящике около духовки она нашла скалку. Скалкой можно бить кого-нибудь по лицу, сломать нос, разбить губы, колотить, колотить и колотить до тех пор, пока не расколется череп, пока жертва не окажется на полу и будет глядеть на тебя невидящими глазами, с пятнистыми от кровоизлияний белками...

Хотя в доме не было никакой потенциальной жертвы, а сама Марти твердо знала, что не способна избить кого-либо дубиной, ей тем не менее пришлось долго уговаривать себя прежде, чем она осмелилась выхватить скалку из ящика. «Ну, возьми ее, давай, ради бога, возьми ее, вынь ее оттуда, избавься от нее», – беззвучно шептала она.

На полпути к бачку она выронила скалку. Та ударилась об пол, издав мертвенно-тупой отвратительный звук. Марти не смогла найти в себе силы, чтобы сразу же подобрать скалку. Она пнула ее ногой, и та подкатилась к порогу открытой двери.

Вместе с дождем улегся и ветер, наступил полный штиль, но через открытую дверь в кухню вливалось холодное дыхание сумерек. В надежде, что холодный воздух хоть немного прочистит ее голову, Марти несколько раз глубоко вздохнула, содрогаясь при каждом вздохе.

Нахмурившись, она уставилась на скалку, лежавшую под ногами. Все, что ей нужно было сделать, это просто поднять эту проклятую штуку и бросить ее в мусорный бак, стоявший за порогом. Она не останется у нее в руках дольше, чем секунду-другую.

Нет, конечно же, она не могла причинить кому-нибудь вред. И, даже если ее вдруг обуяет порыв к самоубийству, скалка не была идеальным средством для харакири, хотя, может быть, и лучше, чем резиновый шпатель.

С этой шуточкой она снизошла до того, чтобы брезгливо, двумя пальцами поднять скалку с пола и бросить ее в бачок.

Заглянув в следующий ящик, она обнаружила множество всяких приспособлений, которые, в общем-то, не вызвали у нее тревоги. Сито для муки. Таймер для варки яиц. Давилка для чеснока. Шумовка. Дуршлаг. Ситечко для сока. Сушилка для листьев салата.

Ступка с пестиком. Неприятная штука. Ступка, величиной с бейсбольный мяч, была выдолблена из цельного куска гранита. Ею можно вышибить кому-нибудь мозги. Стать за спиной, размахнуться и с силой опустить, сделав вмятину в черепе.

Ступка должна была покинуть дом сейчас же, прежде чем вернется Дасти или какой-нибудь неосторожный сосед позвонит в дверь.

Пестик казался безопасным, но эти два предмета составляли комплект, и поэтому в бачке оказались оба. Гранит ступки был холодным, и даже после того, как выпустила ее из руки, в ладони осталось мучительно-приятное ощущение прохладной тяжести. Марти знала, что поступила со ступкой совершенно правильно.

Когда она выдвинула очередной ящик, раздался телефонный звонок.

– Дасти? – с надеждой в голосе спросила она.

– Это я, – ответил голос Сьюзен Джэггер.

– О! – мелькнувшая было надежда сменилась разочарованием. Марти постаралась взять себя в руки, чтобы в голосе не было заметно владеющего ею смятения. – Ну, как дела?

– С тобой все в порядке, Марти?

– Да, конечно.

– У тебя странный голос.

– У меня все нормально.

– Ты запыхалась.

– Я как раз только что поднимала кое-что тяжелое.

– Все-таки что-то не так.

– Все так. Не надо пилить меня, Суз. Для этого у меня есть мамочка. Так в чем же дело?

Марти хотелось отключить телефон. У нее оставалось так много дел. Столько кухонных ящиков и шкафов оставались неосмотренными. А ведь всякие опасные предметы, потенциальное оружие, были и в других комнатах. Орудия убийства были рассеяны по всему дому, а ей было необходимо найти их все до единого.

– Знаешь, это несколько неловко... – неожиданно сказала Сьюзен.

– Что?

– Марти, я же не параноик.

– Я точно знаю, что нет.

– Знаешь, он *действительно* иногда приходит сюда; время от времени, по ночам, когда я сплю.

– Эрик?

– Это может быть только он. Конечно, я знаю, что у него нет ключа, что двери и окна заперты, что в квартиру никак нельзя проникнуть, но это не может быть никто другой.

Марти выдвинула ящик рядом с телефоном. Среди других вещей там лежали те самые ножницы, к которым она не смогла прикоснуться немного раньше, когда захотела отрезать скотч.

А Сьюзен продолжала говорить:

– Ты спрашивала меня, откуда я знаю, что он был в доме: вещи передвинуты, запах его одеколona или что-нибудь в таком роде?

Ручки ножниц были покрыты черной резиной, чтобы их было удобнее держать.

– Но, Марти, это куда хуже, чем одеколон. Это жутко... неприлично.

Стальные лезвия были отполированы с внешних сторон, как зеркала, а их режущие поверхности были уныло серыми.

– Марти?

– Да, да, я слушаю. – Она с такой силой прижимала телефонную трубку к голове, что было больно уху. – Так расскажи мне, что это за жуткая вещь.

– Так вот, я знаю, что он бывает здесь потому, что он оставляет свои... пятна.

Одно из лезвий было прямым и острым. На другом были зубцы. Оба были злобно заострены.

Марти изо всех сил старалась не упустить нить разговора, так как ее мысленный взор внезапно заполнился яркими видениями, в которых ножницы двигались, разрезали, наносили раны, пронзали, раздирали...

– Пятна?

– Ну, ты понимаешь...

– Нет.

– Его жидкость...

– Какая жидкость?

На одном лезвии надпись. Над самой осью выгравировано слово «Клик»; возможно, это было просто имя изготовителя, хотя оно странным образом отдавалось в мозгу Марти, будто это было волшебное слово с мистическим погибельным значением, в котором крылась тайная власть.

– Жидкость... капли... – проямлила Сьюзен.

Марти несколько секунд не могла сообразить, о каких это каплях может идти речь, просто не могла воспринять это слово, уловить в нем какой-то смысл, как если бы это было

выдуманное шуточки ради словцо, невзначай сорвавшееся у кого-то с языка. Ее мысли были настолько заняты ножницами, находившимися в ящике, что она никак не могла вникнуть в слова Сьюзен.

– Марти?

– Капли... – повторила Марти. Закрыв глаза, она пыталась изгнать из головы все мысли о ножницах и сосредоточиться на беседе со Сьюзен.

– Сперма, – пояснила Сьюзен.

– Эти пятна?

– Да.

– Так вот как ты узнаешь, что он там бывает!

– Это невозможно, но это происходит.

– Сперма.

– Да.

Клик.

Звук смыкающихся ножниц: *клик-клик*. Но Марти не прикасалась к ножницам. Хотя ее глаза были закрыты, она знала, что инструмент все так же находился в ящике, поскольку не мог оказаться больше нигде. *Клик-клик*.

– Мне страшно, Марти.

– Мне тоже. Боже мой, мне тоже.

Левая рука Марти стискивала телефонную трубку, а правая, пустая, свешивалась вдоль туловища. Ножницы не могли работать по собственной воле, и все же: *клик-клик*.

– Мне страшно, – повторила Сьюзен.

Если бы Марти сама не тряслась от страха и не прилагала столько усилий для того, чтобы скрыть свое состояние от Сьюзен, если бы она была в состоянии как следует сосредоточиться, то, возможно, утверждение Сьюзен не показалось бы ей столь эксцентричным. Но сейчас каждая новая фраза приводила ее все глубже в замешательство.

– Ты сказала – он... оставляет это? Где?

– Ну... понимаешь... На мне.

Чтобы убедить себя в том, что ее правая рука пуста, что в ней нет ножниц, Марти согнула ее и прижала к сильно бившемуся сердцу. *Клик-клик*.

– На тебе? – переспросила Марти. Она сознавала, что Сьюзен делает поистине поразительные утверждения, полные отвратительного смысла, ужасающие своими потенциальными последствиями, но была не в состоянии переключить свое внимание всецело на беды своей подруги, только не под эти адские звуки: *клик-клик, клик-клик, клик-клик*.

– Я сплю в трусиках и футболке, – пояснила Сьюзен.

– Я тоже, – бездумно откликнулась Марти.

– Иногда, когда просыпаюсь, под моими трусиками оказывается это... такая теплая слизь, ты понимаешь?

Клик-клик. Наверно, звук ей мерещится. Марти хотела было открыть глаза, просто чтобы убедиться в том, что ножницы действительно лежат в ящике, но поняла, что полностью потеряет контроль над собою, если еще раз посмотрит на них, и поэтому продолжала держать глаза закрытыми.

– Но я не понимаю как... – сказала Сьюзен. – Это какое-то сумасшествие, тебе не кажется? Я хочу сказать... каким образом?

– Значит, ты просыпаешься...

– И вынуждена менять нижнее белье.

– А ты уверена, что это именно оно? Пятна?

– Это отвратительно. Я чувствую себя грязной, словно меня использовали. Иногда мне приходится лишний раз принимать душ.

Клик-клик. Сердце Марти колотилось, как сумасшедшее, и она твердо знала, что зрелище сверкающих лезвий заставит ее окунуться с головой в самую настоящую панику, которая будет гораздо хуже, чем все, что она успела испытать прежде. *Клик-клик-клик.*

– Но, Суз, помилуй бог, ты хочешь сказать, что он занимается с тобой любовью?

– Никакой любви не бывает.

– Он тебя...

– Насиляет меня. Я знаю, что он все еще мой муж, мы просто разъехались, но это – насилие.

– Но ты не просыпаешься при этом?

– Ты должна верить мне.

– Конечно, родная, я верю тебе. Но...

– Может быть, меня как-то одурманивают?

– Но когда же Эрик мог бы накачать тебя наркотиками?

– Я не знаю. Нет, конечно, это сумасшествие. Натуральный психоз, паранойя. Но это же случается.

Клик-клик.

Не открывая глаз, Марти задвинула ящик.

– Когда ты просыпаешься, – нервно спросила она, – твое нижнее белье надето на тебе?

– Да.

Открыв глаза и глядя на правую руку, с силой стиснувшую ручку ящика, Марти сказала:

– Получается, что он входит, раздевает тебя и насирует. А потом, перед тем как уйти, он снова надевает на тебя футболку и трусики. Но зачем?

– Может быть, для того, чтобы я не догадалась, что он был здесь?

– Но ведь он оставляет следы.

– Больше я никак не могу это объяснить.

– Суз...

– Я знаю, знаю, но я всего-навсего страдаю агорафобией, а не сошла с ума. Помнишь? Ведь ты сама недавно сказала мне это. И, послушай, есть еще кое-что.

Из глубины закрытого ящика донеслось приглушенное *клик-клик.*

– Иногда, – продолжала Сьюзен, – у меня бывают раздражения.

– Что?

– Там, – осторожно сказала Сьюзен, понизив голос. И эта застенчивость куда яснее показывала всю глубину ее тревоги и оскорбления, чем все предыдущие слова. – Он не... ласков.

В ящике ножницы щелкали лезвием о лезвие: *клик-клик, клик-клик.*

Сьюзен перешла на шепот, и казалось, что она говорит откуда-то издалека, словно гигантская волна сорвала ее дом с побережья и унесла в море, и теперь он плыл к далекому и темному горизонту.

– Иногда и мои соски оказываются воспаленными, а один раз на груди обнаружили синяки... пятна, величиной с кончики пальцев, там, где он слишком сильно сжал.

– А Эрик отрицает все это?

– Он отрицает, что бывает здесь. Я не... не обсуждала с ним подробности.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не высказывала ему обвинений.

Правая рука Марти все так же упиралась в ящик, толкая его от себя, будто что-то находившееся в ящике стремилось выдвинуть его наружу. Она нажимала на ручку с такой силой, что почувствовала боль в мышцах.

Клик-клик.

– Суз, побойся бога. Ты считаешь возможным, что он вводит тебе наркотик и трахает тебя во сне, и не сказала ему об этом прямо?

– Я не могу. Я не должна. Это запрещено.

– Как – запрещено?

– Ну, понимаешь ли, не прямо, не в том смысле, что я не могу чего-то делать.

– Нет, не понимаю. Что это за странное слово – *запрещено*. Кем?

– Я не имела в виду, что это запрещено. Сама не знаю, почему я так сказала. Я просто имела в виду... ну, не знаю, что я имела в виду. Я так смущена.

Несмотря на то что собственное волнение все так же мешало Марти сосредоточиться, она все же уловила в словах, которые с таким очевидным трудом подбирала Сьюзен, какую-то чрезмерную запутанность и не пожелала закрыть глаза на эту проблему.

– Кем запрещено? – повторила она.

– Я три раза меняла замки, – сказала Сьюзен вместо ответа на вопрос. Ее голос вновь окреп, но в нем появились резкие нотки возможной истерики, которую она старательно пыталась сдерживать. – И всегда это делали сотрудники различных компаний. Ведь Эрик не может быть знаком с каждым слесарем, ведь правда? И я не говорила тебе об этом до сих пор, потому что боялась показаться ненормальной, но я посыпала подоконники тальком, так что, если бы он каким-то образом проникал через запертые окна, то остались бы следы, отпечатки рук в порошке, какие-нибудь другие следы, но по утрам тальк всегда оставался нетронутым. И еще я подсовывала кухонный стул под дверную ручку, так что даже если у этого ублюдка есть ключ, то он не мог бы открыть дверь, и на следующее утро стул всегда находился там, куда я его ставила, и все равно его *пятна* оказываются на мне, в моих трусиках, и у меня появляются раздражения, и я знаю, что меня имели, грубо, жестоко, я *знаю* это и снова и снова моюсь самой горячей водой, такой, что она иногда обжигает мне кожу, но так и не могу отмыться дочиста... Я больше не смогу почувствовать себя по-настоящему чистой. О боже, порой я думаю, что мне нужно изгнать дьявола – понимаешь? – нужно, чтобы сюда пришли священники и помолились обо мне, священники, которые на самом деле верят в существование дьявола, если, конечно, сегодня еще есть такие, со святой водой и распятиями, кадилами, потому что происходит нечто, противоречащее любой логике, нечто по-настоящему сверхъестественное, да, вот именно, *сверхъестественное*. И конечно, сейчас ты думаешь, что я настоящая сумасшедшая, но на самом деле я вовсе не такова, Марти, нет. Я совершенно запачкана, да, это так и есть, но это не имеет отношения к агорафобии, со мной это действительно происходит, и я не могу так дальше жить, просыпаться и обнаруживать... Это ужасно, отвратительно. Это губит меня, но я не знаю, что, черт возьми, делать. Я чувствую полную беспомощность, Марти, я настолько беззащитна!

Клик-клик.

Правая рука Марти болела теперь от запястья до плеча, поскольку она всем своим весом, всей силой нажимала на ящик. Ее зубы были крепко стиснуты.

Яркие иглы протягивали горячие нити боли сквозь ее шею, и, благодаря этой боли, в ее растрепанные от растерянности мысли вернулось некоторое подобие упорядоченности. По правде говоря, ее беспокоило вовсе не то, что нечто вырвется из ящика. Ножницы не могли чудесным образом ожить наподобие тех метелок, которые досаждали ученику чародея в фантазии Диснея. Отчетливый сухой звук – *клик-клик* – раздавался только в ее сознании. На самом деле она не боялась ни ножниц, ни скалки, не боялась ни ножей, ни вилок, ни штопора, ни приспособления для шелушения початков, ни термометра для мяса. Уже в течение нескольких часов она знала истинный объект своего ужаса, и на протяжении сегодняшнего странного дня это знание уже не раз мелькало в ее сознании, но до сих пор она еще не глядела этому знанию прямо в лицо, не отводя глаз. Единственной угрозой, заставлявшей ее съеживаться от страха, была она сама, Мартина Юджиния Родс. Она боялась самое себя,

не ножей, не молотков, не ножниц, а именно *себя*. Она с неколебимым упорством держала ящик закрытым, потому что была уверена, что в противном случае выдвинет его, выхватит из него ножницы, и – за отсутствием другой жертвы – нанесет себе жестокие раны сверкающими остриями.

– Ты здесь, Марти?

Клик-клик.

– Марти, что мне делать?

Голос Марти дрожал от сострадания, от мучительных переживаний за свою подругу, но также и от страха за себя и страха перед собою.

– Суз, это дерьмовая страшилка, это сверхъестественнее, чем колдовство. – Она вся промокла от холодного пота, словно только что вышла из моря. *Клик-клик.* Ее рука, плечо и шея болели настолько сильно, что глаза наполнились слезами. – Послушай, мне необходимо немного пошевелить мозгами по поводу всех этих вещей, прежде чем я сама пойму, как тебе помочь, и смогу посоветовать тебе, что делать.

– Все, что я рассказала тебе, правда.

– Я не сомневаюсь в этом, Суз.

Ей невыносимо хотелось бросить трубку телефона. Ей нужно было уйти от ящика, уйти от ножниц, которые ждали в нем, потому что она не могла убежать от порыва к насилию, пробудившегося в ней самой.

– Это действительно происходит, – настаивала Сьюзен.

– Я знаю это. Ты полностью убедила меня. Именно поэтому я должна как следует разобраться в этом. Ведь это же так странно. Нам необходимо быть осторожными, убедиться в том, что мы поступаем правильно.

– Я боюсь. Я здесь совершенно одинока.

– Ты не одинока, – заверила Марти; ее голос начал срываться, он теперь не просто дрожал, она уже начала заикаться и взвизгивать. – Я не позволю тебе быть одинокой. Я перезвоню тебе.

– Марти...

– Я подумаю об этом, хорошо обдумаю...

– ...если что-то происходит...

– ...вычислю, что лучше всего сделать...

– ...если со мною что-то происходит...

– ...я перезвоню тебе...

– ...Марти...

– ...скоро перезвоню тебе.

Она повесила трубку и в первый момент не могла заставить себя выпустить ее, настолько занемели пальцы. Когда же наконец она смогла их расслабить, кисть осталась полусогнутой, как будто все так же держала призрачную трубку.

Отцепляя пальцы от ящика, Марти содрогнулась: всю ее правую руку пронзил судорожный спазм. На внутренней стороне фаланг пальцев, словно в мягкой глине, четко отпечатался след от ручки, а кисть болела так, словно красная вмятина в плоти задела и лежащие под нею кости.

Она попятилась от ящика. И пятилась до тех пор, пока не уперлась спиной в холодильник. Внутри негромко звякнули стукнувшиеся одна о другую бутылки.

Одна из них была полупустая бутылка «Шардоннэ», оставшаяся после вчерашнего обеда. Винная бутылка сделана из толстого стекла, особенно в основании, где отлита перевернутая воронка, вокруг которой собирается осадок. Твердая. Тупая. Удобная. Ею можно размахнуться, как дубинкой, и расколоть чей-нибудь череп.

А *разбитая* винная бутылка может стать совершенно убийственным оружием. Ее нужно держать за горлышко, направив вперед острые осколки. Вонзить их в лицо ничего не подозревающего человека, пронзить ему горло.

Удары сердца Марти, отдававшиеся во всем теле, казалось ей, звучали громче, чем грохот двери, которую захлопывает нетерпеливая рука.

Глава 23

– Анализ мочи не может солгать, – сказал доктор Донклин.

Валет на своем сторожевом посту около двери поднял голову и встряхнул ушами, как будто соглашался с ним.

Скит, к которому теперь были подключены провода электрокардиографического аппарата, все так же пребывал во сне, настолько глубоко, что казалось, будто все жизненные процессы в нем приостановились, как после глубокого охлаждения организма.

Дасти наблюдал за зеленым узором, рисовавшимся в окошке осциллографа монитора сердечной деятельности. Пульс его брата был медленным, но ровным, без всяких признаков аритмии.

Клиника «Новая жизнь» не являлась ни больницей, ни диагностическим центром. Однако из-за изощренной сообразительности и склонности к саморазрушению многих ее пациентов в ней по необходимости имелось сложное и совершенное оборудование, с помощью которого можно было провести быстрый и достаточно точный анализ телесных жидкостей на предмет наличия в них наркотиков.

Анализы крови Скита, взятые у него при поступлении, показали, из чего состоял тот химический коктейль, с которого он начал день: метамфетамин, кокаин, ДМТ. Мет и кокс были возбуждающими препаратами, а ДМТ – диметилтриптами́н – синтетическим галлюциногеном, близким к псилосибину, который, в свою очередь, являлся кристаллическим алкалоидом и добывался из гриба *Psilocybe mexicana*. Такой завтрак явно был не так полезен, как овсянка и апельсиновый сок.

Исследование самого последнего анализа крови, взятого в то время, когда Скит погрузился в свой похожий на кому сон, еще не было закончено. Однако анализ взятой катетером мочи показал, что в организм не поступило никаких новых наркотиков, да к тому же и метамфетамин, и кокаин, и ДМТ успели в значительной степени разложиться в организме. По крайней мере, в настоящее время он уже не увидел бы ангела смерти, который уговорил его спрыгнуть с крыши дома Соренсонов.

– То же самое мы увидим и в повторном анализе крови, – предсказал Донклин. – Потому что так оно и есть, моча не лжет. Или, как говорят неспециалисты, пи-пи – правду говори, или же струя не гнется.

Дасти подумал, что интересно, была ли эта непочтительная манера поведения у постели больного свойственна этому врачу, когда он имел свою собственную практику, или же он принял этот стиль уже после отставки, поступив на службу в «Новую жизнь».

Моча была также исследована на мочевые цилиндры, альбумин и сахар. Результаты не подтвердили наличия диабетической или уремической комы.

– Если новый анализ крови ничего не прояснит, – сказал доктор Донклин, – то мы, вероятно, предложим перевести его в больницу.

* * *

В холодильнике, к которому прислонилась Марти, постепенно замирал перезвон стекла.

От боли в сведенных судорогой руках у нее на глазах выступили крупные слезы. Она размазала их рукавами блузки, но тем не менее перед глазами у нее все продолжало расплываться.

Ее пальцы были согнуты, как будто она пыталась вцепиться в противника или удержаться на ненадежном выступе. Сквозь соленую пелену слез ее собственные руки казались ей угрожающими руками демона из кошмарного сновидения.

Возникшее перед мысленным взором и никак не желавшее тускнеть видение винной бутылки с отбитым донышком настолько напугало ее открывшейся вместе с нею тягой к насилию, проявлением ее неосознаваемых намерений, что она не могла пошевелиться, как парализованная.

Действовать. Так ее наставлял отец. Одна надежда – на действие. Но она была не в состоянии ясно мыслить, проанализировать, а потом обдуманно выбрать верный и наиболее эффективный путь действия.

Но, так или иначе, она действовала, потому что в противном случае она лежала бы на полу, сжавшись в комок, как какая-нибудь мокрица, и оставалась бы в такой позе до тех пор, пока Дасти не вернется домой. А к моменту его прихода она бы настолько глубоко ушла в свою столь неприятную новую сущность, что уже никогда не смогла бы распрямиться.

Итак, теперь набраться решимости. Оттолкнуться от холодильника. Пересечь кухню. Подойти к шкафу, от которого она отступила лишь несколько секунд тому назад.

Пальцы стискивают ручку. *Клик-клик.* Ящик выдвигается. Сверкающие ножницы.

Марти чуть не сдалась, увидев сверкающие лезвия, чуть не растеряла всю свою хрупкую решимость.

Действовать. Вон их из шкафа вместе с проклятым ящиком. Прочь! Это труднее, чем она ожидала.

Скорее всего, ящик не был на самом деле настолько тяжелым, каким казался Марти; он был тяжел лишь потому, что для нее ножницы обладали куда большим весом, нежели тот, что измерялся в граммах. Психологическим весом, моральным весом, весом устремленной к злу цели, скрывающейся в стали.

Теперь к открытому черному ходу. Там стоит мусорный бачок.

Она держала ящик на вытянутых руках, намереваясь вытряхнуть все его содержимое в бак. Но по дороге ножницы сталкивались с другими предметами, и этот звук так ее встревожил, что она бросила в бак весь ящик вместе с его содержимым.

* * *

Когда Том Вонг принес в комнату Скита результаты последнего анализа крови, предсказание доктора Донклина полностью сбылось. Тайна состояния Скита осталась нераскрытой.

Мальчишка в течение нескольких последних часов не глотал никаких наркотиков. В крови имелись лишь остатки того, что он сожрал утром.

Показатель количества лейкоцитов, который оказался нормальным, и нормальная температура – оба эти признака напрочь опровергали версию о том, что он мог стать жертвой острого инфекционного воспаления мозга. Или любой другой инфекции.

Если бы дело было в пищевом отравлении, например, ботулиновом, то коме предшествовала бы рвота, боль в животе и, вероятнее всего, еще и понос. Но Скит ни на что подобное не жаловался.

И, хотя конкретные причины апоплексии оставались непонятными, следовало отказаться от возможности мозгового кровоизлияния, эмболии и тромбоза.

– Этот случай уже не для нашей лечебницы, – решил, наконец, доктор Донклин. – Куда бы вы предпочли, чтобы мы его перевели отсюда?

– В больницу Хозг, – откликнулся Дасти, – если, конечно, у них есть место.

– Смотрите, что здесь творится! – воскликнул Том Вонг, указывая на электрокардиограф.

Поскольку надоедливый зуммер на аппарате ЭКГ был выключен, ни Дасты, ни Донклин не заметили, что частота пульса Скита увеличилась. Зеленые синусоиды и цифровое табло указывали на то, что она равнялась уже не сорока шести ударам в минуту, а пятидесяти четырем.

Внезапно Скит зевнул, потянулся и открыл глаза. Частота сокращений его сердца составляла уже шестьдесят ударов в минуту и продолжала постепенно возрастать.

Скит повернулся к Тому Вонгу, доктору Донклину, Дасте и подмигнул им:

– Эй, у вас тут что, вечеринка?

* * *

Открытая бутылка «Шардоннэ», две нераспечатанные бутылки «Шабли» – в помойку.

Комната для стирки полна кошмарного оружия. Бутылка слепящего, удушающего аммиака. Отбеливатель для белья. Средство для сухой химчистки на щелочной основе. Все в помойку.

Она вспомнила о спичках. Они в кухонном шкафу. В высокой жестяной банке из-под бисквитов. Несколько картонок с бумажными спичками. Коробки, полные коротких деревянных спичек, кучка спичек десятидюймовой длины, предназначенных для того, чтобы поджигать плавающие фитили в длинношеих масляных лампах.

Если человек способен на то, чтобы изуродовать разбитой винной бутылкой лицо невинной жертвы, если человек настолько опасен, что без всякого раскаяния может воткнуть автомобильный ключ в глаз любимому человеку, то никакие моральные принципы не мешают ему поджечь свой или чей-то еще дом.

Марти, не открывая, швырнула коробок со спичками в бачок. Послышался негромкий сухой стук наподобие того звука, каким рассерженная гремучая змея предупреждает о нападении.

Быстрая вылазка в гостиную. Столько дела, столько дела. Газовый камин, сделанный из очень похожих на настоящие керамических бревен. На каминной полке лежит зажигалка для газа, работающая от батареек.

Вновь вернувшись к открытой кухонной двери, чтобы бросить в помойку каминную зажигалку, Марти вдруг взволновалась из-за того, что могла открыть газ в камине. У нее не было никаких причин так поступать, она не помнила, чтобы сделала это, но не доверяла себе.

Не *смела* доверять себе.

Если она полностью открыла газовый кран, то гибельная струя природного газа затопит все комнаты первого этажа в минуту или два. И тогда любой искры будет достаточно для того, чтобы вызвать мощный взрыв, который полностью уничтожит дом.

Скорее назад, в гостиную. Как перепуганный герой из компьютерной игры, которого швыряет от одной опасности к другой.

Запаха тухлого яйца нет.

Шипения уходящего газа тоже нет.

Головка газового крана торчала из стены возле очага. Ее нельзя было повернуть без особого ключа, и этот медный ключ лежал рядом, на каминной доске.

Слегка успокоившись, Марти вышла из комнаты. Но не успела она вернуться на кухню, как к ней, словно тема в музыкальной фуге¹⁹, вновь вернулось опасение: а не могла ли она открыть газ *после* того, как убедилась в том, что он перекрыт?

¹⁹ Фуга – не только музыкальный термин. В психиатрии он имеет значения – бегство, бессознательное бродяжничество

Но ведь это просто смешно. Она не могла провести всю оставшуюся часть жизни, выскакивая из гостиной и вновь вбегая туда, в бесплодных и непрерывных проверках камина. У нее никогда не было временной потери памяти, затмений сознания, во время которых она совершала какие-либо диверсии...

По непонятной для нее причине Марти вдруг вспомнила о второй комнате ожидания в офисе доктора Аримана, в которой читала роман, пока Сьюзен находилась на сеансе психотерапии. Прекрасное место для чтения. Нет окон. Нет раздражающего музыкального фона. Ничего не отвлекает.

Комната без окон. Но разве она не стояла у огромного окна, глядя на серую пелену дождя, закрывающую побережье?

Нет, это же была сцена из книги, которую она читала.

– Это настоящий триллер, – вслух сказала она, хотя в комнате никого больше не было. – Хороший язык, интересный сюжет, а персонажи – яркие и живые. Роман мне очень понравился.

Сейчас, находясь в кухне, где все было перевернуто вверх дном, она почувствовала резкую тревогу от ощущения потерянного времени. Она ощущала зловещий промежуток, в течение которого произошло что-то ужасное.

Посмотрев на наручные часы, она была удивлена, увидев, что уже так поздно – 5.12 пополудни. День истек вместе с дождем.

Она не знала, когда она впервые вошла в гостиную, чтобы осмотреть камин. Возможно, минуту назад. А возможно, две, или четыре, или десять минут назад.

В открытую дверь черного хода дышала ночь начала зимы. Марти не могла вспомнить, видела ли она темноту в окнах гостиной, когда находилась там. Если в этом дне существовал провал времени, то он *должен* был случиться именно тогда, когда она находилась в той комнате, у камина.

Марти поспешила в переднюю часть дома, и место, по которому она пробегала, было хорошо знакомо ей, но при этом сильно отличалось от того, каким было этим утром. Ничего теперь не было совершенно прямоугольным или квадратным, все приобрело какие-то текущие формы и стало почти треугольным, почти шестиугольным, криволинейным. Потолки, прежде ровные, получили легкий уклон. Она могла поклясться, что пол качается под нею, будто палуба лавирующего судна. Неодолимая тревога, которая, как ей казалось, деформировала ее умственные процессы, порой преображала физический мир в странные формы, хотя она знала, что эта ирреальная пластичность была мнимой.

В гостиной – нет шипения; газ не уходит. Запаха газа тоже нет.

Ключ лежит на каминной доске. Она не прикасалась к нему. Пристально глядя на эту блестящую медную штуку, Марти отступила от камина и прошла, пятясь, между креслами и диваном вон из комнаты.

Выйдя в прихожую, она поглядела на часы. Пять тринадцать. Минута прошла. А потери времени не произошло. И никаких признаков фуги не было заметно.

В кухне, пытаясь справиться с охватившей ее неодолимой дрожью, она снова посмотрела на часы. Все те же 5.13. Она в порядке. У нее не было затмения сознания. Она не могла в состоянии фуги вернуться в гостиную и включить газ. Перед ее глазами изменилась одна из цифр: 5.14.

Дасти в своей записке обещал приехать домой к пяти часам. Он опаздывал. Дасти обычно бывал точен. Он выполнял свои обещания.

– Боже, прошу тебя, – сказала она и была сама потрясена патетическим звучанием своего голоса и чувствовавшейся в нем горькой дрожью, из-за которой слова звучали иска-

женно, – приведи его домой. Боже, боже, умоляю тебя, ну, пожалуйста, пожалуйста, помоги мне, пожалуйста, приведи его сейчас домой.

Когда Дасти вернется, он введет свой фургон в гараж и поставит его рядом с ее «Сатурном».

Это плохо. Гараж был опасным местом. Там в бесчисленном количестве хранились острые инструменты, смертельно опасные машины, ядовитые вещества, огнеопасные жидкости.

Она должна оставаться в кухне и ждать его здесь. В гараже с ним ничего не случится, если ее там не будет, когда он приедет. Острые инструменты, яды, горячее – все это не опасно. Реальной опасностью, единственной угрозой, была она сама, Марти.

Из гаража он войдет прямо в кухню. Она должна убедиться, что убрала отсюда все, что могло бы послужить оружием.

И все же продолжать эти поиски острых и твердых предметов, ядовитых веществ было явным безумием. Она никогда не сможет причинить вред Дасти. Она любит его больше жизни. Она сама умерла бы за него, если бы узнала, что он может умереть из-за нее. Нельзя убить того, кого так сильно любишь.

Однако эти бессмысленные страхи все больше и больше заражали ее, растворялись в ее крови, пронизывали ее кости, как сонмы бактерий, осаждали ее разум, и она с каждой секундой ощущала, что заболевает все тяжелее и тяжелее.

Глава 24

Скит сидел в кровати, опершись спиной на подушки. Он был бледен, глаза ввалились, губы были совершенно серыми, и все же в нем ощущалось трагическое достоинство побежденного, словно он представлял собой не просто песчинку из легиона потерянных душ, блуждавших по руинам этой разрушающейся культуры, а был неким угасающим от чахотки поэтом, живущим в далеком прошлом, которое представляло собой более невинное время, нежели это новое столетие. И, возможно, этот поэт лечился от туберкулеза в частном санатории и боролся не против своих собственных пагубных пристрастий, не против сотни лет существования мертвенных философий, отказывающих человеческой жизни в цели и смысле, а всего-навсего против злокозненных бактерий. Его колени прикрывал больничный поднос, прикрепленный к кровати.

Со стороны можно было подумать, что Дасти, стоя у окна, внимательно глядит на вечернее небо, возможно, пытаясь прочесть свою судьбу в контурах низко нависших облаков. Разбухшие брюха грозowych туч казались отделанными золотой филигранью – это в них отражалось море искусственного света, заливавшего пригород, над которым они проплывали.

Но на самом деле ночь превратила стекло в черное зеркало, в котором Дасти мог внимательно разглядывать бесцветное отражение Скита. Он рассчитывал таким образом увидеть, если его брат сделает что-нибудь непонятное и показательное для его состояния, чего не стал бы делать, зная, что за ним наблюдают.

Это было странное и какое-то параноидальное ожидание, но ощущение его необходимости застряло в мозгу Дасти, как колючая заноза, которую он никак не мог вытащить. Этот непонятный день завел его глубоко в лес подозрений; они были бесформенными и беспредметными, но тем не менее тревожными.

Скит с наслаждением поедая ранний обед: томатный суп с базиликом, приправленный тертым пармезаном, и цыпленок с соусом из чеснока и розмарина с жареным картофелем и спаржей. Блюда, которые подавали в «Новой жизни», были куда лучше, чем в обычных больницах, хотя твердая пища оказалась порезанной на мелкие кусочки – ведь Скит находился под наблюдением в связи с его порывами к самоубийству.

Валет, сидя на кресле, глядел на Скита с интересом завязанного гурмана. Однако он был воспитанным псом и, хотя время его обеда давно прошло, не выпрашивал кусочков.

– Уже несколько недель так не ел, – заявил Скит, набив полный рот курятиной. – Похоже, что ничего так не способствует аппетиту, как прыжок с крыши.

Мальчишка был настолько тощ, что казалось, будто он занимался похуданием сразу по нескольким рецептам для супермоделей и заработал на этом деле булимию²⁰. Глядя на него и представляя себе, насколько должен был съежиться его желудок от многодневного голодания, было трудно предположить, что туда может вместиться все то, что он уже поглотил.

Все еще прикидываясь, что вычитывает предзнаменования в облаках, Дасти сказал:

– Ты, похоже, заснул только потому, что я тебе велел.

– Ты что? Знаешь, братец, это что-то новенькое. С этого времени я делаю все, что ты пожелаешь.

– Ну-ну...

– Вот увидишь.

Дасти сунул правую руку в карман джинсов и прикоснулся к сложенным листкам из блокнота, которые нашел в кухне Скита. Он подумал было вновь взяться за выяснение

²⁰ Болезненно сильное и трудноутолимое чувство голода.

вопроса насчет доктора Ена Ло, но интуиция подсказала ему, что звучание этого имени могло бы спровоцировать еще один приступ ступора, который будет сопровождаться таким же безнадёжным бессмысленным диалогом, как тот, что они уже вели здесь. Вместо этого он произнес:

– Легкий порыв.

Как было видно в окне-зеркале, Скит даже не оторвал взгляда от тарелки.

– Что?

– И волны разносят.

На этот раз Скит поднял голову, но ничего не сказал.

– Голубые сосновые иглы, – продолжал Дасти.

– Голубые?

– Это для тебя имеет какой-нибудь смысл? – спросил Дасти, отворачиваясь от окна.

– Сосновые иглы зеленые.

– Я полагаю, что бывают и голубовато-зеленые.

Полностью очистив тарелку, Скит отодвинул ее и взял десертную чашку со свежей клубникой с густыми сливками и желтым сахаром.

– Мне кажется, что я это уже где-то слышал.

– А я так просто уверен в этом. Потому что я услышал это от тебя.

– От меня? – Скит, похоже, искренне удивился. – Когда?

– Раньше. Когда ты был... не в себе.

Неторопливо просмаковав обильно политые сливками ягоды, Скит сказал:

– Это рок. Мне было бы крайне неприятно думать, что в моих генах заложена литературщина.

– Это загадка? – спросил Дасти.

– Загадка? Нет. Это стихи.

– Ты пишешь стихи? – не скрывая недоверия, спросил Дасти. Он хорошо знал, насколько усердно Скит старался избегать любого контакта с тем миром, в котором обитал его отец, профессор литературоведения.

– Это не мои, – ответил Скит. Он как маленький, высунув язык, тщательно слизывал с ложки остатки сливок. – Я не знаю, как зовут поэта. Кто-то из древних японцев. Это хокку. Наверно, я где-нибудь прочел его, а потом оно прилипло.

– Хокку, – повторил Дасти, безуспешно пытаясь найти полезное значение этой новой информации.

Размахивая ложкой, словно дирижерской палочкой, Скит, тщательно расставляя ударения, продекламировал:

Легкий порыв —
И волны разносят
Голубые сосновые иглы.

Обретя связи между собой, ударения и размер, эти восемь слов уже не воспринимались как бессмысленная тарабарщина.

На память Дасти вдруг пришла картинка с оптической иллюзией, которую он как-то, много лет назад, увидел в журнале. Это был карандашный рисунок, изображавший плотно сомкнувшиеся ряды деревьев – сосны, ели, березы, осины, – высокие, мощные, похожие друг на друга, и все это было озаглавлено «Лес». Пояснительная надпись утверждала, что эта лесистая местность скрывала более сложную сцену, которую можно было разглядеть, отрешившись от предвзятости, заставив себя забыть слово «лес» и исхитрившись посмотреть сквозь лежащий на поверхности образ на другую панораму, очень сильно отли-

чающуюся от изображения леса. Были люди, которым, для того чтобы постигнуть второе, потаенное изображение, требовалось лишь несколько минут, тогда как другие бились над разгадкой больше часа. Безуспешно вглядываясь в картинку на протяжении десяти минут, Дасти в конце концов отодвинул журнал – и тогда краешком глаза увидел спрятанный город. Когда же потом он снова прямо посмотрел на рисунок, то увидел большой столичный город в готическом стиле, где каменные дома теснили друг друга; темные лесные тропинки между стволами деревьев превратились в узкие улицы, погруженные в глубокий полумрак, стиснутые рукотворными холодными серыми скалами, вздымавшимися к суровому небу.

Точно так же и эти восемь слов обрели новое значение в тот же миг, когда Дасти услышал их как хокку. Образ, созданный поэтом, был совершенно ясным. «Легкий порыв» – это дуновение ветра, срывающего сосновые иглы с деревьев и бросающего их в море. Это было точное и пробуждающее воспоминания наблюдение из жизни природы, которое, если вдуматься, конечно же, обладает многочисленными метафорическими значениями, подходящими для того или иного состояния человека.

Поэтический образ, однако, не был единственным значением, которое можно было найти в этих трех коротких строчках. У них имелась и другая интерпретация, которая была чрезвычайно важна для Скита, когда он пребывал в своем непонятном трансе, но теперь он, казалось, забыл об этом. Тогда он назвал каждую строчку правилом, хотя он не мог внятно объяснить, какое поведение, действие или игру эти загадочные правила определяли.

Дасти подумал, не присесть ли ему на краешек кровати брата и продолжить расспросы. Однако его сдерживало опасение того, что Скит под нажимом мог снова отступить в свое полукататоническое состояние и уже не выйти из него так же легко, как в первый раз.

Кроме того, они оба провели тяжелый день. Скит, несмотря на то что поспал и рано пообедал, вероятно, чувствовал себя почти таким же усталым, как и Дасти, который ощущал себя так, словно его выстирали, прокипятчили и выжали.

* * *

Лопата.

Кирка.

Топор.

Молотки, отвертки, пилы, сверла, плоскогубцы, ключи, целая горсть длинных стальных гвоздей.

Хотя кухня еще не превратилась в совершенно безопасное место, да и другие комнаты в доме необходимо было тоже осмотреть и очистить, Марти не могла перестать думать о гараже, мысленно перечисляя многочисленные орудия пытки и убийства, которые находились в нем.

В конце концов она оказалась не в силах придерживаться своего твердого решения не входить в гараж и избегать риска находиться там, среди его острых соблазнов до тех пор, пока Дасти рано или поздно не вернется домой. Она открыла дверь из кухни, нащупала выключатель и зажгла люминесцентные лампы на потолке.

Как только Марти перешагнула через порог, ей в глаза бросился щит, на котором был укреплен набор садовых инструментов, о которых она совершенно забыла. Совки и лопатки. Ножницы, большая лопата. Секатор с пружиной и лезвиями, покрытыми тефлоном. Электрическая машинка на батарейках для подрезки живых изгородей.

Кривой садовый нож.

* * *

Скит с шумом возил ложкой по десертной чашке, выскребая из нее последние следы сливок и сахара.

И, словно на звук ложки, постукивавшей по фаянсу, явилась новая сиделка, которой предстояло наблюдать за Скитом ночью. Ее звали Жасмина Эрнандес, миниатюрная, хорошенькая для своих тридцати с небольшим лет, с глазами цвета иссиня-черной сливы. В ее облике сочетались таинственность и чистота. Ее униформа сияла белизной и свежестью, и при этом она казалась воплощением профессионализма, хотя красные тапочки с зелеными шнурками намекали – и не без основания, как это выяснилось почти сразу же – на некоторую игривость характера.

– Ой, какая же вы маленькая, – воскликнул, увидев ее, Скит и подмигнул Дасти. – Жасмина, я не представляю, как вы сможете остановить меня, если я попытаюсь покончить с собой.

Сиделка отцепила поднос от кровати, поставила его на тумбочку и серьезно ответила:

– Послушайте, стрекотунчик, если для того, чтобы уберечь вас от подобного поступка, потребуется переломать вам все кости и с головы до пят запеленать в гипс, то я смогу это сделать.

– Святое дерьмо, – воскликнул Скит, – где вы учились медицине – в Трансильвании?

– Еще хуже. Меня учили монахини из ордена Сестер Милосердных. И предупреждаю вас, стрекотунчик, что я не потерплю никаких ругательств во время моего дежурства.

– Простите, – сказал Скит с искренним раскаянием. Но ему все же хотелось еще поддразнить свою опекуницу. – А что делать, если мне нужно будет пойти пи-пи?

Жасмина, потрепывая уши Валета, заверила:

– У вас не может быть ничего такого, что мне не приходилось бы уже видеть, хотя уверена, что я видела кое-что побольше.

Дасти улыбнулся Скиту.

– Ты, пожалуй, правильно поступишь, если теперь будешь говорить только: «Да, мэм».

– А что значит «стрекотунчик»? – поинтересовался Скит. – Вы же не станете давать мне дурных прозвищ, не так ли?

– «Стрекотунчик» – это колибри, – объяснила Жасмина Эрнандес, ловко засунув электронный термометр в рот Скиту.

– Так, значит, вы называете меня колибри? – смиренно спросил Скит. Поскольку во рту у него был термометр, его слова звучали невнятным бормотанием.

– Стрекотунчиком, – подтвердила сиделка.

Со Скита давно уже сняли датчики электрокардиографа, так что она приподняла его костистое запястье и посчитала пульс.

Еще один щемящий импульс беспокойства, холодный, как стальное лезвие между ребрами, скользнул в душе Дасти, но он не мог определить его причину. И чувство это не показалось ему новым. Это было то же самое неопределенное подозрение, которое ранее подтолкнуло его на то, чтобы следить за отражением Скита в темном окне. Что-то здесь было не так, но необязательно со Скитом. Его подозрение переключилось на место, в котором они находились, на клинику.

– Колибри – симпатичные птички, – сказал Скит Жасмине Эрнандес.

– Держите термометр под языком, – предупредила она.

Но он продолжал бормотать:

– А я вам кажусь симпатичным?

– Вы привлекательный мальчик, – сказала она, словно могла видеть Скита таким, каким он был прежде – здоровым, со свежим цветом лица и ясными глазами.

– Колибри очаровательны. Они – свободные духи.

Сиделка считала пульс Скита.

– Действительно, стрекотунчик – симпатичная, очаровательная, свободная, незаметная птичка, – ответила она, не сводя глаз с циферблата своих часов.

Скит поглядел на брата и закатил глаза.

Если сейчас в этом месте и с этими людьми что-то было не так, то Дасти был не в состоянии определить что. Даже незаконнорожденному сыну мисс Марпл от Шерлока Холмса пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы найти серьезное основание для того подозрения, которое тревожило нервы Дасти. Его обостренная чувствительность, скорее всего, являлась результатом усталости и его тревоги за Скита, и, пока он не отдохнет, ему не стоило доверять своей интуиции.

– Я тебя предупреждал. Два слова: да, мэм. Так ты ничего не сможешь ляпнуть. Да, мэм, – сказал Дасти в ответ на гримасы брата.

Как только Жасмина отпустила запястье Скита, цифровой термометр запищал, и она вынула его изо рта пациента.

Дасти подошел поближе к кровати.

– Пора прощаться, Малыш. Я обещал Марти, что мы отправимся куда-нибудь пообедать, и уже опаздываю.

– Всегда выполняй то, что обещал Марти. Она особенная.

– А разве в ином случае я женился бы на ней?

– Я надеюсь, что она не ненавидит меня, – сказал Скит.

– Эй, не говори глупостей.

В глазах Скита мерцали непролившиеся слезы.

– Я люблю ее, Дасти, ты знаешь. Марти всегда так хорошо относилась ко мне.

– Она тоже любит тебя, Малыш.

– Это чертовски малочисленный клуб – Люди, Которые Любят Скита. А вот Люди, Которые Любят Марти, – теперь в нем больше народу, чем в Ротари, Киванисе и Оптимист-клубе, вместе взятых.

Дасти не мог придумать никакого успокоительного ответа, потому что замечание Скита было, бесспорно, верным.

Однако Малыш говорил не от жалости к себе.

– Дружище, это груз, который я не хотел бы нести. Понимаешь? Когда люди любят тебя, то они чего-то ожидают от тебя, а потом у тебя появляются обязанности. Чем больше людей любит тебя, тем больше и больше их потом становится, и это никогда не кончается.

– Тяжело переносить любовь, да?

– Любовь тяжела, – кивнул Скит. – Иди, иди, отправляйтесь с Марти пообедать в хорошее место. Стокан вина... Скажи ей, насколько она прекрасна.

– Увидимся завтра, – пообещал Дасти, поднимая поводок Валета и пристегивая его к ошейнику собаки.

– Ты найдешь меня здесь, – откликнулся Скит. – Я буду в гипсе с головы до пят.

Когда Дасти с Валетом выходил из комнаты, Жасмина подошла к кровати с тонометром.

– Я должна измерить ваше давление, стрекотунчик.

– Да, мэм, – покорно согласился Скит.

Снова пронзительное чувство того, что все идет не так, как надо. Не обращай внимания. Это усталость. Это воображение. Все это пройдет, если выпить стакан вина, глядя на лицо Марти.

Они прошли через холл к лифту. Когти Валета негромко постукивали по пластиковым плиткам, выстилавшим пол.

Медицинские сестры и сиделки улыбались, глядя на ретривера.

– Эй, собачка!

– Какой красивый мальчик!

– Ты милашка, правда?

В лифте Дасти и Валет спускались в обществе санитара, который знал, где на ухе у собаки находится та точка, при поглаживании которой в собачьих глазах появляется блаженное выражение.

– У меня самого была такая же золотая. Славная девочка по имени Сэсси. Она заболела раком, пришлось усыпить ее с месяц тому назад. – На слове «усыпить» его голос заметно дрогнул. – Не мог заставить ее ловить тарелки «фрисби», зато за теннисными мячами она готова была гоняться хоть целый день.

– Он тоже, – сказал Дасти. – Если ему бросить подряд два мяча, он не выпустит первый; принесет оба и выглядит при этом так, словно у него тяжелый случай свинки. Вы возьмете нового щенка?

– Не сразу, – ответил санитар. Это означало, что ему нужно переждать до тех пор, пока боль от потери Сэсси станет не такой острой, как сейчас.

На первом этаже, в комнате отдыха, примыкавшей к вестибюлю, десятка полтора пациентов, сидя за столами по четыре человека, играли в карты. Их разговоры и беззаботный смех, пощелкивание тасующихся карт, сочный звук свингующей трубы, исполнявшей по радио старую мелодию Гленна Миллера, создавали ощущение такого уюта, что можно было принять это общество за компанию друзей, собравшихся в сельском клубе, церковном зале или чьем-то доме, а не сведенных вместе несчастливой судьбой людей с подорванным здоровьем и разрушенной психикой. Это были обеспеченные представители среднего класса, бедняги, которые глотали, нюхали, кололи все подряд: курили крэк, прикладывались к снежку, смотрели амфетаминовые сны, закусывали кактусами... Стенки их вен были изрыты дырками от уколов сильнее, чем головка лучшего швейцарского сыра.

За столом рядом с передней дверью находился пост охранника. Его основная задача состояла в том, чтобы в случае преждевременного отъезда какого-нибудь особо упрямого пациента позвонить членам его семьи или судебским чиновникам, в зависимости от специфики каждого случая.

В эту смену за столом сидел человек лет пятидесяти, в брюках хаки, светло-голубой сорочке, красном галстуке и темно-синей спортивной куртке. Он читал роман. На прицепленной к груди карточке сообщалось, что его зовут Уолли Кларк. Пухлый, с ямочками на щеках, гладко выбритый, испускающий слабый пряный аромат лосьона после бритья, с добрыми голубыми глазами пастора-праведника и приятной улыбкой (но не чересчур приятной, как раз такой, чтобы превратить вермут в не-слишком-сухой-мартини), Уолли был бы мечтой для каждого голливудского режиссера, подбирающего актеров для роли любимого дяди звезды, благородного наставника, просвещенного учителя, уважаемого отца семейства или ангела-хранителя.

– Я был здесь, когда ваш брат остался у нас в прошлый раз, – сказал Уолли Кларк, наклонившись на стуле, чтобы приласкать Валета. – Я не ожидал, что он возвратится сюда. Рассчитывал, что этого не произойдет. Он добрый мальчик.

– Спасибо.

– Он часто приходил сюда поиграть со мною в триктрак. Не волнуйтесь, мистер Родс. Ваш брат – глубокий человек, у него правильные задатки. На сей раз он скоро вылетит отсюда и останется на верном пути.

Ночь снаружи была прохладной и сырой, хотя и не неприятной. Плотные тучи распушились и поредели, временами то показывая серебряную луну, безмятежно скользящую по небесному озеру, то быстро пряча ее снова.

На площади для стоянки автомобилей осталось много мелких лужиц, и Валет натягивал поводок, стараясь пробежаться по каждой из них.

Подойдя к своему фургону, Дасти оглянулся на здание клиники, так похожее на старинный усадебный дом. С королевскими пальмами, которые негромко напевали колыбельные под аккомпанемент сонного бриза, с бугенвиллеями, оплетшими колонны лоджий и нависшими изящными фестончатыми балдахинами в аркаде, это здание вполне могло быть жилищем Морфея, греческого бога сновидений.

И все же Дасти никак не мог избавиться от назойливого подозрения, что за этой картинной видимостью скрывалась какая-то другая, более темная действительность, что это было местом, где вершилась суэта какой-то непрерывной деятельности, торопливо строились тайные планы, что здесь находилось гнездо, улей, в котором трудился кошмарный рой, стремившийся к неведомой отвратительной цели.

Том Вонг, доктор Донклин, Жасмина Эрнандес, Уолли Кларк, да и весь персонал «Новой жизни», казалось, был энергичным, высокопрофессиональным, компетентным и сострадательным. Ничто в их поступках или поведении не давало Дасти ни малейшего основания для того, чтобы подвергать сомнению их намерения.

Возможно, его беспокоило, что все они были слишком совершенными для того, чтобы быть настоящими. Не исключено, что если бы хоть один из служащих «Новой жизни» туго соображал, был медлительным, неряшливым, грубым или рассеянным, то у Дасти не появилось бы этого непонятного, впервые возникшего недоверия к клинике.

Конечно, необычная компетентность, обязательность и дружелюбие персонала означали только то, что «Новая жизнь» хорошо управлялась. Очевидно, глава персонала имел дар подбирать и возвращать первоклассных служащих. Это счастливое обстоятельство должно было породить у Дасти чувство благодарности, а не параноидальное ощущение зловещего заговора.

И все же что-то здесь было *не так*. Он опасался того, что Скит не будет здесь в безопасности. Чем дольше он смотрел на клинику, тем сильнее становились его подозрения. И, к сожалению, он все еще не мог уловить причину, которая их породила.

* * *

Секатор с пружиной и длинными лезвиями и электрическая машинка для стрижки живых изгородей выглядели настолько зловеще, что Марти не могла удовлетвориться, просто выбросив их. Она будет ощущать исходящую от них опасность до тех пор, пока эти предметы не превратятся в безвредный хлам.

Большие садовые инструменты были аккуратно сложены в высоком шкафу. Вилы, грабли для листьев, лопата, мотыга. Кувалда.

Она положила машинку на бетонный пол там, куда Дасти, вернувшись домой, поставит свой фургон, и замахнулась на нее кувалдой. Под ударом тяжелого молота машинка завопила, как живое существо, но Марти рассудила, что еще не до конца испортила ее. Она подняла молот и взмахнула им еще раз, потом третий, четвертый...

Куски пластмассы от раздробленной рукоятки, несколько винтов и другие части с грохотом ударялись о стоявшие поблизости шкафы, со скрежетом отскакивали от блестящих боков «Сатурна». От каждого удара стекла в окнах гаража дребезжали, а от пола отскакивали крошки бетона.

Вся эта шрапнель больно впивалась в лицо Марти. Она понимала, что осколок может отскочить в глаз, но не смела остановиться и поискать защитные очки. Нужно было сделать еще много работы, а большая дверь гаража могла в любой момент с грохотом подняться, сообщив о прибытии Дасти.

Она бросила на пол секатор и принялась жестоко колотить его до тех пор, пока пружина не выскочила и ручки не отвалились.

Тогда вилы. Она молотила по ним до тех пор, пока деревянная ручка не разлетелась на части. Пока зубья не согнулись в бессмысленный запутанный комок.

Кувалда была не из самых тяжелых – в три фунта весом. Однако, чтобы пользоваться ею с желательным разрушительным эффектом, требовались сила и сноровка. Марти, обливаясь потом, задыхалась, во рту у нее пересохло, гортань палило огнем, но она продолжала ритмично вздывать молот над головой и тяжело швырять его вниз.

Конечно, утром ей будет плохо: каждый мускул на плечах и руках будет болеть. Но в этот момент, держа в руках молот, Марти чувствовала такое могущество, что будущая боль нисколько ее не беспокоила. Все ее существо пронизывал пьянящий поток ощущения власти; впервые за весь день она с глубоким удовлетворением почувствовала, что полностью владеет собой. Каждый твердый глухой удар молота будоражил ее; тяжелая отдача, проникавшая из длинной рукояти в ее руки, распространявшаяся в плечи и шею, приносила ей наслаждение, которое можно было сравнить разве что с эротическим. Каждый раз, поднимая молот, она заглатывала воздух, с хеканьем выталкивала его из себя, опуская вниз, и издавала бессвязный негромкий крик радости всякий раз, когда что-то изгибалось или дробилось под тяжестью железного обуха...

...пока внезапно не услышала себя и не осознала, что сейчас должна казаться скорее животным, нежели человеком.

Марти, задыхаясь, отвернулась от разбитых инструментов. Она все еще держала кувалду в руках. Вдруг на глаза ей попало собственное отражение в боковом окне «Сатурна». Ее плечи были ссутулены, голова вытянута вперед на изогнутой под невероятным углом шее. Так, наверно, должен был выглядеть осужденный убийца, с надеждой ожидавший отмены смертного приговора до того момента, пока петля палача не сломала ему шейные позвонки. Ее темные волосы спутались и торчали дыбом, как если бы она получила удар тока. Помешательство превратило ее лицо в рожу ведьмы, и глаза сверкали диким блеском.

Невероятно, но она вспомнила иллюстрацию из сборника рассказов, которым очень дорожила в детстве: злобный тролль под старым каменным мостом склонился над пылающим горном и, орудуя молотом и клещами, кует цепи и кандалы для своих жертв.

Что она сотворила бы с Дасти, если бы он вошел в тот момент, когда она пребывала в апофеозе своего безумного труда... или, кстати, если он войдет сейчас?

Содрогнувшись от отвращения, она отбросила молот в сторону.

Глава 25

Уезжая из дому, Дасти был почти уверен, что, когда настанет время собачьего обеда, они еще не вернутся. Поэтому он насыпал в специальную сумку с «молнией» две кружки сухого гранулированного корма. На сей раз это была баранина с рисом. Пересыпав корм из сумки в пластмассовую миску, он поставил ее на тротуар около фургона.

– Прости за плохую сервировку, – обратился он к собаке.

Даже если бы они находились не на больничной стоянке автомобилей, а на пышном лугу или в роскошной квартире, Валет вряд ли мог бы больше обрадоваться трапезе. Судя по всему его виду, у него не было никаких претензий ни к хозяину, ни к окружающей обстановке.

Собаки обладали таким невероятным множеством замечательных качеств, что Дасти иногда задавался вопросом, не создавал ли бог этот мир, ориентируясь из всей живности прежде всего на них. Люди могли быть помещены сюда уже *post factum*, для того чтобы у собак оказались компаньоны, которые будут готовить им пищу, ухаживать за ними, напоминать им, какие они хорошие, и чесать животы.

Пока Валет поспешно уплетал свой обед, Дасти извлек из-под водительского сиденья сотовый телефон и набрал номер дома. После третьего гудка он услышал голос автоответчика.

Решив, что Марти не хочет отвечать на звонки, он сказал:

– Скарлетт, это я, Рэт. Звоню просто для того, чтобы сообщить, что я уже ругаюсь.

Она не сняла трубку.

– Марти, ты дома? – Он подождал. Потом, чтобы немного затянуть свой монолог и дать ей время добраться до кабинета, где стоял автоответчик, если она находилась в дальнем конце дома, продолжил: – Извини, я запоздал. Чертовски тяжелый день. Я приеду через полчаса, и мы отправимся на обед. Куда-нибудь в слишком дорогое для нас место. Мне надоело быть здравомыслящим и респектабельным. Выбери что-нибудь позэкстравагантнее. Может быть, даже такое, где пищу подают в настоящих тарелках, а не на полистироловых поддонах. Если потребуется, то возьмем ссуду в банке.

Марти или не слышала телефон, или ее не было дома.

Валет покончил с обедом и теперь облизывал нос и усы, собирая крошки. Его язык описывал полные круги, словно пес изображал самолет с крутящимся пропеллером.

Отправляясь куда-нибудь с собакой, Дасти всегда брал с собой и воду в бутылках. И сейчас он открыл бутылку и налил воды в синюю миску. Когда Валет напился, они прошлись в сумеречном освещении по лужайкам, которые с трех сторон окружали «Новую жизнь». Эта прогулка на первый взгляд предпринималась для того, чтобы дать собаке возможность после обеда справить нужду, но, помимо того, Дасти под этим предлогом хотел поближе осмотреть увитое лианами строение.

Даже если клиника и была не совсем тем, чем казалась изнутри, Дасти понятия не имел, где ему следует искать ключи к ее подлинной сути. Ему не попало никаких потайных дверей, ведущих в огромный подземный штаб гениального злодея наподобие тех, которых с таким успехом побеждал Джеймс Бонд. Вероятно, не приходилось рассчитывать также и на то, что удастся застать с полочным какого-нибудь ожившего мертвеца из числа прислуги графа Дракулы²¹, когда тот будет украдкой переносить гроб своего бессмертного и неживого хозяина из фургона, запряженного вороными конями, в подвал здания. Это была южная Калифорния на пороге нового тысячелетия, и поэтому здесь было полно куда более

²¹ Герой одноименного романа Брэма Стокера (1897); его имя стало нарицательным для вампира.

странных существ, чем Голдфингер²² и вампиры, хотя в настоящее время ни одного из них, похоже, в этих местах не было.

Но перед лицом неумолимой заурядности территории клиники подозрения Дасти, похоже, не выдерживали никакой критики. Трава на газонах была аккуратно подстрижена, земля под ногами слегка чавкала после недавнего дождя. Лужайки окружали ухоженные кусты. Ночные тени были всего-навсего теньями.

Хотя Валет часто легко пугался, здесь он чувствовал себя совершенно спокойно и потому сделал все свои дела без обычных нервических колебаний и даже под фонарем, что облегчило его хозяину уборку последствий собачьей прогулки.

Благодаря хорошо заметному заполненному голубому мешочку с собачьими экскрементами у Дасти появился предлог пройти по дорожке позади клиники, где вдоль тротуара не было никаких газонов. Найдя небольшой мусорный контейнер, он бросил туда мешок, а заодно окинул взглядом задний, более скромный фасад клиники: хозяйственный и служебные входы, выброшенные коробки, еще один контейнер.

Ни ему, ни его четвероногому доктору Ватсону не удалось обнаружить на задворках клиники ничего неподобающего, хотя около второго контейнера Валет нашел измазанную ароматным жиром коробку из-под «биг-мака», которую готов был без передышки облизывать и обнюхивать хоть шесть, хоть восемь часов.

Вернувшись из закоулка, Дасти еще раз прошел по газону вдоль южной стороны клиники и, посмотрев на окно комнаты Скита, увидел стоявшего перед окном человека. Освещенная со спины единственным хорошо затененным светильником, фигура представляла собой лишенный каких-либо деталей силуэт.

Хотя под этим углом зрения можно было обмануться, парень казался слишком высоким и слишком широкоплечим для Скита или доктора Донклина. Дежурство Тома Вонга закончилось, и он, конечно, ушел, но он тоже принадлежал к иному физическому типу, нежели этот человек.

Дасти ничего не мог разглядеть на лице незнакомца, даже смутного отблеска в глазах. Однако он был уверен, что этот человек наблюдал за ним. Дасти, словно намереваясь поиграть в гляделки с призраком, не отрываясь смотрел на окно, и в конце концов темная фигура с неуклюжей грацией несомого ветром эктоплазменного существа отклонилась от стекла и выплыла из поля зрения.

Дасти был готов броситься в комнату брата, чтобы узнать, кем же был человек, смотревший на него из окна. Но ведь он почти наверняка оказался бы сотрудником клиники. Или еще одним пациентом, решившим познакомиться со Скитом.

С другой стороны, если невнятное подозрение не было простой паранойей, а имело под собой какую-то почву и человек из окна находился в комнате не с добрыми намерениями, то, конечно, он не стал бы торчать на том же месте теперь, после того как Дасти увидел его. Без сомнения, его там уже не было.

Здравый смысл никак не мог смириться с подозрениями. У Скита не было денег, не было никаких заманчивых жизненных перспектив, он не обладал ни малейшей властью. Не было ничего, что могло бы подвигнуть кого-либо сплести против него сложный заговор.

Кроме того, любой враг – в том маловероятном случае, если он имелся у кроткого Скита, – должен был понимать, что бессмысленно строить сложные планы для того, чтобы мучить и сживать со свету Малыша. Предоставленный своей собственной участи, Скит подвергал себя гораздо более изощренным пыткам, чем мог бы устроить самый жестокий тюремщик, и стремительно подгонял бы себя к полному разрушению.

²² Злодей, персонаж одноименного романа Яна Флеминга из серии о Джеймсе Бонде.

Может быть, это вообще не была комната Скита. Подняв голову к окну, Дасти нимало не сомневался в том, что это комната Малыша, но... не исключено, что окно Скита находится слева. Дасти вздохнул. Валет, всегда сочувствовавший переживаниям хозяев, вздохнул в ответ.

– Похоже, твой старик заблудился, – сказал ему Дасти.

Ему не терпелось оказаться дома, рядом с Марти, вырваться из безумия этого дня и вернуться к реальности.

* * *

Лиззи Борден²³ топором
Сорок раз отца рубила...

Омерзительные слова разухабистой уличной песенки снова и снова раздавались в мозгу Марти. Они разрывали непрочную цепь ее логики, и ей все время приходилось собираться с силами для того, чтобы оставаться сосредоточенной.

На гаражном верстаке были закреплены тиски. Марти крутила рукоять до тех пор, пока губки тисков не сжали топориче мертвой хваткой.

Ей пришлось напрячь всю свою волю для того, чтобы заставить себя взять в руки ножовку. Это тоже был опасный инструмент, но он не внушал такого страха, как топор, который необходимо было уничтожить. А потом она, конечно, уничтожит и ножовку.

Марти принялась пилить топориче у самого обуха. Стальная головка топора все равно останется чрезвычайно опасной, даже и без топорича, но цельный топор куда смертоноснее, чем любая из его частей.

Лиззи Борден топором
Сорок раз отца рубила...

Полотно ножовки вязло в твердой древесине топорича, изгибалось, снова вязло, оставляя неровную прорезь. Марти швырнула пилу на пол.

В наборе инструментов имелось две плотницкие пилы. Одна из них была продольной и предназначалась для того, чтобы пилить вдоль волокон, а другая – поперечной. Правда, Марти не могла отличить одну от другой. Она нерешительно попробовала одну, затем другую, но ни одна ей не понравилась.

Отдохнула, а потом
Все сначала повторила.

Среди инструментов была электрическая циркулярная пила с полотном настолько устрашающего вида, что от Марти потребовалась вся ее сила воли, чтобы вынуть ее, воткнуть провода в розетку, взять пилу за рукоять и включить. Несколько секунд пила судорожно дергалась, ее зубья без толку царапали дуб, но когда Марти взяла инструмент потверже, полотно, басовито жужжа, врезалось в древесину, и головка топора с культей топорича упала на верстак.

²³ «Героиня» судебного процесса, состоявшегося в США в 1893 г. Ее обвиняли в том, что она убила топором своего отца и мачеху.

Марти отпустила кнопку пилы и отложила инструмент в сторону. Разжала челюсти тисков, вынула обрезок топорища. Бросила его на пол.

После этого она обезглавила кувалду.

Затем лопату. У нее рукоятка длиннее. И сама она тяжелее. Зажать ее в тиски оказалось труднее, чем топор или кувалду. Но вскоре и она пала жертвой электропилы, и штык лопаты с жестяным грохотом упал на верстак.

Потом она распилила мотыгу.

Грабли.

Что еще?

Фомка. Крюк с заостренной лапкой с прорезью для вытаскивания гвоздей с одной стороны, плавно изогнутый рычаг – с другой. Этот кривой стальной прут нельзя распилить.

Этим можно разбить пилу. Сталь звенит о сталь, о бетон, и звук раскатывается по гаражу, словно это огромный колокол.

А разделавшись с пилой, она все так же держала фомку в руках. Она была не менее опасна, чем кувалда, ради которой она в первый раз взялась за пилу.

Она замкнула круг. И ничего не добилась. На деле фомка была даже опаснее кувалды, потому что ее было легче держать в руках.

Надежды не было. Невозможно было сделать дом безопасным, даже одну комнату, даже один уголок комнаты. Это было невозможно до тех пор, пока в доме находилась она. Это она, а не какой-то неодушевленный предмет, была источником этих кошмарных мыслей, это она представляла собой единственную угрозу.

Ей следовало зажать пилу в челюстях тисков, включить ее и отпилить себе руки.

И теперь она держала фомку такой же мертвой хваткой, как недавно – кувалду. В мозгу, ужасая ее, мелькали кровавые видения.

Щелкнул и загудел мотор ворот гаража. Створка с негромким лязгом поднялась, и Марти обернулась к открывшимся дверям.

Шины, фары, ветровое стекло, Даста за рулем, рядом с ним Валет. Нормальная жизнь на самых прозаических колесах въезжала в личную Сумеречную зону Марти. Это было то самое столкновение вселенных, которого она страшилась с тех самых пор, как перед ее умственным взором возникло пророческое видение – ключ, торчащий из глаза Дасты, – от которого ее сердце рухнуло вниз, словно скоростной лифт, а содержимое желудка взлетело вверх, как противовес.

– Не подходи ко мне! – иступленно закричала она. – Ради всего святого, не подходи! Со мной творится что-то страшное!

В лице Дасты так же отчетливо, словно это было зеркало, Марти увидела, насколько странной – насколько сумасшедшей – она выглядит.

– О, боже!

Она отшвырнула фомку, но и топор без топорища, и головка кувалды находились совсем недалеко от нее, на верстаке. Она могла одним движением схватить любой из этих предметов и запустить в ветровое стекло.

Ключ. Глаз. Вонзить и повернуть.

Внезапно Марти осознала, что не выбросила автомобильный ключ. Как она могла допустить такую промашку и не избавиться от него сразу же по приезде домой, а принялась возиться с ножами, скалкой, садовыми инструментами и всем прочим? Если это кошмарное видение и на самом деле было пророческим, если этот ужасный акт насилия неизбежен, то автомобильный ключ был *первой* из вещей, которую она обязана была искорежить, а потом захоронить на дне мусорного бачка.

Пройти Дасты и попасть на следующий уровень игры, где прозаический ключ Уровня 1 становится мощным волшебным объектом, эквивалентным Кольцу Всевластия Властелина

всех магических Колец Средиземья, того самого, которое необходимо доставить обратно в Мордор и расплавить в том же огне, в котором оно было отковано, расплавить до того, как оно начнет служить Злу. Но это была не игра. Ужасы были реальными. И кровь, когда потечет, окажется густой, теплой и влажной, а не просто двухмерной совокупностью различных пикселей, сливающихся в красные пятна соответствующих оттенков.

Марти отвернулась от фургона и поспешила в дом.

На доске со штырьками автомобильного ключа не было.

На кухонном столе не было ничего, кроме запотевшего стакана с недопитым имбирным пивом и бутылочной пробки.

Через спинку стула небрежно переброшен ее плащ. Два глубоких кармана. В одном несколько «Клинексов». В другом книжка.

Ключа нет.

Из гаража слышался голос Дасти. Он звал ее. Он, должно быть, вышел из фургона и пробирался через кучу хлама, которую она оставила на полу. С каждым разом ее имя звучало все громче и ближе.

Прочь из кухни, в холл, мимо столовой, гостиной в прихожую. Марти бежала к парадному входу с единственной целью – сделать расстояние, отделяющее ее от Дасти, как можно больше. Она была не в состоянии подумать о том, что будет после этого безумного бегства, о том, куда же ей в конечном счете придется направиться, что делать. Сейчас ничего не имело значения, кроме одного: убежать как можно дальше от мужа, чтобы не иметь возможности причинить ему вред.

Маленький персидский коврик, на который она наступила в прихожей, скользнул по шлифованному дубовому паркету, и в следующий миг Марти оказалась на полу, тяжело рухнув на правый бок.

Локтем она стукнулась о твердое дерево; мгновенно вспыхнула боль, охватившая всю ее руку, от плеча до кончиков пальцев. Очень больно было ребрам, по которым через нервы растеклась боль от ушиба тазобедренного сустава.

Но самой отвратительной оказалась слабая боль в правом бедре: быстрый укол, резкий, но непродолжительный. Она наткнулась на что-то, лежавшее в правом кармане ее джинсов, и сразу поняла, что же это было такое.

Автомобильный ключ.

И это было бесспорным доказательством: она не могла доверять себе. На каком-то подсознательном уровне она, конечно, знала, что ключ лежит у нее в кармане – и когда смотрела на доску, и когда искала на столе, и когда отчаянно рылась в карманах плаща. Она обманывала себя, а ведь единственной причиной для обмана могло быть лишь намерение воспользоваться ключом для того, чтобы ослепить, убить. Внутри себя она была Иной Мартиной, существом с расстроенной психикой, которого боялась, которое было способно на любое злодеяние и стремилось осуществить ненавистное пророчество: *Ключ. Глаз. Вонзить и повернуть.*

Марти, держась за ручку застекленной парадной двери, с трудом поднялась на ноги.

И в тот же самый момент снаружи показался Валет. Лапами он упирался в переплет витража, уши были насторожены, а язык вывален на сторону. Сквозь многочисленные квадраты, прямоугольники и круги граненого стекла, среди которых тут и там были разбросаны призмы алмазной огранки и круглые стеклянные бусинки, его мохнатая морда казалась кубистическим портретом, одновременно и забавным, и демоническим.

Марти отшатнулась от двери. Не потому, что испугалась Валета, а как раз наоборот – она боялась за него. Если она и впрямь была способна причинить вред Дасти, то и бедному доверчивому псу тоже грозила опасность.

– Марти! – позвал Дасти из кухни.

Она не ответила.

– Марти, где ты? Что случилось?

Вверх по лестнице. Бесшумно, но быстро, через ступеньку, невзирая на хромоту из-за засевшей в бедре боли от ушиба. Левая рука держится за перила. Правая роется в кармане.

На верхней ступеньке лестницы она уже сжимала ключ в кулаке, только серебристый кончик выглядывал из крепко сжатых пальцев. Маленький кинжал.

Может быть, ей удастся выбросить его из окна. В ночь. Забросить в густой кустарник или за забор в соседский сад, откуда ей не так уж легко будет достать его обратно.

В полутемном холле второго этажа, где горела только одна лампа над лестницей, она остановилась в нерешительности, потому что не любое окно годилось для ее цели. Некоторые были закрыты наглухо. А из тех, что можно открыть, часть наверняка разбухла после дождливого дня, и их так просто не распахнешь.

Ключ. Глаз. Вонзить и повернуть.

А времени не было. Дасти мог найти ее в любой момент.

Она не смела задерживаться, не смела рисковать, угадывая, какое же из окон скорее всего может легко открыться – ведь тем временем Дасти мог подойти к ней, а ключ продолжал бы оставаться в ее руках. При виде мужа она могла бы сорваться, могла бы совершить одно из тех невероятных злодеяний, которые всю вторую половину дня обуревали ее сознание. Ладно, тогда остается большая ванная. Смыть проклятую штуковину в канализацию.

Сумасшествие.

Но все равно, сделать это! Шевелись, шевелись, делай, сумасшествие это или нет.

У парадной двери обычно молчаливый Валет начал лаять, прижимаясь мордой к стеклу.

Марти вихрем ворвалась в спальню и включила верхний свет. Только она шагнула к ванной, как тут же остановилась. Ее пристальный взгляд, быстрый и острый, как гильотина, упал на тумбочку Дасти.

В своей исступленной попытке обезопасить дом она вышвырнула такие безобидные предметы, как картофелечистки и ковырялки для кукурузы, и даже не подумала о самой опасной из всех имевшихся у них вещей, об оружии, которое было только и исключительно оружием, а не могло использоваться в качестве скалки или терки для сыра, – о полуавтоматическом пистолете 45-го калибра, который Дасти купил на тот случай, если в дом ворвутся злодеи.

Это был еще один пример хитрого самообмана. Иная Марти – насильница, в течение столь долгого времени захороненная в глубинах ее личности, и вот теперь эксгумированная – сбила ее с пути, подтолкнула ее истерию, отвлекала ее до предпоследнего момента, когда она была менее всего способна ясно мыслить и обдуманно действовать, когда Дасти оказался рядом и подходил все ближе и ближе... И вот теперь ей разрешили – о нет, помогли – вспомнить о пистолете.

Внизу, в прихожей, Дасти через окно в парадной двери говорил с ретривером:

– Спокойно, Валет, спокойно! – И собака прекратила лай.

Когда Дасти купил пистолет, он настоял на том, чтобы Марти училась стрелять вместе с ним. Они десять-двенадцать раз ходили на стрельбище. Марти не любила оружия, она не хотела иметь в доме и этот пистолет, хотя и понимала, что мудрость требует иметь возможность защищаться в этом мире, где прогресс и дикость нарастают с одинаковой скоростью. Она на удивление ловко обращалась с оружием, с безотказным никелированным «коммандером кольтом», дальним родственником знаменитых револьверов.

Внизу, в прихожей, слышался голос Дасти.

– Хорошая собачка, – похвалил он послушного Валета. – Очень хорошая собачка.

Марти отчаянно хотелось избавиться от «кольта». Пока оружие находилось в доме, Дасты находился в опасности. Да и никто поблизости не мог бы считаться в безопасности, если бы пистолет попал ей в руки.

И она подошла к тумбочке.

Ради всего святого, оставь его в ящике.

Она открыла ящик.

– Марти, милая, где ты? Что случилось? – Он уже был на лестнице и с каждым мгновением приближался.

– Уходи, – потребовала она. Она хотела крикнуть, но получилось хриплое сдавленное карканье, потому что ее горло было перехвачено страхом и потому что она запыхалась, – но, возможно, еще и потому, что убийца в глубине ее существа на самом деле не хотел, чтобы он уходил.

В ящике между коробкой с носовыми платками и пультом дистанционного управления для телевизора тускло поблескивал пистолет – рок, воплотившийся в кусок элегантно обработанной стали, ее темная судьба.

Как жук-точильщик, который тикает своими мандибулами, прогрызая туннели в глубине дерева, иная Марти корчилась в плоти Марти, вгрызалась в ее кости, обгрызала душу.

Она подняла «кольт». С механизмом простого действия, хорошо компенсированной отдачей, усилием нажима на спусковой крючок в 4,5 фунта и защищенной от заклинивания семизарядной обоймой, он был идеальным оружием для личной самообороны в ближнем бою.

Пока она не отступила от тумбочки и не повернулась к ней спиной, Марти не отдавала себе отчета в том, что выронила автомобильный ключ.

Глава 26

Даже падая с крыши, Дасти не был так испуган – ведь сейчас он боялся не за себя, а за Марти. В тот момент, когда она бросила фомку и убежала, лицо ее было застывшим, как густо накрашенный лик артиста японского театра «Кабуки». Бледная гладкая кожа, словно покрытая гримом. Глаза, форма которых подчеркнута не тушью, а болью. Глубокая красная рана рта.

Не подходи ко мне! Ради всего святого, не подходи! Со мной творится что-то страшное!

Даже сквозь густой гул мотора, работавшего на малых оборотах, он отчетливо расслышал ее предупреждение и почувствовал ужас, заставлявший голос срываться.

Разгром в гараже. Беспорядок на кухне. Мусорный бачок у черного хода, рядом с открытой дверью, наполнен чем угодно, но только не мусором. Он совершенно не мог понять, что же все это значит.

На первом этаже было холодно, так как кухонная дверь стояла открытой. Дасти вдруг пришло в голову, что этот холод говорит о присутствии в доме ледяного духа, который проник сюда через другую, невидимую дверь из места, бесконечно более чуждого, чем черный ход.

Серебряные подсвечники на столе в гостиной, казалось, были прозрачными, словно являлись собственными отражениями или же были вырезаны из льда.

Гостиная была исполнена зимним блеском стеклянных безделушек, медных каминных принадлежностей, фарфоровых ламп. Время на старинных часах замерло на 11.00. Во время медового месяца они нашли эти часы в антикварном магазине и приобрели за сходную цену. Часы не были им нужны в своем основном качестве, и они не намеревались восстанавливать их механизм. Стрелки застыли, указывая на час их свадьбы, а это выглядело добрым предзнаменованием.

Успокоив Валета, Дасти решил пока что оставить собаку у парадного входа, а сам быстро поднялся по лестнице. Хотя с каждой ступенькой воздух в доме становился все теплее, холод шел по лестнице вместе с ним, тот самый холод, который пронизал его при виде искаженного мукой лица Марти.

Он нашел ее в большой спальне. Она стояла около кровати, держа в руках пистолет 45-го калибра, и, выдернув из него обойму, иступленно бормоча что-то вполголоса, выдирала патроны.

Вынув патрон, она швырнула его через комнату. Он ударился о зеркало, но не разбил его, а отскочил на туалетный столик и упокоился среди декоративных гребней и расчесок.

Дасти сначала не мог понять, что она говорит, но тут разобрал: «...Благодатная Мария, Господь с Тобою; благословенна Ты в женах...»

Громким шепотом, повизгивая от напряжения, как испуганный ребенок, Марти читала молитву Пресвятой Марии, выковыривая при этом из обоймы патрон за патроном, словно то были бусинки четок и она с молитвою исполняла епитимью.

Дасти, стоя в дверях, глядел на Марти и чувствовал, как на сердце у него становится все тяжелее от страха за нее; тяжесть непрерывно нарастала до тех пор, пока не пронзила грудь острой болью.

Она отбросила еще один патрон, стукнувшийся о комод, и вдруг заметила стоявшего в дверях мужа. Ее лицо, и так достаточно белое для того, чтобы она могла выйти на сцену «Кабуки», побледнело еще сильнее, хотя, казалось, это уже было невозможно.

– Марти...

– Нет... – выдохнула она, когда Дасти шагнул через порог.

Она выпустила пистолет из рук, он со стуком упал на ковер, а Марти пнула его с такой силой, что он пролетел через всю комнату и гроыхнул о дверцу шкафа.

– Марти, это же я.

– Уходи отсюда, уходи, уходи, уходи!

– Почему ты боишься меня?

– Я боюсь *себя*! – Ее тонкие белые пальцы ковыряли обойму пистолета с упорством голодной вороны, вытаскивая очередной патрон. – Ради бога, *беги* отсюда!

– Марти, что...

– Не приближайся ко мне, не надо! Не доверяй мне. – Она говорила через силу, ее голос беспомощно дрожал и срывался, как канатоходец, потерявший равновесие. – Я спятила, совершенно спятила.

– Послушай, милая, я никуда не уйду, пока не выясню, что здесь случилось, какая стряслась беда, – ответил Дасти, делая еще один шаг в ее сторону.

С воплем отчаяния она отшвырнула патрон и полупустую обойму в разные стороны (подальше от Дасти) и кинулась в ванную.

Он бросился за нею.

– *Пожалуйста*, – взмолилась Марти, решительно пытаясь закрыть дверь ванной перед его носом.

Всего лишь минуту назад Дасти и помыслить не мог о том, что могут возникнуть какие угодно обстоятельства, при которых он использует силу против Марти, и теперь, когда он сопротивлялся ее усилию, в его желудке возник противный комок. Просунув колено между дверью и косяком, он попытался протиснуться в ванную.

Вдруг Марти резко отпустила дверь и отступила в угол.

Дверь распахнулась настолько резко, что Дасти вздрогнул и споткнулся о порог.

А Марти отступала все дальше и дальше, пока не уперлась спиной в дверцу душевой кабины.

Придержав автоматическим движением дверь ванной, отсочившую от резинового упора, Дасти не отводил глаз от Марти. Он нашарил выключатель на стене и включил флуоресцентную панель над двойной раковиной умывальника.

Искусственный свет отражался от зеркал, фарфора, белого и зеленого кафеля. От никелированных сантехнических приборов, сияющих, как хирургические инструменты.

Марти стояла, прижавшись спиной к полупрозрачной душевой кабине. Глаза закрыты. Лицо искажено от напряжения. Кулаки прижаты к вискам.

Губы быстро шевелились, но не издавали ни звука, будто она онемела от ужаса.

Дасти подозревал, что она опять молилась. Он сделал три шага и коснулся ее руки.

Ее темно-синие и полные тревоги, как штормовое море, глаза широко распахнулись.

– *Уходи!*

Потрясенный страстным напряжением, прозвучавшим в ее голосе, он сделал шаг назад.

Дверца душевой кабины со звонким щелчком раскрылась, и Марти скользнула внутрь.

– Ты даже не знаешь, что я могу сделать. Мой бог, ты даже представить себе не можешь, насколько это будет ужасно и жестоко.

Прежде чем она успела задвинуть дверцу кабинки, Дасти протянул руку и придержал створку.

– Марти, я не боюсь тебя.

– Ты должен бояться, должен.

– Скажи же мне, что произошло! – пораженный, потребовал он.

Прожилки в ее сделавшихся темными голубых глазах походили на трещины в толстом стекле, черные зрачки казались пулевыми пробоинами в мишени.

И вдруг, словно раскололась невидимая преграда, из нее осколками посыпались слова:

– Во мне есть что-то такое, чего ты не знаешь, где-то внутри сидит другая я, полная ненависти, готовая искалечить, зарезать, уничтожить, а может быть, это и не иная, а просто я, и, значит, я не тот человек, которым всегда себя считала, а что-то извращенное, ужасное, ужасное!

Даже в самых кошмарных своих сновидениях, в самые отчаянные моменты своей жизни наяву Дасти никогда не испытывал такого всепоглощающего испуга, и в сложившемся в мозгу представлении о себе как о человеке он никогда не допускал, что страх может настолько сокрушить его, как это было сейчас.

Он ощущал, что та Марти, которую он всегда знал, ускользает от него, необъяснимым образом, но неумолимо проваливается в какой-то психологический Мальстрем, более непостижимый, чем любая черная дыра в глубинах Вселенной, и что даже если какая-то ее часть останется здесь, после того как ужасный вихрь прекратится, то она окажется не менее загадочной, чем иноземная форма жизни.

И хотя до сих пор Дасти никогда не представлял себе, до какой степени им может овладеть ужас, он всегда понимал, насколько холодным станет для него этот мир, если в нем не будет Марти. Перспектива безрадостной и одинокой жизни без нее и являлась источником того страха, которым он сейчас терзался.

А Марти пыталась отступить подальше от стеклянной дверцы, пока не забилась в самый угол душевой кабины; она вся съежилась, обхватив грудь руками и засунув кулаки под мышки. Все ее кости, казалось, торчали наружу – колени, бедра, локти, лопатки, череп, – как будто скелет стремился разорвать свой союз с плотью.

Когда Дасти вслед за ней вступил в кабинку, Марти простонала:

– Прошу тебя, Дасти, не надо, пожалуйста, не надо. – Ее голос гулко отдавался от кафельных стен.

– Я могу помочь тебе.

Марти заплакала. Ее рот искривился, все черты лица исказились.

– Нет, милый, нет. Отойди. – Она тряслась всем телом.

– Неважно, что бы ни случилось, я смогу тебе помочь.

Когда Дасти приблизился, Марти соскользнула по стене и скорчилась на полу, так как ей было уже некуда отступить от него.

Он опустился рядом с ней на колени.

Когда же он положил ей руку на плечо, она забилась в конвульсиях, панически выкрикнула одно слово:

– Ключ!

– Что?

– Ключ, ключ! – Она оторвала сжатые кулаки от тела и поднесла их к лицу. Сжатые пальцы судорожно разжались. Марти всмотрелась в пустую правую руку, затем в пустую левую. Она выглядела пораженной, как будто некий фокусник незаметно для нее заставил монету или скомканный шелковый шарф исчезнуть из ее ладони.

– Нет, он был у меня, он у меня, этот автомобильный ключ, он где-то здесь! – Она отчаянно ощупывала карманы джинсов.

Дасти вспомнил, что видел ключ от автомобиля на полу около тумбочки.

– Ты обронила его в спальне.

Она подняла на него недоверчивый взгляд, но потом, казалось, вспомнила.

– Прости меня. Что я могла сделать? Вонзить и повернуть. О, Иисус, бог мой! – Она продолжала дрожать всем телом. В ее глазах появилось выражение глубокого стыда, сразу же проявившегося чуть заметным румянцем на противоестественно меловой коже.

Когда Дасти попытался обнять ее, Марти принялась сопротивляться, нервно предупреждая его не доверять ей, беречь глаза, потому что, хотя у нее и не было автомобильного ключа, у нее были накладные акриловые ногти, достаточно острые для того, чтобы вонзиться в его глаза, потом она внезапно попыталась сорвать их, цепляясь ногтями одной руки за ногти другой; они громко щелкали – клик-клик-клик, – будто откуда-то сыпалась куча больших твердых жуков. Наконец Дасти перестал *пытаться* обнять ее и просто – черт возьми! – *обнял*, ошелобив Марти. Он сжал ее в своих любящих объятиях, с силой прижал к себе, как если бы его тело было громоотводом, через который могли бы уйти ее страхи, чтобы она могла вернуться к действительности. Она напряглась, пытаясь спрятаться в свой эмоциональный панцирь, и, хотя внешне уже становилась больше похожа на себя, еще сильнее сжалась в комочек, так что казалось, будто неимоверная сила ее страха стремилась стиснуть ее, пока Марти не станет такой же твердой, как камень, как алмаз, пока она не сколлапсирует в черную дыру своего собственного создания и не исчезнет в параллельной вселенной, куда, как ей на миг подумалось, скрылся автомобильный ключ, когда его не оказалось у нее ни в правой, ни в левой руке. Дасти, не поддававшийся страхам, продолжал обнимать ее. Он медленно баюкал ее, сидя на полу душевой кабины, и говорил, что он любит ее, что все будет хорошо, что она не злобный орк, а добрый хоббит²⁴ и что в этом можно легко убедиться, стоит лишь взглянуть на ее забавные, неженственные, но очаровательные пальчики на ногах, которые она унаследовала от Улыбчивого Боба, говорил ей все, что только приходило ему на ум, что могло бы вызвать у нее улыбку. Улыбалась она или нет, он не знал, так как ее голова была опущена и лица не было видно. Однако через некоторое время она прекратила сопротивление. Прошло еще немного времени – чуть побольше, – и ее тело расслабилось, и она сама обхватила мужа руками, сначала робко, потом смелее, и постепенно она повернулась к нему всем телом и прижалась так же, как он прижимался к ней, с беззаветной любовью, с острым ощущением наступивших в их жизни безвозвратных перемен и с тяжелым сознанием того, что теперь они существовали в гигантской тени надвигающегося неведомого.

²⁴ Орки, хоббиты – сказочные существа из «Властелина Колец» Дж. Р. Р. Толкиена.

Глава 27

Посмотрев по телевизору вечерние новости, Сьюзен Джэггер обошла квартиру, сверив все имевшиеся в ней часы со своими электронными наручными часами. Она занималась этим каждый вторник по вечерам в один и тот же час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.